

ВОЛГДКОН

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

#ВОЛГАКОН-2020

сборник фантастических рассказов

Волгоград

Издательство «Перископ-Волга»

2020

УДК 821.161.1

ББК 84-445

#Волгакон-2020: сборник фантастических рассказов / Фестиваль литературной фантастики «#Волгакон», г. Волгоград, 2020–2021 гг. / Отв. редактор О.О. Путило. Волгоград: Перископ-Волга, 2020. – 221 с.

Отв. редактор – Путило О.О.

Дизайн обложки – Сторчилов П.А.

ISBN 978-5-907288-52-2

В сборнике представлены фантастические рассказы победителей литературного конкурса «#Волгакон».

Книга посвящается памяти основателя фестиваля «Волгакон», активиста фэн-движения, издателя и писателя Бориса Завгороднего (20.10.1952–01.04.2020).

Сборник подготовлен на средства гранта конкурса молодежных проектов среди физических лиц ФАДМ «Росмолодежь» (Соглашение от 04.06.2020 №260ф).

СОДЕРЖАНИЕ

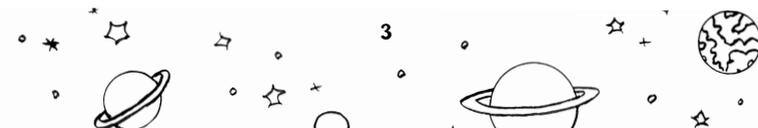
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

<i>Елена Пальванова</i> БОЖЬЯ ИСКРА	9
<i>Ольга Горягина</i> В ЗАЩИТУ ЖИВОТНЫХ	18
<i>Вероника Баранова</i> ОБОРОТ	33
<i>Мария Ломшина</i> ЗАКОУЛКИ МЕНЯ	51
<i>Анна Сторожакова</i> СЛОЖИ СВОЕГО ПОСЛЕДНЕГО ЖУРАВЛЯ	72
<i>Лев Котовский</i> ДИФФУЗИЯ	87
<i>Александр Хорунжий</i> ЗА МНОЙ ПРОСИЛИ НЕ ЗАНИМАТЬ	101
<i>Данила Дёмин</i> ПЕСНЯ РУИН	111

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗРЕЛЫХ АВТОРОВ

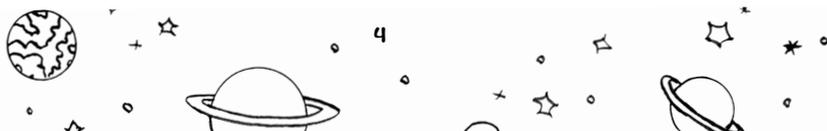
<i>Антон Казаков</i> РАСШИРЕННЫЕ ГАРАНТИИ	127
<i>Ирина Соляная</i> ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ	147

Евгений (Саул) Соловьёв, Евгения Соловьёва ТУДА И ОБРАТНО И ВСЁ СНАЧАЛА	169
Руслан Нурушев СКАЗКИ О БЕССМЕРТНОМ	175
Владимир Зайцев В ПУСТОТЕ	188
Ирина Погонина ФЕЯ И ТРОЛЬ	198

КРИТИКА

Стелла Странник О ЧЁРНЫХ БАЛАМУТАХ И СТАРИЧКАХ, ИГРАЮЩИХ В КЛАССИКИ	204
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	215

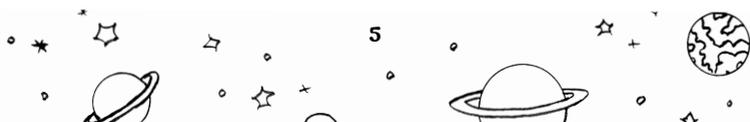
ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея провести конвент любителей фантастики на берегах Волги была реализована знаменитым фэном № 1 Советского Союза Борисом Завгородним в сентябре 1991 года. Впервые он задумался об этом ещё в 1984 году, однако планам помешал разгром советского фэндомы и закрытие волгоградского клуба «Ветер времени». Вновь к этому замыслу Борис возвращается после посещения «Соцкона», в конце 1989 года он приступает к активным действиям по его организации.

Первый фестиваль литературной фантастики «Волгакон» проходил с 8 сентября по 14 сентября 1991 года. Ведущей темой был объявлен популярный в те годы жанр киберпанка, поэтому конвент получил второе имя – «Киберпанки на Волге». Так же назывался и приуроченный к мероприятию сборник зарубежных киберпанков Брюса Стерлинга и Пола Ди Филиппо.

Среди прибывших на конвент были известные писатели-фантасты Кристофер Сташефф (США), Терри Биссон (США), Пол Парк (США), Джеймс Хоган (Ирландия), Ларри Мак Кэффри (США), Крис Чиверс (Великобритания), издатели и редакторы Эрик Симон (Германия), Рон Кларк (Австралия), Норихиро Ооно (Япония), Владо Риша (Чехословакия), Ивайло Рунев (Болгария). Ещё обширнее был перечень отечественных писателей и фэнов: Александр Бачило, Александр Больных, Юрий Брайдер, Юлий Буркин, Владимир Васильев, Михаил Веллер, Лев Вершинин, Эдуард Геворкян, Василий Головачев, Евгений Дрозд, Василий Звягинцев, Людмила Козинец, Алан Кубатиев, Андрей Лазарчук, Святослав Логинов, Любовь и Евгений Лукины, Виталий Пищенко, Геннадий Прашкевич, Сергей Синякин, Андрей Столяров, Михаил Успенский, Игорь Федоров, Николай Чадович, Михаил Шаламов, Борис Штерн и др. Всего в Волгоград прибыло более 300 человек из 66 городов.

К конвенту был выпущен широкий ряд промопродукции с символикой «Волгакона»: конверты, бланки писем, закладки с фирменной символикой, два вида открыток, пакеты, ручки, футболки, плакаты, оберточная бумага, пивные кружки с Волгаконом

(маскотом конвента), пивные этикетки и даже сувенирные «деньги» – один стругль, три кларка и сто фэнов с портретом самого Завгороднего.

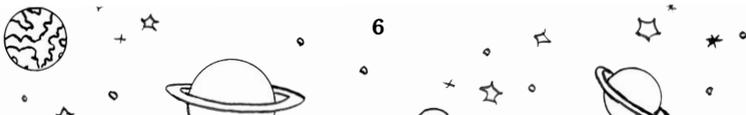
Приятным событием стал выпуск к конвенту целой серии покетбуков, среди которых были дебютные книги Владимира Васильева, Сергея Синякина, Марианны Алферовой, Александра Больных, Ольги Акимочкиной, Сергея Щеглова, Леонида Резника. Специально к фестивалю был издан англоязычный сборник «Fank-91», включавший ряд статей о фэндоме и советской фантастике, а по завершении конвента – сборник отечественных авторов «Волгакон-1».

И участники «Волгакона», и журналисты отмечали, что фестиваль стал первой поистине международной конвенцией в нашей стране, а российская фантастика, по словам А. Синицына и Д. Байкалова, «перестала вариться в собственном соку и ощутила себя частью всемирного литературного процесса».

Второй «Волгакон» проходил с 22 по 26 августа 2001 года и получил название «Волжская одиссея-2001». Список участников был менее представительным, чем в 1991 году: участие в конвенте приняли только отечественные писатели и любители фантастики: Ирина Андронати, Юрий Астров-Зацарицынский (Брехов), Сергей Битюцкий, Владимир Васильев, Лариса Ворошилова, Дарья Завгородняя, Сергей Зайцев, Юрий Зубакин, Андрей Измайлов, Ольга Кавеева, Сергей Карпов, Ирина Карпова, Михаил Касьяник, Александр Кучерук, Андрей Лазарчук, Надежда и Евгений Лукины, Алексей и Лилия Маштаковы, Светлана Мелихова, Геннадий Мельников, Александр Олексенко, Сергей Синякин, Дмитрий Скирюк, Сергей Стоян, Олег Шевченко, Борис Щуров (Заикин), Михаил Якубовский, Ирина Ясиновская и др.

Специально для конвента были изданы дайджест фэнзина «Шалтай-Болтай» «Лучшее за 5 лет», книги З. Кейна «Обратная сторона бесконечности», Б. Хоффа «Дао Винни-Пуха», С. Вэйкфилда «Боттерснайки против гамблов», «Путеводитель по Волгоградской фантастике» Ирины Карповой, «Рассказы и статьи» Юрия Астрова-Зацарицынского, а также двухтомник «Избранное» Геннадия Мельникова.

Весной 2002 года было сделано официальное объявление о начале подготовки к третьей международной встрече фантастов

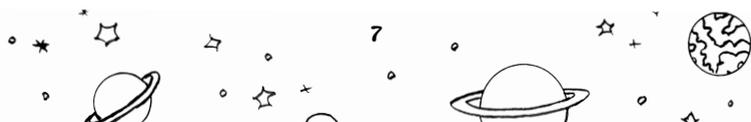
на Волге. К фестивалю удалось подготовить три издания: «Книгу памяти Бориса Миловидова», сборник стихов Бориса Щурова (Зайкина) и сборник стихов Геннадия Мельникова. Благодаря фирме «Нисса-регион» было выпущено сто экземпляров второго, дополненного, издания «Библиографии Волгоградской фантастики» Ирины Карповой. Конвент проходил в камерной обстановке: сказывалось отсутствие спонсоров, поэтому разочарованный Борис Завгородний объявил в день открытия, что это будет последний в этом тысячелетии «Волгакон». В подтверждение своих слов в последний день конвента он сжег чучело Волгакона, «как предателя идей и дела Русского Фэндома».

Несмотря на большую популярность и известность конвента как в Волгограде, так и по всей России, проект пришлось закрыть. За 17 лет в регионе так и не появилось его аналогов. Поэтому летом 2019 года на собрании представителей волгоградского фэндома литературовед Анна Путило предложила возродить традицию проведения фестиваля литературной фантастики на берегах Волги. Присутствовавший на заседании Борис Завгородний, как основатель конвента, всецело поддержал это начинание. В мае 2020 г. стало известно, что заявка на проведение нового «#Волгакона» получила грантовую поддержку ФАДМ «Росмолодежь», однако, к сожалению, Завгородний скончался за месяц до объявления этой новости.

Поскольку одной из традиций конвента был выпуск сборника фантастических произведений, 11 мая 2020 г. был объявлен конкурс фантастического творчества, цель которого заключалась в оказании поддержки талантливой молодежи в реализации их творческого потенциала. Конкурс проходил в трёх номинациях:

1. Произведения молодых авторов (от 14 до 30 лет).
2. Произведения зрелых авторов (от 31 года).
3. Критика и публицистика.

Прием работ был завершён 31 августа 2020 года, после чего к их оценке приступило компетентное жюри под председательством известного волгоградского писателя-фантаста Евгения Лукина. Кроме того, на официальных ресурсах фестиваля было организовано и открытое читательское голосование. Реализация конкурса подтвердила его актуальность: организаторам конкурса было на-

правлено множество рассказов. После отбора и обработки при- сланных литературных творений для ознакомления членам жюри был представлен 71 рассказ от 63 авторов, из числа которых 32 фантаста имели возраст не старше 30 лет. В конечном итоге, в сборник были отобраны 7 рассказов молодых авторов и 6 рассказов зрелых авторов. Лидером читательского голосования стал рассказ 17-летнего Данилы Дёмина «Песня руин». Порядок размещения произведений в сборнике определяется местами, которые они заняли в конкурсе.

Представленные в этой книге рассказы отражают всё много- образие фантастических жанров: нравоучительные сказки «Божья искра» Елены Пальвановой и «Фея и тролль» Ирины Погониной, постапокалиптические рассказы «Оборот» Вероники Барановой, «Пес- ня руин» Данилы Дёмина, «За мной просили не занимать» Алексан- дра Хорунжего, детектив «Третье пришествие» Ирины Соляной, мистический рассказ «Сложи своего последнего журавля» Ан- ны Сторожаковой, юмористическое фэнтези «Туда и обратно и всё сначала» Евгения и Евгении Соловьёвых, научно-фантастические рассказы «В защиту животных» Ольги Горягиной, «В пустоте» Вла- димира Зайцева, «Расширенные гарантии» Антона Казакова, психо- логическая фантастика в рассказе «Закоулки меня» Марии Ломши- ной, киберпанк в рассказе «Диффузия» Льва Котовского и магиче- ский реализм в «Сказках о Бессмертном» Руслана Нурушева.

Несмотря на то, что конкурс в разделе «Критика» не состоял- ся, члены жюри посчитали нужным опубликовать статью Стеллы Странник «О Чёрных Баламутах и старичках, играющих в класси- ки», посвящённую анализу трилогии Г.Л. Олди «Чёрный Баламут».

Путило О.

Елена Пальванова

БОЖЬЯ ИСКРА

Город, принарядившийся к празднику, напоминал диковинную сказочную страну. Везде стояли сверкающие огнями ёлки, огромные стеклянные снежинки, фигуры Деда Мороза и Снегурочки. На улицах царило оживление: несмотря на холод, практически все жители высыпали на прогулку. Они радовались, смеялись и поздравляли друг друга с наступившим Новым годом. Только один мужчина в натянутой до бровей высокой шапке не разделял всеобщего веселья. Он угрюмо шагал вперёд, пряча нос в шарф и зыряка по сторонам маленькими глазками.

Внезапно идущая навстречу старушка поскользнулась и, чтобы не свалиться, крепко ухватилась за него. Мужчина в шапке непроизвольно отпрянул.

– Чего под ноги лезешь, – процедил он, пытаясь отцепить от себя бабку.

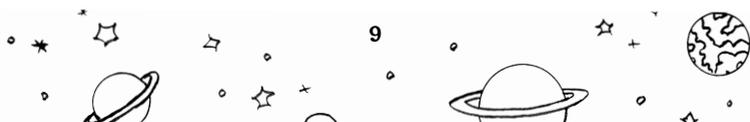
– Простите, – закопошившись, бабулька выпрямилась и, подслеповато шурясь, пытливо взглянула на него. – Кстати, это случайно не вы вчера хотели картины купить у художника?

Она вдруг быстро протянула руку и дёрнула шарф вниз так, что стал виден большой, неестественно вздёрнутый нос мужчины. Бабка ещё секунду смотрела на него, а потом почему-то улыбнулась:

– Ах нет, обозналась.

– У какого ещё художника, – рыкнул мужчина в шапке и, отпихнув бабку в сторону, зашагал дальше. – Иди отсюда, старая!

– Да вон у того! – несмотря на отсутствие вопросительной интонации охотно объяснила бабка, ткнув пальцем куда-то в сторону. Она на удивление бодро семенила за мужчиной. –

Он замечательный человек, вы даже себе не представляете, какой! Добрый, заботливый, внимательный, щедрый...

Бабулька тараторила, не заботясь, хочет ли собеседник её слушать. Неприязненно хмыкнув, тот ускорился, но бабка с неожиданной лёгкостью подстроилась под его шаг.

– Не понимаю, почему его картины не покупают... Он ведь художник от бога! Ах, как рисует! Всю душу в картины вкладывает!

При этих её словах мужчина резко остановился.

– Всю душу, говоришь? – буравя её взглядом, заинтересованно переспросил он.

– Всю, всю, – закивала бабка.

Мужчина в шапке развернулся и направился туда, куда она указывала.

– В нём настоящая божья искра! – прокричала старушка ему в спину, но за ним не последовала.

Молодой художник со своими картинами расположился на людном перекрёстке. Видно было, что он уже давно тут стоит и порядком замёрз. Прохожие охотно останавливались возле его картин, с удовольствием любовались чудесными пейзажами и талантливо написанными портретами и бежали дальше. Рядом было много других развлечений: новогодние декорации, искусственные горки, катки, палатки с пирожками...

Мужчина в шапке начал придирчиво рассматривать картины, искоса поглядывая на художника. В конце концов, художник с надеждой обратился к нему:

– Вам что-нибудь подсказать?

– Да, – мужчина в шапке пытливо сощурился. – Ты и правда в эти картины всю душу вложил?

Художник заулыбался:

– Правда. Знаете, я с детства обожаю рисовать. Мечтал всю жизнь этим заниматься. Но, видно, не судьба.

– Что так?

– Да сами посудите: картины не покупают, а жена просит, чтобы я нормальную работу нашёл, за которую платить будут.

Её брат даже обещал меня устроить на стройку, – художник по-грустнел. – Она права, конечно. Хватит мечтать. Вот дождусь конца праздников и подамся в строители.

Мужчина в шапке смерил его оценивающим взглядом:

– Не жалко с мечтой расставаться?

– Жалко, а что делать? – художник вздохнул. – Ведь жить на что-то надо.

– А ты душу продай, – подсказал мужчина в шапке, и они оба засмеялись.

– Нет, до такого я, пожалуй, не докатился, – поддержал шутку художник.

– Я так и подумал. Такие, как ты, душу не продают, – мужчина в шапке лукаво прищурился. – Тогда продай мне свои картины.

– Правда? – художник просиял. – Конечно! Я очень рад! Вам какую?

– Все.

– Все? – растерялся художник. – Но... я не думал, что...

– Я хочу купить все картины, – отчеканил мужчина в шапке. – Заверни.

– Секундочку, – заторопился художник.

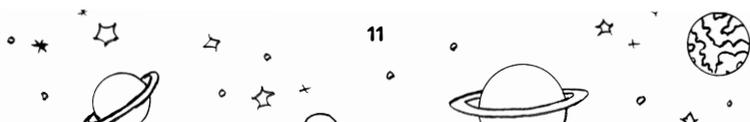
Когда он сложил картины в пакеты, мужчина в шапке достал бумажник и протянул ему толстую пачку денег. Художник недоумённо взял её, повертел в руках и испуганно запротестовал:

– Что вы, здесь слишком много! Раз в десять больше. Сейчас я дам сдачу...

– Не надо, – резко перебил его мужчина в шапке, прижав пакеты с картинами к себе. – Это чтобы ты не передумал.

С этими словами он повернулся и молниеносно пропал из виду – как сквозь землю провалился. Художник остался на месте, сжимая в руках деньги и растерянно оглядываясь по сторонам.

А мужчина в шапке тем временем целеустремлённо шёл вперёд, прижимая к себе картины. Пейзаж вокруг него незна-

ваемо изменился: куда-то исчезли и люди, и машины, и сам город. Всё окутали сумерки. Стало жарко и смрадно, как при пожаре. Где-то вдали полыхали костры. Мужчина на ходу сбросил с себя пальто, размотал шарф и стянул шапку, обнажая острые рога на голове. Вздёрнутый нос оказался свиным пяточком. По дороге шагал самый что ни на есть настоящий чёрт.

Вскоре он подошёл к костру, вокруг которого уже сидели трое других чертей, и опустился рядом, прижимая к себе пакеты.

– А я сегодня удачно к людям ходил, – похвастался самый длиннорогий из чертей, приподнимая замызганную сумку. – Вот, новую душу приобрел. У одного пьяницы. И всего за поллитра спирта.

– Подумаешь, невидаль, – скривился другой. – Его душа всё равно бы потом нам досталась. У меня есть кое-что получше: душа бизнесмена. Я ему столько всего наобещал: и кучу денег, и целую сеть фирм, и виллы, и яхты... Ух, как он со мной торговался! А потом такой довольный был, как будто в лотерею выиграл, – чёрт мерзко захихикал.

– Конечно, довольный. Переплатил ты, братец, – хмыкнул третий чёрт, помоложе. – Такая душа столько не стоит. Я вот купил душу одной певички. Таланта ноль, зато амбиций хватает! Поп-звездой теперь будет. Она много и не просила, ей больше славы хотелось.

Все трое выжидающе посмотрели на недавно подошедшего чёрта. Но тот молчал, свысока поглядывая на них.

– Ерунда всё это, – наконец подал он голос, – мелочи. Вот я сегодня такую душу приобрёл у художника – залюбуетесь! Он и добрый, и заботливый, и внимательный, и щедрый... не чета вашим бизнесменам. Говорят, – он понизил голос, – что в нём – искра божья!

– Да хорош заливать! – не выдержал самый молодой чёрт.

– Такие, как он, душу не продают, это всем известно, – поддержал его тот, что купил душу пьяницы.

– А я его перехитрил, – ухмыльнулся чёрт и, открыв пакеты, вывалил на землю картины.

– Что это? – хором удивились черти.

– Да мазня его. Художник в неё всю душу вложил. Он сам признался, – чёрт обнажил клыки в самодовольном оскале. – Вся его душа – здесь! Теперь моя будет.

А художник тем временем уже вернулся домой и рассказывал жене:

– Самому не верится, что мне так повезло. Как хорошо, что есть на свете такие замечательные, добрые люди. Это явно какой-то меценат, покровитель искусства. Все картины купил, представляешь? Да ещё и переплатил за них...

– Сумасшедший! – констатировала жена. – Никогда бы не подумала, что можно так сильно любить живопись.

– Держи, – художник протянул ей увесистую пачку денег. – Ты же хотела новое пальто. И подарки детям. И маму в санаторий. Тут на всё хватит!

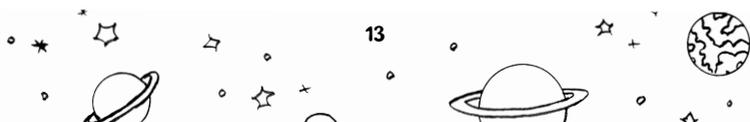
– Подожди, – задумчиво остановила его жена. – Мне кажется, судьба даёт нам ещё один шанс. Давай эти деньги потратим на твою персональную выставку, пригласим прессу... Вдруг у нас началась полоса везения, и люди, наконец, оценят твой талант? Не зря же говорят, что в Рождество случаются чудеса.

Зима прошла. Выглянуло солнце. На деревьях набухли почки. Но в аду ничего не изменилось: там по-прежнему царил мрак и чадили костры. В один из дней черти, как всегда, собрались у огня.

– А что я сегодня видел... – лукаво протянул молодой чёрт, тот самый, который когда-то купил душу певицы.

– Ну и что ты видел? – пренебрежительно спросил чёрт-владелец картин. После того случая с художником его авторитет невероятно возрос. Никто не мог его превзойти: никому из чертей не удавалось заполучить такую чистую и добрую душу.

– Был я сегодня у своей певицы, а у неё... – молодой чёрт выдержал интригующую паузу, – картина на стене висит. Очень

похожая на те, что у тебя. А певичка моя говорит, что это творение одного молодого, но очень перспективного художника. Я пригляделся – а там и подпись та же! Тот же, значит, автор. И души в ту картину вложено не меньше, чем в твои.

– Врёшь! – так и подскочил чёрт-«меценат». – Мой художник всю душу в те картины вложил, полностью! Он сам признался, а такие, как он, врать не умеют.

– Не веришь – сам посмотри, – хихикнул его собрат.

– И посмотрю!

Не теряя ни секундошки, он бросился к певичке. В её гостиной, на самом видном месте, и правда висела чудесная картина. Чёрт едва не задохнулся, увидев подпись своего художника.

– Наверное, всё-таки он не всю душу в те картины вложил. Немножко ещё оставалось, – пробормотал нечистый и обратился к певичке с просьбой купить картину. Девушка согласилась, хотя заломила такую цену, что даже чёрту стало дурно.

– Талантливый художник, набирает популярность, – объяснила она, забирая деньги и передавая чёрту картину. Девушка явно ощущала себя знатоком живописи. – Недавно у него прошла очень успешная выставка, о ней всё время пишут в прессе. Там было так много чудесных произведений искусства! – певичка жеманно закатила глаза. – И все раскупили.

Рука чёрта дрогнула, и он едва не выронил картину.

– Много? – ошарашено переспросил он. – И все раскупили?!

– Именно, – кивнула певичка, деловито пересчитывая деньги. – Очень талантливый художник. Говорят, в нём искра божья.

Чёрт вздрогнул и кинулся разыскивать остальные проданные картины. Несколько недель он как угорелый носился по городу, скупая творения художника. И в каждое было вложено ничуть не меньше души, чем в предыдущее.

– Ничего не понимаю, – недоумевал чёрт. – Он же говорил, что вложил в те картины ВСЮ душу... говорил, что не будет больше писать... как же так? Мошенник!

Собравтя черти, которые до этого нехотя признавали его превосходство и терпели высокомерное поведение, теперь мстительно насмеялись над ним.

В один прекрасный день вконец измученный чёрт купил последнюю картину. Появившись у костра он, несмотря на усталость, горделиво обвёл глазами своих коллег:

– Вот теперь у меня все его рисунки. А значит, и вся душа – моя!

– Рано радуешься, – усмехнулся чёрт, заключивший сделку с предпринимателем. – Навестил я недавно своего бизнесмена – так там на стене у него пейзаж твоего художника висит. Говорят, недавно состоялась очередная выставка. Прошла с оглушительным успехом.

И вновь чёрту пришлось бегать, разыскивая картины. Выяснилось, что на последнюю выставку приехали люди из разных городов, и творения художника разошлись по всей стране. Взмыленный чёрт сбился с ног. Стоило ему решить, что все картины собраны, как в другом месте появлялась ещё одна... а затем ещё одна... Он даже не замечал, как припекает солнце и распускаются цветы; как постепенно небо затягивает тучами и желтеют листья; как они начинают осыпаться с деревьев и выпадает первый снег...

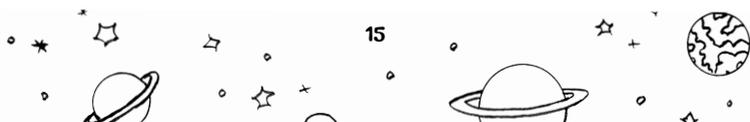
Наконец все картины были собраны. Шатаясь от усталости, чёрт уселся у костра, сложив рядом купленные пейзажи и портреты.

– Теперь всё, – пробормотал он, утирая пот со лба. – Теперь точно всё. Все рисунки его собрал, до единого.

– Ой ли? – отрезвляюще возразил его собрат, купивший душу пьяницы. – А я слышал, что сегодня открылась новая выставка твоего художника, на которую съехались любители искусства со всего мира.

– Нет! Не может быть! – взревел чёрт, вскакивая на ноги. – Откуда они берутся? Как этот гадкий художник успеваешь изводить столько красок и холстов?!

Чёрт ракетой взмыл из ада и, пряча на ходу рога под шапку, помчался на выставку. Только сейчас он понял, что с тех

пор, как ему впервые встретился художник, минул целый год. Вновь приближалось Рождество. По украшенному городу так же, как и раньше, гуляли его весёлые, радостные обитатели.

Выставка проходила в красивом павильоне, недалеко от того места, где чёрт впервые встретил художника. Нечистый влетел внутрь и замер. По залам ходили целые толпы посетителей. Они тихо переговаривались, застывая перед полотнами и восхищаясь талантом автора. Среди них были фотографы и журналисты. А на стенах висели картины. Множество картин. Они были написаны с отточенным мастерством, ещё лучше, ещё искуснее. От накатившей дурноты у чёрта начало двоиться в глазах и закружилась голова. Он в отчаянии завертелся на месте.

В этот момент послышались аплодисменты: к публике вышел сам художник. Он смущённо улыбался, с благодарностью глядя по сторонам, и всё время твердил: «Спасибо. Спасибо». Вдруг мастер заметил чёрта и, просияв, поспешил к нему. Чёрт шарахнулся от художника, но бежать было некуда: со всех сторон их обступили люди.

– Это вы! – художник схватил чёрта за руку и крепко пожал её. – Я вас сразу узнал. Как я рад! Я так и знал, что вы придёте. Вы – мой ангел-хранитель. Ведь это всё, – он обвёл глазами помещение, – благодаря вам! У меня есть для вас подарок. Вот, возьмите, пожалуйста.

И он протянул чёрту какую-то картину. Чёрт посмотрел на холст и обомлел: там был изображён он сам. Портрет был одновременно и похож, и не похож на него. Что-то разительно поменялось: исчезла злость из взгляда, а лицо казалось обаятельным и одухотворённым.

– Зачем... – только и выдавил чёрт.

– Берите-берите! Я ещё нарисую, – убеждал его художник.

Чёрту вдруг стало нечем дышать. Машинально сжав портрет, он повернулся и, расталкивая толпу, бросился к выходу.

Он бежал, не разбирая дороги, и чуть не сбил какую-то бабку.

– Чего под ноги лезешь! – рявкнул чёрт.

– Простите, – бабулька, сощурившись, посмотрела ему в лицо. – Кстати, это не вы случайно в том году у художника картины купили?

– Ты! – Чёрт узнал бабку и, схватив её за плечи, начал трясти. – Ты мне говорила, что он в те картины всю душу вложил!

– Конечно. Он в каждую картину душу вкладывает, – вежливо отстраняясь, подтвердила она. – А душа у него великая, необъятная. Он же гений. Выполняет своё предназначение. И всегда он будет всей душой предан главному в его судьбе – искусству.

– Намекаешь, что, раз он всей душой предан искусству, никто его душу забрать не сможет?! – зарычал чёрт.

Старушка чуть заметно улыбнулась:

– Говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Вот я и подумала, не означает ли это, что дурные намерения мостят дорогу в рай?

– Ты кто такая?! – взвизгнул чёрт.

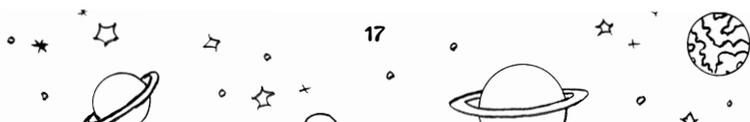
Вместо ответа старушка ещё раз таинственно улыбнулась и... растаяла в воздухе.

Чёрта охватил ужас. Он провалился сквозь землю и бросился бежать к костру, вокруг которого собирались обитатели преисподней. Добравшись до места, он швырнул подаренный портрет в огонь и под хохот собратьев начал туда же кидать одну за другой добытые с таким трудом картины.

– Нет, я заберу его душу! Я выкурю её отсюда! – задыхаясь, визжал он.

Но душа не появлялась. Полотна ярко вспыхивали в пламени и сгорали. Через какое-то время у чёрта не осталось ничего, кроме горстки пепла.

А художник продолжает писать картины, совершенствуя своё мастерство. Да вы наверняка сами знаете. Кто же о нём не слышал? Недаром же говорят, что в нём божья искра.

В ЗАЩИТУ ЖИВОТНЫХ

– Привет, дядь Толь, – Витька закрыл за собой старую железную дверь и помахал пенсионеру рукой. Он ладил со всеми волонтерами приюта, но Анатолий Васильевич – для своих дядя Толя – нравился ему больше всего. Добрый и простодушный старик напоминал Витьке дедушку, которого у него никогда не было, но о котором он всегда мечтал.

– Привет, юный натуралист, – дядя Толя улыбнулся мальчугану знакомой улыбкой – словно солнце озарило его худощавое лицо. – Рановато ты сегодня.

– С последнего урока отпустили. Учитель приболел, а заменить оказалось некому.

Витька поставил сумки на стул возле вешалки, снял куртку и надел старый рабочий халат. Пенсионер кивнул и продолжил разливать в плошки собачью похлебку.

– А волкодав твой где?

От этого мимолётного вопроса мальчишка скривился, как от зубной боли.

– А волкодав мой... того.

– Как так? – пенсионер так удивился, что опять прервал свое занятие. – Машина, что ли? Или кто в школе удружил?

– Да нет, он сам, походу, сломался. Вот, посмотри, – Витька вытащил из сумки то, что ещё утром было для него четвероногим другом, а сейчас стало просто куском пластмассы и металла.

Новейшая модель «Рободог-101», подаренная отцом на день рождения (и явно обошедшаяся тому недёшево), несколько месяцев радовала юного зооволонтера. Настолько, насколько на это вообще способна собака-робот. И хотя Витька всем сердцем мечтал о живом питомце, искусственный пес

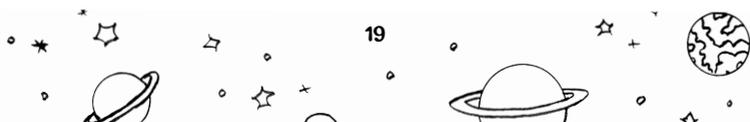
оказался не самой плохой заменой. Роберт, как его недолго думая окрестил юный хозяин, не только умел вилять хвостом, подавать лапу или выполнять команды «рядом» и «сидеть». Благодаря системе распознавания лиц и специальным сенсорам, чутко улавливающим запахи, он мог различать своих и чужих. По утрам он, как хороший будильник, поднимал мальчишку, становясь передними лапами на кровать и тычась в лицо носом. И в случае опасности, если кто-то затевал с Витькой драку или пытался забрать его вещи, Роб тут же раздражался громогласным лаем, а при необходимости мог цапнуть электрошокером. В общем, он был почти как настоящий пес, только без шерсти.

И вот сегодня Роберт «приказал долго жить». Что произошло – непонятно. Дорогу до школы робот выдержал с честью. Они с Витькой вдоволь нагулялись по улицам: благо мальчик сейчас учился в полуторную смену и времени с утра до начала занятий было предостаточно. В школе Витька, как обычно, выключил робота и убрал в специальную сумку. Учителя в этом вопросе были категоричны – никаких животных на занятиях, даже искусственных. А после уроков, когда мальчуган попытался включить робота, чтобы пойти домой, тот никак не отреагировал: пару раз мигнул красной лампочкой на носу и вырубился окончательно. Попытки подзарядить его от сети не дали результата.

– ...А он же не на гарантии: мне его по папиному заказу из-за границы привезли, у нас такие ещё не продаются. И сервисных центров нет. Мама меня убьёт. Она считает, что я его ненавижу и всё готов сделать, лишь бы избавиться от Роба, – закончил Витька свой трагичный рассказ.

– Не наговаривай на маму, дружок, – дядя Толя ободряюще взъерошил короткие светлые волосы мальчишки. – Она у тебя, может, и фантазёрка, но тебя любит, это точно. И заботится о тебе.

Мальчуган в ответ лишь скорчил рожу. Представления о заботе у его мамы, отличавшейся крайней нервозностью, были специфические.

– Ага. Запретила мне живую собаку заводить, потому что её в детстве укусили, и с тех пор она их всех боится. И вообще против любых животных в доме. И думает, раз я хочу живую собаку, значит, искусственную нарочно поломаю. И через день меня этим попрекает, хотя у меня даже мыслей таких не было! Заботится, как же! – вспыхнул он.

– Ну, мамы иногда перегибают... А знаешь, можешь мне Роба оставить на несколько дней, если хочешь. Я ведь сорок лет инженером проработал. Тогда, конечно, таких технологий ещё не было, но в электронике я немного разбираюсь. Попробую его починить. Если получится – можно будет родителям ничего не говорить про поломку, чтоб мама не переживала. Скажешь, что отдал Роба другу поиграть.

– Правда? Вот спасибо, дядь Толь! – обрадовался Витька. В том, что старому мастеру можно доверить такую технику, он ни секунды не сомневался. – Я тогда карманных денег подкоплю, сколько смогу, и тебе отдам.

– Да брось ты, какие пустяки! – добродушно отмахнулся пенсионер. – Ты и так меня постоянно выручаешь: в приюте помогаешь, в магазин и аптеку по поручениям бегаешь. Без тебя мне бы тяжело пришлось. Особенно сейчас: я что-то совсем сдал. Ну ничего, скоро поеду на очередной курс терапии – полегчает.

Мальчик смотрел на него с искренним восхищением. Этот сухонький дедушка в любой ситуации сохранял присутствие духа и позитивный настрой. И сломить этот настрой не могли ни одинокая старость, ни бедная жизнь, ни даже тяжёлая болезнь, с которой дядя Толя уже несколько лет мужественно боролся и на лечение которой тратил почти все свои накопления – льготные препараты ему не помогали, так что лекарства приходилось покупать за свои. Своим вечным оптимизмом пенсионер отличался почти от всех взрослых, которых знал мальчуган. Неудивительно, что они так подружились.

– А сейчас что делать, дядь Толь?

– Пройдись по вольерам и почисти кошачьи лотки, а потом раздай котикам корм. Собакам во дворе я сам еду отнесу, – дядя Толя натянул старую табачно-зелёную куртку с лохматым воротником. – Ах да, и у нас новенькая есть, трёхцветка в клетке возле санузла. Она только из ветцентра приехала, ей глазки надо обрабатывать после операции. После кормёжки с тобой этим и займёмся.

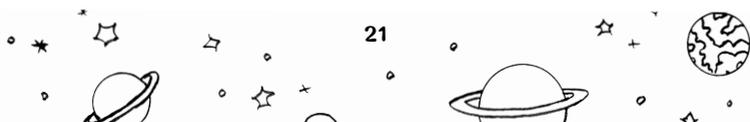
Трёхцветка оказалась совсем молоденькой миниатюрной кошечкой со швами на обоих глазах. Она стойко перенесла обработку специальным антисептиком, а после несколько раз доверчиво ткнулась в Витькину ладонь с громким мурлыканьем. От этого у юного зооволонтера просто разрывалось сердце.

– Это кто же её так?

– Не знаем. Скорее всего, местная шпана развлекалась. Они часто так с животными: то шкуру сдирают, то глаза выдавливают. Хорошо ещё, что кошка – умница: как чувствовала, что наш куратор будет мимо проходить, сама к ней вышла. Вангой теперь назовем, не иначе, – горько улыбнулся дядя Толя, обводя взглядом других животных в клетках и вольерах. Разномастных, старых и молодых, породистых и обычных дворовых, потерявших по вине человека кто лапу, кто ухо, кто глаз...

– Дядь Толь, за что так с ними? Я имею в виду – ведь это нарочно делают. Калечат, выбрасывают.

– Сложно сказать, дружок. Кто-то так делает из страха: страдает однажды, как твоя мама, а потом всю жизнь боится и пытается устранить источник опасности. У кого-то не складывается жизнь, и он винит в собственных неудачах тех, кто слабее. Октябрину, вон, в мусоропровод хозяин-алкоголик выбросил, потому что она от голода мяукала и спать ему не давала, – пенсионер кивнул в сторону рыжей кошки, свернувшейся клубком в одном из вольеров. – А кто-то просто считает их мусором и избавляется от них, чтобы не засорили город. Законы о защите животных у нас всё ещё очень плохо работают – вот люди и

не бояться, что жестокое обращение им как-нибудь аукнется, – в голосе бабушки зазвучали горькие нотки.

А в груди Витьки закипал гнев. Что живодёры часто остаются безнаказанными, он знал не понаслышке. Отец мальчишки работал следователем в полиции, и, хоть он не сильно распространялся о своей работе, Витька был в курсе, что заявления о жестоком обращении с животными дежурные принимают крайне неохотно.

Вот если бы живодёров можно было покарать сразу, тут же, на месте преступления... Или ещё до того, как они его совершат! Активный детский мозг рисовал картины, как на жестоких преступников валится сверху бесстрашный герой, сгребает их в охапку и раздает им таких тумачков, чтобы те потом и думать забыли зверушек обижать. Витька и сам бы хотел стать таким героем – но, увы, он был слишком слаб и зависим от взрослых, чтобы так поступать.

– Ты где был? – мама гневно воззрилась на него. – Даже отец уже домой вернулся, а тебя всё нет! Опять шатался по помойкам и собак подкармливал? И куда ты Роберта дел?

– Я гулял. Роберта отдал Артуру поиграть, он обещал через несколько дней вернуть, – хмуро бросил Витька, втискиваясь за стол – места на небольшой кухоньке едва хватало на троих. От разговора в приюте и от маминого приветствия ему кусок в горло не лез, но всё же нужно было поесть.

Отец молча кивнул ему и вернулся к своей порции супа. А мама после его слов хоть и осталась недовольной, всё же немного успокоилась.

– Ладно, ешь, пока совсем не остыло. Главное, чтобы Артур не забыл потом тебе его вернуть. Пёс у тебя золотой просто. Не то что эти шавки блохастые...

– Лид, хватит, – устало прервал её муж. – Артур – славный парень, обязательный и аккуратный. Уверен, с Робертом всё будет в порядке. Вить, в школе всё нормально?

– Сойдёт. На физкультуре сегодня в волейбол играли, наша команда выиграла. А по русскому в пятницу диктант пишем, так что буду оставшиеся дни к нему готовиться, – Витька постарался увести родителей в сторону от неудобной темы. И ему это удалось: мама впервые за вечер улыбнулась.

– Вот это молодец. Хорошо, что на русский налегаешь, это всегда полезно.

Но после ужина Витька и не думал садиться за русский. Написав сообщение о Роберте Артуру, чтобы тот в случае чего прикрыл его перед родителями, он улёгся на кровать и целый час молча тарачился в потолок, вспоминая разговор с дядей Толей и собственные мысли на тему возмездия над живодёрами. Должна же быть на свете сила, которая может их покарать. Должна быть...

«Хочу, чтобы им всем досталось по заслугам! Око за око, каждому!»

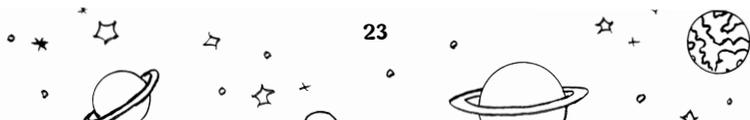
– Ну, держи своего волкодава, – дядя Толя нажал кнопку на голове робота, и Роберт в ту же секунду ожил, встал на ноги и радостно завилял хвостом при виде Витьки. – Хитрая штука, нечего сказать: столько всего внутри напихано, что на космический корабль хватит. А поломка пустяковая оказалась: контакты отошли в одном месте. Я всё закрепил, теперь ещё сто лет должен проработать.

– Спасибо, дядь Толя! – мальчуган несказанно обрадовался. – Сколько с меня?

Пенсионер даже немного обиделся:

– Да брось ты, что за глупости! Ну коль хочешь помочь и денежка есть – сбегай в аптеку, купи мне какую-нибудь заживляющую мазь: я вчера, пока ремонтом занимался, обжёгся немного. Что подделаешь, руки уже не те, что прежде, хотя работу помнят.

Мальчик только сейчас заметил, что руки дяди Толи и в самом деле были покрыты красными сморщенными полосками ожогов, словно он паял не маленькие проводки в работе, а

целого мамонта. Но мальчишка был так счастлив вновь обрётённому другу, что не обратил на это внимания, а просто сгонял в аптеку за лекарством.

Домой повеселевшие Витька и Роберт неслись вприпрыжку, несмотря на испортившуюся осеннюю погоду и трудную работу в приюте. Дома всё тоже было мирно: мама отдыхала после трудового дня, а папа смотрел в гостиной старые «Приключения Шерлока Холмса».

– Привет. Как успехи?

– Отлично. Роберта мне вернули, в целости и сохранности. В школе тоже всё хорошо, – мальчуган плюхнулся на диван рядом с отцом, в то время как на экране знаменитый сыщик слушал рассказ своего посетителя о грозной собаке Баскервилей.

– Ну и хорошо. Не забудь лапы ему помыть после улицы, – кивнул отец, возвращаясь к сериалу. – Мама к нему, конечно, лучше относится, чем к обычным собакам, но от грязи на полу точно будет не в восторге. Спасибо, что дома разрешает его включать – какая-никакая, а зверушка.

Его слова, наложенные на картинку в телевизоре, заставили Витьку вспомнить животных из приюта и собственные мысли о возмездии над живодёрами. Если раньше он думал о неких супергероях, спасающих зверей, то сейчас наиболее подходящим ему казался образ грозного призрачного пса, карающего виновных подобно демону Баскервилей. За вечер он столько раз прокрутил эту картину в голове, что всю ночь ему снились сны, где гигантская страшная собака-призрак гоняла злодеев по пустырям и подворотням, в конце неизменно разрывая их на части.

– Вить, – сегодня папа был необычайно серьёзным, – с завтрашнего дня в школу и из школы возить тебя буду я. На работе найду, что сказать, выкрою время. Роберта можешь с собой брать, но пешком так далеко ходить не вздумай.

Витька отложил ложку и удивленно уставился на отца. Он только сейчас заметил, что за последние пару недель папа

осунулся и постарел на пару-тройку лет, а помрачнел на все десять. Мама тоже выглядела встревоженной, хотя вела себя непривычно тихо.

– Пап, что случилось?

– В городе маньяк, – без обиняков сообщил отец. – Чуть ли не каждую ночь находят изувеченные трупы. То, что он творит с жертвами... В общем, пока мы с этим не разберёмся – дальше нашего двора ни шагу. На занятия или к друзьям в гости я тебя буду возить.

– Пап, но Роберт...

– Роберт здесь ничего не решает. Я знаю, он в экстренной ситуации подаст сигнал тревоги и даже током ударит, но мы не можем так тобой рисковать. Тем более темнеет сейчас рано.

– Ладно, понял, – по настрою отца Витька осознал, что дело серьёзное. Папа редко его в чём-то ограничивал, но, если такое случалось, значит, на то была реальная причина. И спорить с отцом тут было бесполезно.

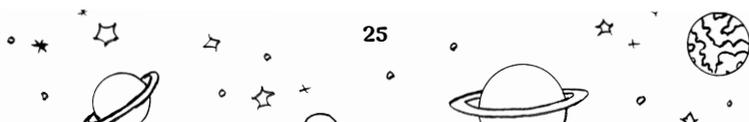
У себя в комнате, прикрыв дверь, мальчик достал из сумки мобильник и набрал знакомый номер:

– Дядь Толь, привет. Извини, что поздно, но хочу предупредить: я завтра не смогу в приюте появиться, чтобы помочь. И вообще пока не смогу прийти.

– Привет, дружок. Что случилось? У тебя всё в порядке? – голос у старого друга был встревоженный и какой-то непривычно уставший.

– Да, у меня всё нормально. Просто родители теперь сами меня будут возить в школу и из школы. Папа говорит, – он понизил голос почти до шёпота, – что в городе маньяк. И не хочет, чтобы я после школы шёл домой пешком. Прости, я бы и рад помочь, но...

– Да что ты, парень! Главное, чтоб ты был жив-здоров, раз такое дело! – возразил голос в трубке. – Пока всё не уляжется, мы сами тут управимся. А ты, правда, будь осторожнее и береги себя.

– Спасибо, дядь Толь. И ты себя береги. А то ты вечно поздно домой возвращаешься.

И только завершив звонок и глянув на календарь на экране, Витька вспомнил, что с завтрашнего дня у пенсионера начинается курс лечения, и почувствовал лёгкий стыд. За последнее время он как-то потерялся в датах, а старый друг с того памятного дня поломки Роба вообще не поднимал эту тему.

– Надеюсь, остальные справятся, пока меня и дяди Толи не будет. Надо завтра позвонить ему, узнать как устроился, – сказал мальчуган Роберту. Робопёс ободряюще ткнул носом ему в ладонь.

Вечером, перед сном, Витька пошёл на кухню попить воды и, проходя мимо гостиной, с удивлением заметил, что сквозь приоткрытую дверь видно отсветы отцовского компьютера и слышно человеческую речь. Сначала мальчуган подумал, что папа опять смотрит какой-то сериал, но потом, прислушавшись, понял, что это точно не новый продукт от «Нетфликса».

– ...да я что? Вечером решил добратся до круглосуточного ларька, взять себе чего-нить для согрева. Ну, и срезал чутка через пустырь у заброшенных барачков. Иду, никого не трогаю, тут вижу – шпана местная, двое, сидят на кортах спиной ко мне. На вид, может, лет пятнадцать-шестнадцать, но я точно не понял. Они ж спиной, да ещё темно... и слышу, скулёж такой тоненький. Сначала не сообразил откуда, а потом пригляделся – эти двое кутёнка мучают. Кроху совсем, месяц от силы, не больше.

– А ты чего к ним полез?

– Начальник, да что у меня сердца нет что ли? Почто эти отморозки над безвинной животиной издеваются?! Я к ним, давай кричать, они обернулись, ну точно – пацаны лет шестнадцати, а уже уроды такие, – один вскочил и пихнул меня. Заорал, уж не помню что – из разряда «не лезь куда не просят!» Я отлетел, головой о бордюру ударился, может, отключился на пару секунд, только помню, что в глазах потемнело. А потом...

– Ну? Дальше что было?

– Начальник, вот сам думаю, не привиделось ли, да только я трезвый был, за вечер ни капли. В общем, те уроды опять за щенка, и тут к ним из-за барака выскочила... Начальник, ты «Собаку Баскервилей» читал? Вот такая же тварь, только ещё страшнее. Здоровенная, морда как череп, глаза краснющие, и шерсть длинная, с трупной вонью. Я и дернуться не успел, как она на тех пацанов кинулась. Первому горло разорвала за секунду, второй бросился бежать, так она его одним прыжком настигла, повалила на землю и вцепилась в живот. Я когда поднялся и подбежал к нему – он уж мертвый был, кровящи море и кишки наружу... Начальник, богом клянусь, так и было всё.

– А тебя она чего не тронула?

– Вот сам не знаю. Я возле того, второго, стою, она на меня глянула своими глазищами адскими, фыркнула, да и убежала. А я после этого кутёнка в руки – и сразу к вам, в дежурную часть. Начальник, чесслово, всё так и было, если только мне не померещилось...

Витька так плотно прижался к двери, что та скрипнула и приоткрылась ещё больше. Отец вздрогнул, поставил запись на паузу и обернулся:

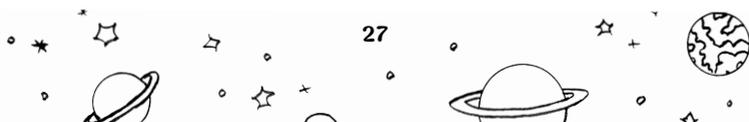
– Ты чего не спишь?

– Хотел воды попить и случайно услышал голос. Это допрос свидетеля?

– Только не говори никому, особенно маме. Да, сегодня с ним беседовал, а потом решил взять запись домой и пересмотреть. В третий раз изучаю показания, и всё равно такое чувство, что что-то упускаю.

– Это по тому же делу, про которое ты рассказывал? – мальчуган присел на краешек дивана.

– Да, – папа потер уставшие покрасневшие глаза. – Вчера ещё двое ребят убиты. Был свидетель, местный дедулька. Выпивает, но без перегибов, и в целом безобидный. Но на допросе такую околесицу нёс! Хотя говорит вроде искренне. Либо палё-

ного алкоголя напился и белку словил, либо... правда чертовщина какая-то.

– Он сказал, что видел какое-то чудище. Чуть ли не собаку Баскервилей, – Витька почувствовал, как по его спине пробежал холодок: ему вспомнился жуткий сон, где монстр вершил возмездие над живодёрами.

– Сказал. Да только на теле жертв ни шерсти, ни слюны – ничего. Ни капли биоматериала. И никаких собачьих следов на месте преступления. И местные такую тварь в том районе никогда не видели. Если это и была собака, то точно – призрак. Взялась из ниоткуда, разорвала двух парней и исчезла в никуда. Но как по мне, это пьяный бред старикана, оказавшегося не в то время не в том месте.

Глянув на бледное Витькино лицо, папа виновато развел руками:

– Не надо было тебе всё это рассказывать. Пошли, приготовлю нам с тобой по чашке какао. И в следующий раз буду запирать дверь на замок.

Но даже чашка какао с зефирками не помогла. Витька всё равно не мог уснуть и просто лежал в темной комнате, таращась в потолок невидящими глазами. Он был довольно рациональным ребенком, и, хотя часто воображал себе всякие небылицы, всегда умел отличить их от реальности. Однако сейчас в его голове, вскружённой жуткими городскими событиями и недавними фантазиями на тему правосудия, крутилась одна-единственная мысль: «Я это сделал. Я её призвал».

На следующий день Витька весь день ходил как оглушённый. Фантастическая мысль о том, что именно на нём лежит ответственность за появление монстра-карателя, так прочно врезалось в память, что он отвечал на вопросы учителей невпопад, в дружеской болтовне не участвовал, а на физкультуре пропустил пас и получил мячом по голове. На расспросы приятелей, что случилось, он отмахивался и говорил, что не выспался, потому что

долго играл в компьютерные игры. Рассказывать им свою теорию ему совершенно не улыбалось – ещё примут за дебила.

Но к концу занятий держать мысли и эмоции в себе стало настолько невыносимо, что Витька решил поделиться своими переживаниями. Дожидаясь отца под козырьком школы, он достал мобильник и набрал знакомый номер.

– Дядь Толь?

– Привет, приятель, – сегодня голос у дяди Толи был ещё более уставшим и печальным, чем вчера. Казалось, что вечный огонек оптимизма старого инженера внезапно потух. – Как твои дела?

– Нормально, вот только...

Витька всё ещё колебался, стоит говорить или нет. С другой стороны, такими мыслями он больше не поделился бы ни с кем, даже с родителями.

– Можно вопрос? Бывает такое, что, если ты сильно желаешь другим людям чего-то очень плохого, оно потом сбывается? Даже если по логике исполниться никак не может.

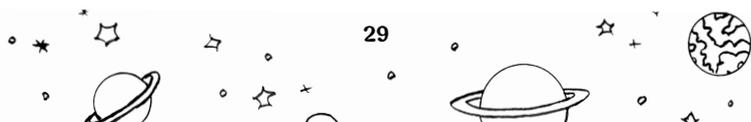
В трубке на пару секунд повисла тишина.

– Дружок, откуда у тебя такие мысли? – по голосу чувствовалось, что собеседник напрягся.

– Дело в том, что... В тот день, когда я впервые увидел Вангу, я всё думал о том, как можно наказать живодёров за их издевательства. И в итоге напридумывал всяких монстров, которые карают их прямо на месте преступления, – Витьке тяжело давался этот разговор. – И вот сейчас... помнишь, я вчера говорил тебе о маньяке? Оказывается, на людей нападает не человек, а зверь. И нападает как раз на тех, кто издевается над животными. А я так желал этого, что теперь...

Он не закончил фразу, чувствуя жгучий стыд и вину за свои мысли. Дядя Толя ответил не сразу, но голос у него заметно потеплел:

– Вить, я уверен, что твои идеи с этим никак не связаны. Поверь, если бы живодеров можно было покарать праведным гневом – проблем было бы гораздо меньше. Но даже самые го-

рячие желания сами по себе никогда не реализуются. То, что ты так непримирим по отношению к подобным вещам, – это хорошо, но ты явно не можешь вызвать чудовище силой мысли.

– То есть, ты считаешь – ничего страшного?

Мальчуган почувствовал себя гораздо лучше. Он всё ещё испытывал вину за свои мысли, но теперь, когда он высказался, ему полегчало.

– Конечно, нет! Такая реакция на подобные вещи будет у любого нормального человека, но это не делает убийцей. Так что не накручивай себя почему зря. И будь аккуратнее на улицах.

– Спасибо, дядь Толь, – улыбнулся Витька. – Извини, что дергаю из-за всяких глупостей. Я ведь совсем забыл, что ты с сегодняшнего дня на лечении. Как себя чувствуешь?

В трубке раздался вздох.

– Лечение пришлось пока отложить, дружок. Я свои накопления потратил на кое-что другое, не менее важное. Ну, ничего, глядишь, протяну до следующего курса. Пока просто постараюсь больше отдыхать. Не волнуйся за меня, всё нормально. И учись хорошо. А я пойду прилягу.

Хотя Витька и немного облегчил душу, конец разговора оставил у него неприятный осадок. На что потратил свои сбережения дядя Толя, оставалось только гадать, но то, что ему пришлось пропустить важную терапию, мальчишку совсем не обрадовало. Он опять так глубоко ушёл в невесёлые мысли, что прозевал приезд отца и очнулся, только когда тот пару раз сигнализировал ему.

– Ты чего такой печальный, сын? – папа с тревогой покопался на него, когда Витька сел на переднее сиденье. – Всё переживаешь из-за того, что я тебе вчера рассказал?

– Нет, – соврал мальчуган, хотя на душе у него скребли кошки, и невзначай спросил: – А у вас есть какое-то продвижение по делу?

Отец покачал головой.

– Нет. У жертв вообще ничего общего, кроме того, что все убиты с особой жестокостью. Возраст, социальный статус – всё разное. И увечья тоже у всех разные: у кого-то вырваны глаза, у кого-то оторваны руки или ноги, у кого-то ожоги по всему телу. Была ещё надежда на лабораторные анализы: на последнем месте преступления все-таки обнаружили что-то, похожее на шерсть. Но, как показала экспертиза, это была не шерсть, а синтетический ворс, как со старого ковра. Либо этот урод нас дурит, либо этот ворс попал на жертву случайно где-то в другом месте.

– Ворс? – удивился мальчуган.

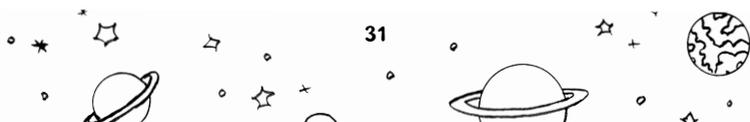
– Ага. Вот сфотографировал, – папа открыл на телефоне фотографии и передал сыну гаджет. – Надо было сразу догадаться: цвет больно странный.

Витька апатично уставился на фото на экране. И точно, пара ворсинок неестественного зелёно-коричневого цвета, явно синтетических. Из такого меха максимум опушку на дешевых куртках делают. Вон, у дяди Толи примерно такая...

И тут мальчишку словно огрели по затылку. Отдельные кусочки пазла в его голове складывались в общую фантастическую, безумную, но логичную картину происходящего.

Что, если умный, технически подкованный специалист получит в своё распоряжение современное устройство и, изучив его, сможет создать на его основе машину-убийцу? Потратив все личные накопления на покупку электроники, сделает совершенное технологичное оружие, не оставляющее следов, придав ему облик мистического чудовища? Оружие, которое вычисляет виновных прямо на месте преступления и тут же карает их. Невзирая на статус, пол и возраст, воздаёт каждому по заслугам. Правосудие в самом жестоком и беспринципном своем облике, в обличье монстра из страшных сказок...

– Вить? – отец остановил машину у небольшого универсама и удивленно посмотрел на совсем притихшего сына. – Всё нормально?

Мальчуган не ответил. Он наблюдал за маленькой тощей трёхцветной кошкой, жадно поглощавшей корм из пластикового контейнера возле дверей магазина. Один в один – приютская Ванга, только с обоими глазами.

– Вить, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Нет, пап, – сын обернулся, прямо посмотрел отцу в глаза и честно изрек. – Ничего.

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

ОБОРОТ**1. Война за мандарин**

В пять крайней к северу точки не стало. Так передали, во всяком случае, когда народ собрался на перерыв у Рыжова. Никто особо не вострепнулся – холод есть холод, всем когда-нибудь наступит такое «пять». Рыжов только усмехнулся, черкнул на настенной карте – он ведь главный по картам – и окинул остальных своим острым взглядом.

– Вот и всё, коллеги. Теперь мы самые северные. А говорят – на месте стоим...

Кто-то всё-таки засмеялся. И Орлику хотелось бы засмеяться, но нет, не получалось.

– Что у них там стряслось? – спросил он.

– Авария типа «Е», думаю... – рассеянно отозвался Рыжов.
– Тип «Е», да? Мышь?

Мышкин, успевший, видимо, погрузиться уже в свои мысли, вздрогнул и заморгал. Глянул на экран и пробормотал:

– Нарушение защитной оболочки теплопровода. Разрыв произошёл ночью. Застыли, не просыпаясь...

– Так что, никто не следил что ли? – Рыжов досадливо фыркнул. – И где их красноточники?

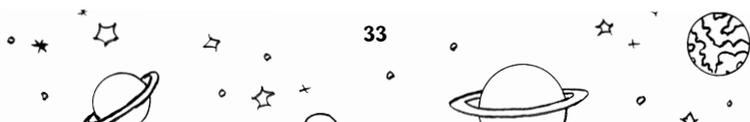
– Сейчас... Вот, уже пишут, что было несколько.

– Ну?

– На полпути нашли. Не успели, то есть.

– Да, ясно...

И правда, всем всё было ясно. И то, что не успели, а значит, замерзли зря. И то, что не на тех в северной точке надели повязку, а может быть, они просто были последним вариантом, в конце концов, сорвавшимся. И то, что эта самая северная точка, та-

кая жалкая и молчаливая теперь, точка, от которой остались одно название и зачёркнутая метка на карте, была целым городом, целым клубком тепла – с людьми, механизмами, растениями. Как тот, в котором живут и работают они сами. И будут жить и работать. Пока не настанет время. А уж какое именно время...

Кто бы знал.

– Целый мандарин! Вырос и созрел, представляешь? Роскошный, душистый мандарин. Здесь, у нас. Да, в оранжерее, но – почти в самом северном городе. Здорово, правда, Бронь? Да сам сейчас узнаешь, идём...

Орлик направился следом, осторожно отгибая попадавшиеся на пути ветки, под которые Цветана с её невысоким ростом ныряла без особых проблем. Светили лампы. О солнце в долгую зимнюю ночь не могло быть и речи, но казалось, что здесь, под множеством оболочек города, здания и самой оранжереи, тепло, как от настоящего солнца. И тени пестрели живо, диковато, как в каком-нибудь настоящем южном саду. И Цветана в своём жёлтом свитерке, с колышущимися короткими травянисто-зелёными прядями была частью всего этого – родной, исконной, местной.

– Вот! – Цветана остановилась, гордо шурясь вперёд и вверх. – Здорово?

Действительно, мандарин был. Маленький шарик, пахнущий каким-то давно забытым праздником, сияющий оранжевыми боками среди блестящих тёмных листьев. А сам куст был не очень большим. Здесь большого быть и не могло, по крайней мере, такого... субтропического.

– А говорили, что прививки на нём не приживались, – вспомнил Орлик.

– Пфф... И говорили, и выбрасывать уже собирались, а вот! Каким образом – непонятно. Но завязался ведь? И созрел!

– Что теперь с ним делать?

– Спрошу у Иры, – Цветана пожала плечами, наклонилась, подняла с пола какой-то горшок с растением и пошла с ним в обнимку в другую сторону. – Ира скажет, что «факт необходимо зафиксировать». Или засвидетельствовать. Или как там говорят? А сам мандарин... Можно конкурс устроить.

– Погоди, зачем? – Орлик, шедший рядом, попытался помочь ей с растением, но Цветана уклонилась, поставила горшок на какую-то полку и занялась росшими рядом вьюнами.

– Зачем мандарины вообще нужны?.. А конкурс – как с тем яблоком, которое «Прекраснейшей». Хотя тогда у нас в итоге будет целая война. Война за мандарин! Здорово?

Орлик усмехнулся. Цветана сидела на корточках возле вьюнов, оплывавших верёвки, натянутые снизу вверх в качестве опоры, и занималась тем, что расплетала стебли, измеряла и заплетала обратно. Стебли были мохнатые и бледно-зелёные, исчерченные кое-где метками, местами перевязанные яркими нитками для каких-то научных целей. Вьюнками занимался раньше кто-то другой, Цветане их передали с неделю назад, и Орлик помнил, какие они были тощие и жухлые. Теперь – обросли новыми листьями и собирались цвести. Каким образом – непонятно.

– А сегодня, между прочим, был праздник, – неожиданно сказала Цветана.

– Какой?

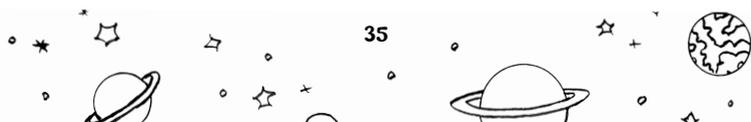
– Название из головы вылетело, да и не отмечают его теперь. Но это был праздник весны. Объединение противоположностей. Ну, знаешь, духи земли пробуждали реки, ветер теплел от костров – вот это всё. Колесо года поворачивалось к солнцу...

Орлик вздохнул, глядя на вьюнки.

– ...А ночью все танцевали, пели, загадывали желания и повязывали цветные ленточки на ветки. Наверное.

– И как?

– Если ленточка потом срывалась, это значило, что желание было услышано. Там. Или наоборот? Вот надо поискать...

- У тебя есть желания?
- У кого их нет... А у тебя?

В голову ничего по части желаний не приходило. Чего просить у кого-то «там»? Судьба отмеряна давно, наверное, до рождения. Изменить её по-настоящему невозможно, мелочей каких-нибудь выпрашивать попросту стыдно. Чего желать?

- Желаний у меня пока нет. Зато есть лента, - и Орлик вытянул из кармана узенькую полоску пурпурного сияния. - Тебе загадывать.

Цветана замерла. Но не удивлённо, не восхищённо, не испуганно. Сложно было определить, как всё-таки, но точно не так. Стало слишком тихо, и Орлик с подчёркнутой невозмутимостью сказал:

- Да, я из охраны. Той. Ты много о ней знаешь?

Он верил, что почти ничего. И надеялся на это.

- Да, - пожала плечами Цветана и наконец улыбнулась. - Как и все. Красноленточки... Они же очень крутые, правда? Хотя по тебе сразу это было видно. Ну, не смущайся, ты так ещё круче выглядишь! А у вас ведь звания какие-то есть, да?

- Там всё очень упрощённо. Я... просто Первый.

Пока. После Первыми побыть, наверное, придётся и Рыжову, и даже, может быть, Мышкину, если всё станет совсем плохо. Не рассказывать же об этом здесь, в оранжерее?

Ленточку они повязали, как ни странно, на один из вьюнков. Впрочем, здесь она выглядела ещё одной меткой.

- И что ты загадала?

- Как же, - она улыбнулась. - Нельзя рассказывать, пока не исполнится.

Когда-то давно - а на самом деле, быть может, всего лишь несколько месяцев тому назад - Орлик бесцельно бродил по переходу между корпусами: между тем, в котором размещалась оранжерея, и пятым, «деловым». Бродил, поглядывал в сторону пятого, ждал Иру, но обернулся на шаги с другой стороны. И увидел пальму, шагающую на худеньких ножках. Или

не пальму. Он не разобрался, да это было и не важно. Было растение, какой-то небольшой, но раскидистый кустик. Пока он смотрел на этот кустик, из-за веток выглянула чуть запыхавшаяся девушка с зелёными волосами, моргнула и выдохнула:

– Привет. Это не семнадцатый коридор?

– Нет.

– Да сколько ж можно! – она закатила глаза, развернулась на сто восемьдесят градусов и пошагала было назад, бормоча что-то про «эти несчастные цифры».

Как было не помочь? Понёс многострадальную пальму к месту назначения, слушая по пути рассказы про ячмень и мяту. Сам заблудился вместе с ней. Долго был уверен в том, что рано или поздно выйдет на правильный путь, но позвонил всё-таки Рыжову спросить, «а как дойти до третьей комнаты в шестом корпусе, если вокруг одни лестницы»? Выслушал шуточки Рыжова и хихиканье девушки. Понял. Доташил.

– Меня, между прочим, Цветана зовут. А тебя?

– Орлик... Бронислав.

– Брани?

– Брони.

– Ага. Я так, в принципе, и думала...

Повисло неловкое молчание. Цветана поддёргивала рукава свитерка, хотя они и так были закатаны почти до локтей.

– Ты-то здесь как, Бронислав?

– Просто...

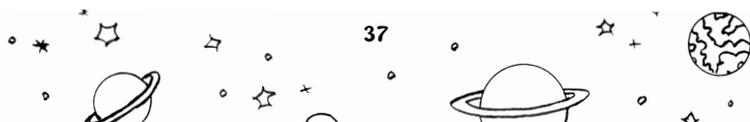
– Понимаю, – Цветана улыбнулась. – Она из архивов?

– Наверное... Что-то там с данными... Если честно, никак не разберусь в их названиях.

– Говорят, у них, у «деловых», вот уже двадцать лет как собственный язык сформировался. И устный – непонятный, и письменный – со своими неслышимыми буквами... Здорово?

– Я б поверил.

– Я тоже.

Позже Орлик в свободное время (условно свободное – по факту он, как Первый, всегда и везде был на дежурстве) просто приходил в оранжерейный корпус: подышать, помочь с какой-нибудь трудоёмкой работой, поговорить. Вернее, в основном, послушать. Но получалось так, что Цветана всё равно знала о нём не меньше, чем он о ней, если не больше. Кроме одной темы. О работе, естественно. Орлик не очень хотел рассказывать, Цветана, кажется, не интересовалась.

А потом он возвращался к себе в квартиру, наполненную искусственным светом и обычными запахами. Здесь Ира, сидя у стола, сухо шурша одеждой и сосредоточенно стуча клавишами, бросала в его сторону пару взглядов, спокойно принимала поцелуй в щёку, спрашивала что-то вроде:

– Как работа?

– Как видишь, всё в порядке.

– Снаружи новостей нет?

– Ну, зай, мы такие вещи вторыми узнаём.

– М-да... Как дела в целом?

– Да как обычно, что там может быть? Только небо сегодня интересно себя ведёт. Мышкин сказал, будет необычное какое-то сияние в три часа ночи. Хочешь, пойдём посмотреть. Я ведь обещал.

– Когда?

– В три.

– Немыслимо. Славик, мы же завтра будем спать на ходу.

– Один-то день в году можно. Особенно, если учитывать, что он тоже почти ночь.

– Славик...

– Всего один день.

– Так, постой. А где лента?

– Наверное, в кармане.

– Где? Она не должна быть в кармане. По инструкции она должна быть на виду.

– Ты меня и домой не будешь пускать без неё?

– А вдруг не буду? Всё. Утром сама тебе её повяжу.

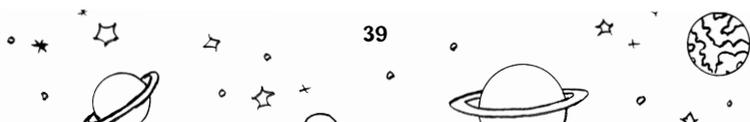
- На шею?
 - Смешной ты. Пойду ужин разогрею.
- Так и жили. С ужинами и без сияний.

Холод ищет подход к каждому. И находит. Рано или поздно, сколько бы ты ни прятался. Так было всегда, просто догадывался мало кто. И мало кто сталкивался с ним лицом к лицу.

Вот Мышкин, который вроде связиста, регулярно благоухает какой-то медициной и светит ватками в ушах, а в первый и единственный день, когда пришлось оказаться снаружи, заработал снежную слепоту и надолго выбыл из работы. Рыжов, на первый взгляд, непробиваем, да и сам отрицает существование «морозной аллергии», но с ним тоже иногда происходит что-то: то огрызается на всех, то вдруг принимается сыпать шуточками, что порой ещё хуже, а то и начинает нести чересчур безумный бред – слишком безумный даже для него. Большая часть обычного населения кашляет, хрипит и шмыгает. Это значит, что каждый из них при следующей встрече с холодом обречён. Холод уже нашёл к ним пути.

А к Брониславу Орлику пока не нашёл. И Орлик видел в этом свою неумолимую логику: значит, всё верно, значит, не зря он носит красную ленту.

В городе красная лента – повязанная или приколотая где удобней, лишь бы на виду – это пропуск практически повсюду, разрешение на всё, что только имеется здесь, с одним-единственным условием: ты должен быть всегда готов уйти ради тех, кто остается. Именно уйти – никакие двигатели пока такого холода не выдерживают, барахлят, с ними слишком долго приходится возиться. Понятное дело, что ты, скорее всего, не вернёшься. Но ты должен продержаться по крайней мере до тех пор, пока не исправишь поломку, не залатаешь пробоину, не сохранишь жизни остальных до следующего раза. А когда он будет ещё, и сколько раз – не знает никто.

Считается, что не меньше часа может продержаться любой, кто не дурак и не сидит на месте. Это по старым данным, в которые верит основное население. И пусть верит. В нынешнем холоде неподготовленный человек выдержит максимум полчаса. Поэтому надо быть подготовленным. Не устать. Соблюдать режим. Не позволять вывести себя из равновесия. И каждую секунду помнить, кто ты и зачем ты здесь. С этим Орлик справлялся.

Красноленточник должен быть не один, конечно. Фактически вся охранная команда, то есть те, кто следят за целостностью всех заслонов и оболочек – красноленточники. Орлик прекрасно знал, кто пойдёт наружу после него, и ещё яснее осознавал, что пойти они должны после, а не вместе или тем более вместо. Словом, ему было во что верить.

Основная часть населения едва ли задумывается обо всём этом. Кто-то, возможно, не знает реального положения вещей или попросту не хочет знать. Попробуй представь с первого раза, что тепла, в котором ты можешь жить, за границами твоего города просто нет – город тянет его из далёкого, кипящего подземной кислотой котла. Попробуй представь, что, хотя ты и не помнишь, как его осадили снега, холод в любую секунду может прорваться к тебе – и падёт твой город, и всё попросту исчезнет. Для тебя – всё. Для холода – точка.

Раньше было иначе, конечно. Открытые города, нормальный климат, много людей, а громадные поселения на севере создавались больше в порядке эксперимента. Интересно построить среди тундры шумный и цветущий город, всем себя обеспечивающий, нуждающийся разве что в многослойной системе заслонов и постоянном отоплении – просто чтобы быть более комфортным. К середине века выстроилась целая цепочка таких городов, одни – новые, другие – преобразованные старые, жить в них стало модно, и всё шло на лад...

А потом что-то случилось, и начало холодать. Стремительно, резко, неумолимо. И к концу века остались только

те города, что учли ошибки других. Не оставшихся. Впрочем, и связь держать было всё сложнее.

Как раз в эти времена родился Бронислав Орлик.

2. Белая лиса

В тот день Цветаны в оранжерее не было. Её коллеги кое-как объяснили – болеет, и Орлику это показалось странным. Ему раньше почему-то не приходило в голову, что она способна заболеть, а теперь эта простая истина его тревожила. А если задуматься, даже пугала, как пугали в детстве шатающиеся зубы. Выяснил адрес на всякий случай. Тоже не сразу. Это, по сути, был первый раз, когда он воспользовался правом красной ленты. Орлик подумал об этом, но не удивился. Просто решил, что так оно и должно быть. Почему нет, в конце концов?

Ещё издалека, только подходя к тому дому, он узнал её окно. Прочие – голо светились или были наглухо закрыты, но одно сияло сквозь переплетения тонких веток с узорчатыми листьями.

Стук. Ожидание. Лёгкий шум шагов. Дверной скрип. Удивлённые янтарные глаза, чуть сонные, но всё с теми же искорками.

– Бронь, здравствуй. Ты что, тоже от работы на пару дней откосить собрался? Не надейся, эта штука не заразная.

– Я только на минутку. Вот...

– Нет, нет и нет. Заходи, здесь тепло.

Мягкий уютный свет, полосатый плед, закинутый на плечо, как плащ. И почему-то запах корицы. И сушёных яблок. И ещё, кажется, мёда. Хотя откуда здесь корица и мёд? Да и яблоки...

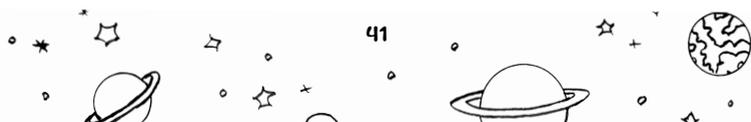
– Я ненадолго. С тобой сейчас всё хорошо?

– Со мной всегда всё хорошо, – улыбнулась Цветана. – А сегодня просто... Сердце. Но это, наверное, от погоды. Погода меняется. Там.

– Принести тебе чего-нибудь?

– У меня всё есть. Не беспокойся.

– А, вот... Чуть не забыл... Держи, – и Орлик, почему-то смутившись, протянул ей небольшой бумажный свёрток. И пока

Цветана разворачивала шуршащую обёртку, стал смотреть в угол, где тянулись к белой лампе какие-то цветущие ветки.

Сейчас идея внезапно прийти на другой край города с банкой варенья из айвы перестала казаться ему дикой.

– Бронь! Божечки! Спасибо тебе! Как только угадал...

– Правда?

– Ещё бы не правда. Так здорово! Ты такое чудо...

– Хорошо. Я тогда пойду.

– Уже пора? Но заходи ещё, как будет время. Чувствую, я здесь ещё как минимум на пару дней.

– Зайду. Точно ничего не надо?

– Просто приходи и всё!

По пути домой он снова и снова улыбался, вспоминая широко раскрытые янтарные глаза и янтарное же сияние в банке, которую она бережно держала в ладонях.

Как угадал? Видимо, просто шёл на свет.

Просыпаться на следующее утро было почему-то удивительно тяжело. В голове металась обрывки мутных снов, затрёпаных до неясности, но до сих пор вносящих беспокойство в утреннюю сизую серость. Хотелось пить.

Ира, видимо, уже ушла. В квартире было пусто и темно, за окном отблёскивали редкие синюшные огни, от остывающего чайника тянулся запах пластмассы – всё никак не выветрится, хотя давно пора. Щелчок выключателя – по глазам будто чем-то полоснуло, и перед ними ещё какое-то время кружились серые тени огней. Огни наоборот.

Вчера Ира зачем-то спросила про оранжерею. Вроде как ей давно говорят, что Орлика там видели, и ей интересно, что он там делает.

– От работы отдыхаю. Тебе никогда не хотелось подышать запахом земли?

– Знаешь ли, нет. Говорят, что это какое-то психическое отклонение. Кстати, все, кто в оранжереях или теплицах работают, странные. Не замечал?

– Например?

Ира задумчиво закатила глаза, так же задумчиво округлила губы:

– Есть у них такая... С зелёными волосами. Немыслимо неестественная особа. Не знаешь, как зовут?

Орлик внимательно посмотрел на Иру. Рассеянный отблеск в овсяных прядях, где завязли несколько сероватых шерстинок из мехового воротника пальто. Продолговатые глаза, как будто тоже с розовым бликом.

– Я думал, тебе лучше знать. Ты вроде бы тоже с ней дружишь.

– Виделись пару раз. Вы друзья, значит?

– А что?

– Ничего. Завтра не забудь зайти в центр, написать форму «Д».

– Опять? Может, на днях как-нибудь?

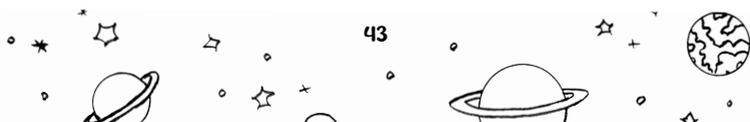
– Лучше завтра.

Конечно, чем раньше, тем лучше. Вдруг не успеешь, кошмар-то какой.

Форма «Д» – это вроде заявления, а по сути – завещание. Выдумал какой-то дятел из «деловых», чтобы красноленточники раз в несколько лет заново писали эту чушь, мол, иду добровольно, а если (читай – «когда») не вернусь, тем-то и тем-то людям перейдёт то-то и то-то. Обычно семье или кому-то из близких. Орлик всегда записывал туда Иру – больше было некого. Форма для проформы, форма, потерявшая содержание. Занудство.

Долго не удавалось уснуть, мысли всячески путались. Кажется, раньше всё было уравновешено, разложено по полочкам, а теперь почему-то смоталось в один косматый унылый клубок – не распутать.

И снилась потом ерунда. Как отгоняет Орлик от домов, застрявших в белых волнах застругов, чёрное пламя, держа впереди огромный щит – и не успевает отогнать. Как – почему-то

в облике зверя – мечется по оранжерее и нечаянно рушит и ломает всё, что растёт вокруг. Как приходит к себе в квартиру, открывает дверь – а из-за порога на него бросаются снег и ночь...

Уже днём шёл дежурить – в коридоре столкнулся с Мышкиным. Тот уставился совсем как-то панически, будто встретил неприкаянного призрака или что похуже. Уставился молча, даже не моргая.

– Ты чего? Всё в порядке?

– Со мной-то да, – наконец отозвался Мышкин. – А с тобой?

– Что – со мной?

– Вот и я смотрю... В голове не шумит? Пальцы не отнимаются? Спишь нормально?

– Как убитый сплю.

– Не смешно. Ты белый весь какой-то.

– Иди ты... врачом работать.

– Нет, это точно не моё.

– Вот и не прикидывайся тогда. И вообще, тебя там, наверное, где-то заждались.

Мышкин исчез. Тихо, как и положено.

Пришёл к Рыжову – тот оказался в своей «остряческой» ипостаси, язвил, не отвлекаясь от каких-то бумаг. Потом глянул и хмыкнул:

– Неужели? Я думал, ты и для вредных привычек неприступен.

– Вы сговорились? Что не так?

– Я не поэт, да это и неопишимо. В зеркало, вон, посмотри.

На стене висело маленькое зеркало, которого Орлик раньше не замечал. Там отразилось осунувшееся, побледневшее лицо: жёсткие прямые черты, синеватые тени, сгустившиеся вокруг глаз.

– Ч-чёрт... – процедил Орлик.

– Не то чтобы совсем, но похож.

– Но... как же?

– Это у тебя надо спрашивать. Но не переживай так: чуть больше сна, чуть меньше шума – и снова от невест отбоя не будет.

– Да ну тебя.

– Ты просто устал. Или кровообращение нарушилось. Впрочем, такие вещи обычно связаны. Поэтому иди-ка ты отсюда и до вечера не возвращайся. На сегодня прикрою. Иди-иди. Замечал, что днём всё равно ничего почти не случается? День всегда почему-то проходит тихо. Тихо, как Мышкин.

– Тьфу!

Спорить Орлик не стал. Хотя прекрасно понимал, что у всей этой «усталости» вовсе другое значение. Но, чёрт возьми, почему же теперь это так тоскливо?

– О чём читаешь?

– О великих замечательных людях, Бронь. Бэкон, Декарт, Карамзин... Ира посоветовала.

Цветана сидела в кресле, закутавшись в полосатый плед, и поэтому казалась совсем какой-то маленькой и хрупкой. Слева мягко светилась лампа под зелёным абажуром, и страницы книги, на секунду поднявшиеся, прозрачно золотились в этом свете.

– Хочешь цикория, Бронь? У меня осталось чуть-чуть, и чайник как раз тёплый.

– Нет, спасибо. Ты отдохай.

– А вообще ты любишь цикорий?

– Я как-то не задумывался. Он просто... не холодный.

– Он даёт ощущение дома. Особенно, если с молоком.

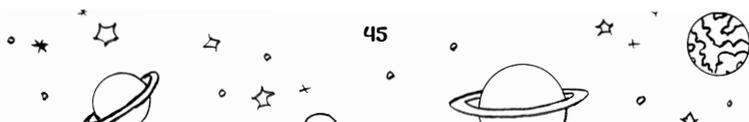
– Его пьют с молоком?

– Я – да. Особенно раньше. Он ведь как чай.

– Ты помнишь время, когда был чай?

Цветана поёжилась, зажмурившись:

– Когда пути сообщения совсем оборвались, меня ещё не было, а у нас чай не вырастить, места мало. Чай ещё оставался на складах, когда мне было лет пять. Папа его приносил. Понемножку. В шуршащих таких пакетиках. Разный. С мятой, с липой, с чабрецом... Но мы его без молока пили. Чтобы запомнить вкус.

Орлику показалось, что у него защемило сердце. Чай даже тогда, даже понемножку – это не всякий принесёт. Совсем не всякий. Это только если...

– ...Мы пили чай и придумывали сказки. Про искателей кладов, про лесных разбойников. А чаще – про коварную белую лису-колдунью, которая заморозила целую страну, и охотника, который старался её поймать и победить. Он изобретал разные хитрости, приманки, ловушки, разное чудесное оружие, но каждый раз лиса ускользала. И всё равно сказка заканчивалась хорошо, потому что охотник приходил обратно. В маленький, заснеженный, но тёплый дом... Кто бы знал, что это – самое сказочное?

Она говорила негромко, чуть улыбалась иногда, а Орлик почему-то не знал, куда девать глаза.

– ...Мне нравилась эта сказка – я хотела быть как охотник. Придумывать, искать, гнаться даже за тем, чего не поймаешь... Уже потом до меня дошло, что дело не только в этом. Уходить на войну с белой лисой – это здорово, это подвиг, но...

Она замолчала почему-то. Затем встряхнулась, взглянула на Орлика, в глазах весело мелькнули золотые искорки.

– Когда-нибудь ты расскажешь эту сказку своим детям, – сказала она. – Но там белая лиса уже будет поймана. Здорово?

– Да.

Здорово, конечно. Что ещё было сказать? Не говорить же, что не будет у него никаких детей, никакой семьи, ничего не будет. Что холод и к нему выискал путь. Что если раньше и было полшанса вернуться, то теперь точно никак... И ведь никому о таких вещах не скажешь на самом-то деле. Многие вовсе не поймут, а кто-то поймёт слишком хорошо – так, что лучше бы и не понимали. И с того момента, как ты это осознал, ты один. Совсем один. Абсолютно. Наедине со своими ранами и осознанием. И кто ответит, что тебе с ними делать? Разве что колдовская белая лиса, которая ждёт там, за стеной? Ждёт ещё одного охотника. Ждёт и скалит ослепительные зубы в усмеш-

ке: что? тоже, мол, думал – самый хитрый, самый сильный, самый умный?

– О чём думаешь, Бронь?

– Так... Вспомнил, что Рыжов про потепление говорил.

– Рыжов? Это из ваших? Такой... с родинкой на скуле?

Встречала где-то недавно... И что он говорил?

– По расчётам учёных потепление будет... Скоро. Совсем скоро.

– А мне не говорил...

– Он иногда очень вредный. Когда вредничает, ничего никому не рассказывает.

– Я в детстве тоже упиралась и не рассказывала, что мне плохо, когда болела. Потому что считала, что охотники не болеют.

Орлик промолчал, глядя в сторону.

– Я о том, что это ещё никому не помогло, Бронь. А с медицинской точки зрения это вообще глупо.

– Наверное.

– Так о чём ты думаешь?

– Ни о чём. Знаешь, извини. Я пойду, наверное. Мне дежурить...

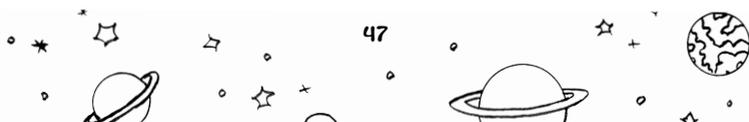
И, когда он закрывал за собой дверь, ему послышалось сказанное тихим, мягким, но горьким шёпотом:

– Дурак. Боже, какой же ты всё-таки дурак...

3. Не оборачиваясь?

Ветки, белые-белые ветки над головой чудились ему в минутной дремоте. Иней с веток не падал, даже когда на них садились, трепеща маленькими веерами хвостов и крыльев, круглые пушистые птицы. Только цветные ленты, встревоженные ветром, вздрагивали, вытягивались вверх, к белёсо-голубому небу, хотели улететь вместе с птицами.

Тревога поднялась ночью. И когда, чёрт возьми, ещё ей подниматься? Здешняя ночь длится несколько месяцев, а может быть, вечность – какая разница?

Было темно. Кажется, ещё и с освещением было неладно. Орлик видел только кого-то с фонариком. Ну, как «кого-то». Рыжов, кому ещё стоять над душой с фонарём в руке?

– Орлик! Орлик, чтоб тебя! Да где ж ты... На отрезке «пять» авария типа «Е»!

– Выхожу.

– Да что ж такое со связью, чёрт! Куда все подевались?!

– Успокойся, Рыжов. Дойду сам.

– Да ты... Ты хотя бы маршрут знаешь?!

– Я всё найду.

– Ты? Точно?

– Да ну тебя.

– Ты держись!

Орлик что-то фыркнул в ответ, закинул за спину рюкзак и ушёл.

И тепло осталось далеко.

За спиной, за стенами, за чёрно-белой дымкой.

Ледяная ночь помчалась навстречу стаями острых белых звёзд, заметалась вокруг шершавыми душными верёвками, запуталась ключьями мёрзлых цепких сетей – и завывала, зарычала, заревела на тысячу голосов, хрипло завопила сотней всклокоченных чёрных птиц.

Ничего. Подожди. Мы ещё посмотрим, кто здесь трус.

Новый снег тут почти никогда не выпадал, но лютующий ветер, кажется, поднял и встряхнул всю землю. И колючая пыль вскинулась, ожила, пронизала черноту смертельными узорами. Орлик не шёл – прорубался сквозь тяжёлые занавесы, проламывался сквозь мутное стекло, а холодные лоскутья не давали ему дышать, и осколки врезались под кожу.

Ничего. Подожди. Мы ещё посмотрим, кто сегодня сильнее.

Ведь там, внутри, ещё упрямо бьётся в жилах, мчитя по кругу горячая кровь. Даже когда предатель указывает врагам путь в крепость, война на этом не заканчивается. И теперь ничего ещё не решено. Судьба судьбой...

Эта сила – сила всех тех, кто побеждён? Эта буря – их дыхание? Эта тяжесть мёртвого белого меха, в которой вязнут ноги – прежняя добыча?

Ничего. Подожди. Мы ещё посмотрим, кто из нас охотник.

Орлик не помнил, как добрался до места, где уже образовалась проталина, не помнил, как восстановил оболочку, не помнил ничего, кроме чувства спокойствия от выполненного долга – да и тепло, ухваченное рядом с прорывом в оболочке, вернуло ему немного сил. Но была ещё дорога назад, долгая, почти бесконечная – и бесконечно опасная.

И дело было не столько в силе, не столько в вере в свою победу. Но он просто шёл – уже усталый, и знал, что город сегодня спасён.

И знал, что сделал всё то, что должен.

И знал, что может не возвращаться.

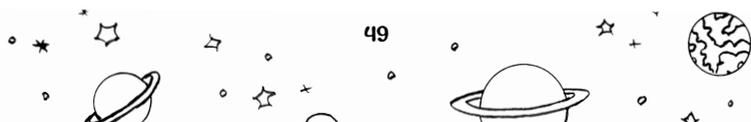
А холод мягко кружился рядом, ложился в ноги, хватал за руки, шептал неслышно над самым ухом: ну вот – победа, ну вот – награда, ну вот – ты вышел сухим из моря, так отдохни же, приляг на берег! Здесь так спокойно, легко и мягко – на белой шерсти, под белым шёлком, и не достанут все те, кто раньше тебя рядил в кричащий пурпур. Ты сам не помнишь, но ты – отсюда. Так не противься. Так оставайся.

В следующий момент, когда Орлик очнулся, он ощутил себя стоящим на коленях в снегу. Всё ещё метались вокруг равные снежные полотнища, но шума ветра слышно не было – его заглушал мутный гул в ушах.

Кровь. Это же просто кровь. Это она звенит, она поёт ему последнюю колыбельную. Но скоро сердце уже не осилит бешеного ритма, ослабевет, заглохнет... Сердце...

Он почему-то вспомнил мандарин. Оранжевый клубочек солнца. И зелёную лампу. И полосатый плед. И голос, ради звука которого стоило молчать хоть всю оставшуюся жизнь.

– А ведь... колесо года поворачивается к солнцу, – прохрипел он и поднялся. И беззвучно засмеялся в лицо холоду.

Вьюга встопорщила колючую шерсть, скуля и воя, и с новой яростью ринулась навстречу, закружилась, превращая мир в один пёстрый клубок, выворачивая всё наизнанку, ломая то, что срослось плохо, и наспех наживляя по-новому, вымораживая из вен что-то старое, близкое, привычное, но такое больное и уязвимое.

А Орлику казалось, что он в ночи светится насквозь, и вокруг него воздух дрожит от тепла, а земля прорастает подснежниками.

В оранжерее молчаливо качались ветки, где-то тихо капала вода, пахло почему-то мокрой оттаявшей корой, и Цветана подумала, что это похоже на весну. И растения, кажется, это чувствовали. Вьюны и вовсе зацвели, а тот самый как-то ухитрился выпутаться из красной ленты – она бессильно висела теперь ниже, едва уцепившись за сердцевидные листья. Всё услышано?

Стукнула дверь, прозвучали шаги, ближе, ближе. Цветана улыбнулась, кусая губы, и быстро-быстро заморгала. Не оборачиваясь. Всё равно мир плыл перед глазами, но теперь – ясный, лучистый, искристо-светлый...

Всё услышано.

+

o

50

x

*

o

o

ЗАКОУЛКИ МЕНЯ**Part 1**

Дом Бена был небольшим и обшарпанным, но с улицы, по крайней мере, выглядел жилым. Трижды – по уже выработанной профессиональной привычке – я постучал в маленькую боковую дверь:

– Бен, могу я войти?

Он открыл не сразу. При этом выглядел печально и обеспокоенно:

– Да, конечно. Вот только...

Сделав шаг внутрь, я угодил в кучу мусора. Бен стыдливо опустил глаза, я же воодушевленно потер руки.

– Как я и предполагал, здесь есть, над чем поработать! Вы верно поступили, что обратились ко мне. Боже мой, в этом доме найдётся хоть один стул?

– Должен найтись. Хотя я не очень гостеприимен.

– Вижу. Что у нас тут? – я выудил из мусора наугад пустую коробку из-под бисквитного печенья.

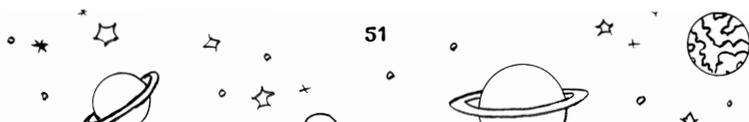
Бен вздохнул:

– А, это... мы отмечали юбилей Маргарет всем коллективом, я даже принес для неё коробку печенья, но вечером оказалось, что она забыла позвать меня.

– Послушайте, Бен, разве можно так заострять на этом внимание? Возможно, вы считали, что это причиняет вам боль, но на самом деле – лишь захламляет психологическое пространство личности.

Бен вцепился в коробку, как жадный до сладостей ребёнок.

– Вы не можете знать. Та история причинила мне боль и продолжает причинять!

– В таком случае это нанесло бы ущерб дому. Но ваша обида валяется на дороге, как мусор, и лишь ваше упрямое желание концентрироваться на воспоминании о боли и жалости к себе удерживает её здесь.

Плечи Бена поникли. Где-то в глубине дома злорадно громыкнуло его нежелание признавать чужую правоту. До чего же я люблю свою работу!

– Как мне избавиться от всего лишнего?

– Проще, чем вы думаете. Всё, что нам потребуется – это большой целлофановый пакет.

Бен повиновался, и мы торжественно выбросили злополучную коробку в мешок.

– Мы будем перебирать так каждую вещь?

– Да, мы проработаем каждую проблему, каждую ситуацию в отдельности. Иначе вы не сможете отпустить обиду. Это огромный труд, но он стоит того. И всё же для начала я бы хотел осмотреть дом целиком. Вы позволите?

– Конечно-конечно, проходите.

На кухне, наоборот, было слишком пусто. Газовая плита давно не работала. Из посуды в шкафу завалилась лишь одна чайная чашка.

– Это не очень хорошо, док? – жалобно простонал за спиной Бен.

Я помедлил с ответом. Но, когда повернулся к пациенту, на моем лице сияла широкая улыбка доброго волшебника:

– Нехватка внутреннего тепла. Не очень-то вы жалуете новых людей – и они отвечают вам тем же. Но мы исправим это дело. Будет и огонь, и новый чайный сервиз!

Бен очень обрадовался и даже воспрянул духом. Он так быстро пошёл вперёд, указывая путь, что я еле поспевал за ним. Он решил показать мне жилые комнаты.

Позаимствовав у хозяина дома фонарик, я вошёл внутрь одной из них. Там оказалось всего одно маленькое окошко

под потолком, как в тюремной камере, почти не дающее света. Что это, запах духов?

Я вздрогнул и резко остановился. Комната была жилая.

– Вы не говорили, что здесь кто-то есть.

– Здесь пусто, – замогильным эхом отозвался Бен.

– Готов поклясться, я чувствую присутствие женщины...

– Я тоже... тоже... – вторило эхо.

Набравшись дерзости, я раскрыл дверцы шкафа.

– Бог ты мой! Всё ещё более запущено, чем я предполагал!

И сколько лет вы уже храните её платье?

– Три года... года... года...

– Приятель, так дело не пойдёт. Нельзя вечно жить прошлым.

– А как же воспоминания! Вы заставляете меня выбросить и их? – всхлипнул в темноте Бен.

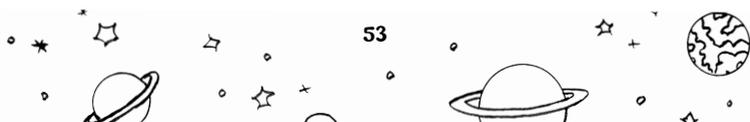
– Я вам друг, но, если будете сопротивляться моим советам, я не смогу помочь. Скажите, вы пробовали начать новые отношения?

– Да, но ни одна... У меня не вышло.

– Дайте угадаю. Женщине, которая жила в вашем сердце, было слишком темно и тесно здесь, вы попросту не давали ей достаточно свободы, так как вам больше не с кем было удовлетворять потребность в общении. Ей удалось выскользнуть из вашего ревностного захвата, но её образ поселился здесь. Мы не будем избавляться от воспоминаний, это попросту невозможно, но мы постараемся свести до минимума эмоциональную привязку к ним. Чтобы здесь могла поселиться новая симпатия, вам необходимо расчистить для неё пространство. И окном тоже надо заняться.

– А что не так с окном? – насторожился Бен. На этот раз недоверие загремело гораздо ближе.

– Маленькие окна означают, прежде всего, замкнутость и отгороженность от остального мира. Если оставить их, как есть, вы обречены повторять ошибку снова и снова. Всё ваше внимание, душевные силы, стремления, старания будут сосредото-

ны всего лишь на одной какой-то особе, и вы не захотите реализовывать себя в общении с другими людьми, с друзьями и родственниками, хотя они достойны этого не меньше. Гармонично развитая личность имеет не один, а несколько устойчивых контактов с внешним миром.

Мы прошли ещё с десятков комнат, где обитали дорогие Бену люди. Не пустовали лишь спальни родителей и друга детства, который, впрочем, давно переехал в другой штат. Только они смогли мириться с теми условиями, которые создал для них мой пациент. Я указал ему на его ошибки и рассказал примерный план будущих действий:

– Вы приуныли? Напрасно. Меня радует тот факт, что в вашей душе много места для любви и привязанностей. Наша задача – освободить пустые комнаты от вещей бывших жильцов и сделать их максимально комфортными для новых.

– Но... Я, конечно, не психолог, но разве можно кардинально менять базовые установки характера?

– Вы правы, нельзя. Это приведёт к полнейшему дисбалансу личности. Фундамент, стены, крыша – воспринимайте это как данность, которая навсегда останется с вами. Зато в наших силах избавиться от психологических проблем, комплексов, застарелых обид и даже неграмотно выработанных механизмов защиты, хоть и постепенно. Это кардинально повлияет на ваше поведение в социуме, поможет освободиться от внутренних барьеров. Вы же этого хотите, Бен?

– Да, очень хочу!

– Поверьте, я хочу этого не меньше.

Я не сказал ему, что мы никогда не сможем избавиться от губительной чёрной плесени, которая развелась по углам, получится лишь спрятать её под слоем побелки. Чёрная плесень – это проекция боли, а её в доме Бена оказалось предостаточно. Мне стало немного жаль его. Он хороший парень. За годы практики и наблюдений я обнаружил неутешительный факт: почти каждый человек, кем бы он ни казался внешне, глубоко

несчастен и закомплексован внутри; отличия объясняются тем, что у людей выработаны различные способы подавления и маскировки деструктивных тенденций, но в их душах, как правило, творится примерно один и тот же ад.

Чердак оказался довольно любопытным местом. Рассевшись на ковре кружком, несколько человек с азартом резались в карты, причём нас они замечать упорно не желали.

– Могу поздравить. Хотя где-то у вас дела обстоят лучше, чем в социальной сфере. Но это лишь усугубляет конфликт между ожидаемым и реальным.

– Но кто они?

– Разве вам они не знакомы? Надстройка над первым этажом всегда является проекцией вашего супер-эго, а его обитатели – ваши идеалы. Давайте познакомимся с ними поближе! В первую очередь, вы наверняка заметили там себя, точнее, улучшенную версию себя: он стройнее, носит строгий, пошитый на заказ костюм (скорее всего, для вас это показатель преуспевающего человека), у него много друзей и он любимчик женщин.

Бен сладко вздохнул.

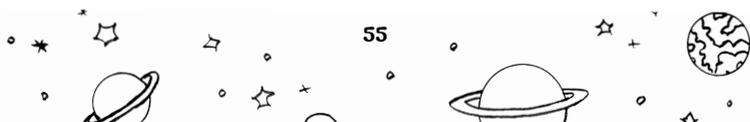
– Если вы хотя бы наполовину приблизитесь к этому идеалу – избавитесь от многих комплексов и станете счастливее.

Рядом с Беном № 2 спиной к нам сидела фигуристая блондинка то ли в древнегреческой тоге, то ли в задрапированной скатерти. Я плотоядно улыбнулся, как кот на сметану. Услышав голоса, она обернулась и посмотрела на нас. Точнее – словно бы посмотрела. Бен, который тоже давно засматривался на красотку, судорожно вцепился в мой локоть.

– Не пугайтесь, это ваш образ идеальной женщины. Так как ваши представления касаются этой мифической особы весьма и весьма смутны, у неё нет лица, зато есть потрясная фигура и шикарные белокурые локоны.

– Это в пределах нормы?

– Да. Типичная мужская модель. Не удивлюсь, если она прекрасно готовит, мало говорит, скромна, верна и никогда

не страдает головной болью. В отличие от улучшенной версии вас самих, этот идеал недостижим.

– То есть как недостижим? В мире много красивых женщин...

– Но идеальных ещё никто не встречал. Так что советую вам сосредоточиться либо на одной красоте, либо на чем-то другом, в зависимости от ваших приоритетов. Хотя о чём это я? Вот он, ваш приоритет, сидит и кокетливо выгибает безупречные пальчики. Но давайте не будем долго на нем останавливаться, вы согласны?

– Да, пожалуй... А как выглядит женский стереотип?

– А, это светящееся расплывчатое облачко с приятным голосом.

Я приблизился к людям, восседающим на ковре, и обошёл их кругом.

– Эти двое улыбающихся – идеалы родителей. Этот, тихо играющий в машинки, – идеал ребенка. Вы также найдёте здесь идеальных друзей, которые никогда не причиняют боль, не опаздывают и не подводят вас, да и пьют в меру, и у них всегда есть деньги, чтобы занять. В общем, сплошная сказка! Все собраны здесь: идеальные начальники, идеальные подчинённые, идеальные гости, идеальные дантисты, идеальные соседи и даже идеальные прохожие.

– Идеальные прохожие?

– Да. Любая мелочь способна легко вывести нас из равновесия, поэтому даже прохожие должны подгоняться под это представление. Они никогда не отдают ноги и уступают дорогу. А если вам понадобится помощь в виде зонта или протянутой руки, они незамедлительно окажут её, а потом вы станете друзьями на всю жизнь.

– Да, было бы здорово... Док, откуда вы всё это знаете?

– У меня было много пациентов, и всех преследовали сходные ожидания от окружающих. И, тем не менее, они не спешили предложить миру то, что требовали от него. Забавный парадокс...

Среди играющих я не сразу заметил седовласого старца с лукавыми глазами. У него на руках был козырный туз.

– О-о, оказывается, вы религиозны?

Бен, побледнев, на всякий случай спросил, кто это?

– Вы же и так знаете. Это Бог.

– Значит, он существует?!

– Разве у вас были сомнения? Да, существует – в вашем воображении.

– Мой Бог тоже выглядит стандартно?

– Более-менее. Но, глядя на него, можно дать дополнительную оценку вашей личности, или, более точно, определить направленность локуса контроля. Если божество злое – значит, человек во многих своих бедах склонен винить высшие силы и внешние обстоятельства; если доброе – он умеет наслаждаться жизнью и нести ответственность за свои неудачи. И так далее. Ваш бог нейтрален.

Чердак был просторным и относительно светлым. Возле стен возвышались горы картонных коробок, сложенных очень аккуратно.

– А там что?

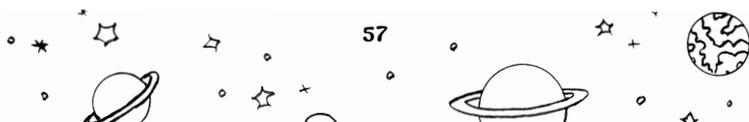
Я взял наобум одну коробку и приоткрыл её. Изнутри вырвался ослепительный солнечный луч.

– Судя по всему, идеал счастья. Здесь собраны идеалы не только отношений, но и чувств, состояний, норм поведения, морали, этики. Этот багаж вы несете с собой из детства, он помогает проследить механизмы складывания стереотипов, психологические травмы... с той же целью можно разглядывать фундамент дома с улицы.

– И какой он?

– Низкий и непрочный. Но он был заложен давно, и на нём стоит весь ваш дом, так что мы ничего не будем предпринимать, в наших силах только смягчить последствия.

Мы спустились на первый этаж. Я крепко пожал на прощанье руку Бена.

– Чуть не забыл! Какую погоду вы видите через окошко?

Мы пробрались к ближайшему окну, перешагивая через груды мусора.

– Разве вы не видите, что там идёт дождь?

– Нет. Лично для меня там всегда светит солнце. Я вижу дом, его обитателей и обстановку через ваше восприятие себя, так как это сугубо личное пространство. Но «улица» – это общее пространство, на которое накладывается уже мое субъективное внутреннее состояние. Проще говоря, погода за окном – это ваше настроение. Попробуйте в следующий раз улыбнуться, почувствовать себя лучше – вот увидите, тучи развеются и на горизонте наметится рассвет.

– Обязательно! Спасибо, док!

Довольный проделанной работой, я подошёл к двери.

– Пойдите! Ещё не всё посмотрели! – Бен разгрёб груды хлама, под которым неожиданно обнаружился люк, и потянул его на себя.

Я достиг его в прыжке и оттолкнул. Мы покатались по полу. Люк захлопнулся, придавив когтистые и скользкие пальцы существа, которое уже из подполья собралось наружу. Оно оглушительно и тоскливо взвыло.

– Какого черта?! ЧТО это было?

Я отдышался и поднялся на ноги.

– Бен, впредь не делайте того, о чём вас не просят. А было это не что иное, как ваше Подсознание.

– Оно опасно?

– Испугались? Оно опасно только для чужаков, но, если Оно вырвется, наделает тут переполоху и сорвёт ваши ближайшие планы. Время от времени так и происходит, когда контроль супер-эго ослабевает.

– Я могу ошибаться, но разве психоаналитик не должен изучать это самое Подсознание?

– Не всегда, и очень осторожно. У Подсознания неплохие защитные механизмы, оно ненавидит, когда в него вторгаются.

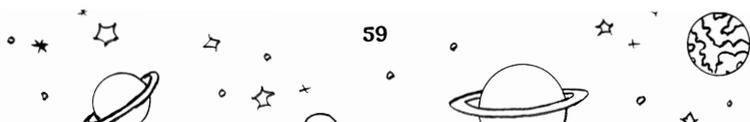
Я не во всём поддерживаю фрейдистскую концепцию: я считаю, что у нас и так предостаточно материала для работы. Я профессионал в своей области. Мне не обязательно спускаться в подвал, чтобы определить, какие кризисы вы не преодолели в детстве, какие порывы подавляете, а каким даёте волю, и во что выливается ваша сублимация. Каждая деталь этого дома способна часами рассказывать (рассказывать – в переносном смысле) о вашем характере. Сюда попадают только те люди и предметы, которые оставили отпечаток на вашей эмоциональной сфере. Находясь здесь, я читаю вашу душу, как раскрытую книгу, а вы являетесь проводником по этому миру, так как обладаете всеми воспоминаниями. Вместе мы изменим этот мир к лучшему!

– Да! Спасибо, док! Ой, за окном загорелось солнце...

Я кивнул и вышел за дверь, по привычке энергично потирая ладони. На улице была великолепная погода. Работать с Беном легко. Обычно с другими пациентами уходит уйма времени на то, чтобы просто научить их признавать необходимость в переменах.

За два года моей практики образовался целый городок из подобных домов, через который я сейчас шёл прогулочным шагом к Точке Возврата. Многие из особняков стали выглядеть лучше с момента моего первого посещения. Я могу и сейчас заглянуть в любой из них, но «хозяина» не окажется дома – сервер хранит данные, полученные во время последнего подключения, в остальном эта система является автономной. Когда человек подключится в следующий раз, он найдёт свой дом немного иным – его психика жила и развивалась, она получала новый опыт – программа отразит эти изменения, поэтому внутри он обнаружит новые детали интерьера: может поменяться цвет стен и расположение окон или дверей, но размер и планировка жилища всегда статичны.

Улицы городка, бронзовые фонари и провисающие провода, стайка гор на горизонте, железнодорожная станция, ажурная конструкция радиовышки – мое сознательное творение, моя часть этого мира. Я выстроил их в компьютерной програм-

ме для удобства работы с пациентами, и получилось довольно миленько и уютно. Уверен – у меня есть вкус. Недаром моей первой специальностью был 3D-дизайн.

Поезд уже ждал меня, нетерпеливо выпуская столбики дыма. Я запрыгнул на ступеньку как раз вовремя – поезд начал набирать ход. Хватаясь за поручни, я отыскал место № 19 в третьем вагоне и плюхнулся на сиденье, обитое симпатичным пёстрым материалом. За окном мелькали зелёные леса, лоснящиеся под весенним солнцем и не осквернённые присутствием людей. Кроме меня в этом мире не было никого. Я с раздражением отметил, что некоторые участки пути плохо прописаны и графика чуть запаздывает.

– Ассистент, можете отсоединить меня.

Я открыл глаза. Голова всё ещё немного кружилась. Где-то рядом жужжал вентилятор. Я приподнялся с откинутой спинки кресла и снял шлем. Из точно такого же кресла напротив мне улыбался Бен, который вернулся раньше («хозяин» дома способен отсоединиться самостоятельно в любой момент, изнутри, но «гостю», помещенному в систему, помогает ассистент).

– Спасибо за работу, док! Мне всё очень понравилось!

– Вы так благодарите меня, как будто я покатал вас на карусели. Лучше поберегите благодарность до тех пор, пока мотодика не принесет позитивные изменения.

Точнее – иллюзию изменений. Я и не подозревал, что это произойдёт в такие короткие сроки. Бен поистине самый покладистый и старательный из моих пациентов. Может быть, ему было так больно, что не осталось иного выхода, кроме как изменить что-то в себе?

Но запомнился он мне не поэтому.

Part 2

Последний раз с Беном мы случайно пересеклись в торговом центре где-то через год. Я сразу узнал его полноватую фигуру в спортивном костюме (которая, кстати, стала стройнее), в тя-

гостном напряжении застывшую напротив холодильников с пивом. Я подошёл к нему со спины и крепко хлопнул по плечу:

– Хэй, Бэн! Как делишки?

– Это вы, док! – он так обрадовался, что тут же заключил меня в плотные объятия. – Я даже не могу выразить, как вам благодарен! Я словно стал другим человеком. Я сменил работу и жильё. Мой круг знакомых расширился, появились два хороших друга. Я даже... даже завёл роман с одной милой девушкой. И вот сейчас набираю выпивку и закуски к рождественской вечеринке у меня дома.

Я сперва не поверил, что у него всё так хорошо. Но он выглядел поистине счастливым.

– Я всегда верил в вас, Бен. Но вам удалось даже превзойти мои ожидания.

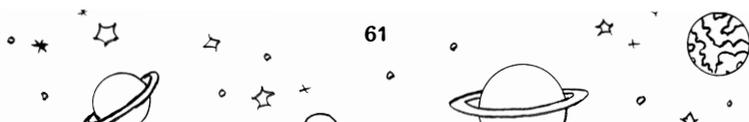
Мы поболтали ещё несколько минут и попрощались как давние приятели. Я зашагал прочь с отрадным чувством блестяще выполненного дела на душе. И тут Бен окликнул меня:

– Док, а я бы заглянул к вам в гости!

И всё.

Всё началось с этой простой фразы моего бывшего пациента. Он даже не подозревал, сколько в ней потаенного смысла. Он бросил её в шутку, а я всё никак не мог выкинуть её из головы. Новая мысль ела меня живьем и жгла самым жарким огнем, она не давала покоя, заглотив меня всего без остатка, – очевидная мысль, не доступная раньше: «Какой же он – дом внутри меня?»

Почему я не задумывался об этом раньше? Может, я считал, что найду то, что закономерно было бы найти у человека с таким складом характера, как у меня: светлый и просторный дом с большим набором жилых комнат и теплым очагом? Говорят, что все психологи выбирают это направление из-за желания познать, прежде всего, себя. Когда-то и я был из их числа, но давно изведаль, испробовал и откорректировал собственную личность. Мне 36, рост выше среднего, телосложение астеническое, предпочитаю чёрные костюмы свободного кроя.

У меня расслабленная походка: руки в карманах, полы пиджака развеваются, на лице – снисходительная улыбка. Я блестяще окончил аспирантуру, много практиковал, но лучшим моим достижением, конечно, является разработка уникальной Методики психостроения, не имеющей аналогов в прошлом человечества. Очевидно, с самооценкой у меня полный порядок (уж в таких вещах я разбираюсь!). Поэтому осталось добавить великое множество знакомств как среди влиятельных людей, так и среди обычных смертных, которые уважают и ценят ме...

Тогда почему! почему, повстречав сегодня Бена, я почувствовал себя несчастным?

Я вырвался на улицу и, ослеплённый густо падающим снегом и искрами рождественских гирлянд, вместо уютной квартиры направился в лабораторию. Прохожие с подарками сбивали меня с ног, такси тащились в пробках по занесённым магистралям. Я купил по дороге кофе, чтобы согреть руки и взбодриться. Ненавижу промедление.

В лаборатории не будет никого вплоть до окончания праздников. Я отключил сигнализацию и открыл своими ключами дверь. В коридоре замигало холодное люминесцентное пламя. Я прошёл в залитый мягкой полутьмой кабинет, одним порывом оставил на столе недопитый кофе и мокрый от снега плащ, ринулся к компьютеру и вспомогательной аппаратуре. Когда все индикаторы загорелись, я бросил своё тело в глубокое кресло со шлемом в руках. Всё готово. Поехали!

Я заранее постарался внушить себе, что на той стороне найду то, что и следовало ожидать; одна быстрая прогулка по дому – и вернусь. И всё же мне было страшно. За три года работы с Методикой психостроения я видел массу пугающего и почти необъяснимого. Я бродил по особняку, где не обнаружилось ни одного окна, а коридоры были узкими, как пещера, да к тому же населённая призраками прошлого и чудовищами замаскированных страхов, которые свирепо шарили во тьме в поисках чужака... Я был заживо погребён в доме-склепе, где царил

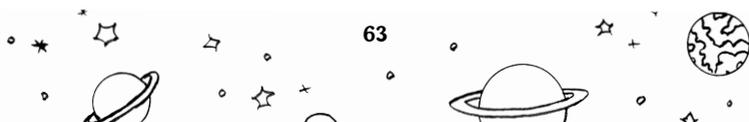

вечный холод и мох расползлся по древним стенам: хозяин поместил всех, кого любил, в тесные гробницы, и они плакали по ночам в предчувствии полной луны... Но не это было самым страшным из тех ужасов, что творятся у людей в душе. Самое страшное – это найти всего одну пустую, слепую, безоконную комнату там, где должны были быть королевские апартаменты. Всего одна комната, всего одна! Идеально прямые углы и безупречно выбеленные стены! её хозяйка с красными от бессонницы глазами забилась в угол и пыталась рисовать мелками на безукоризненно белом гладком полу. Она сказала мне, что хочет заполнить пустое пространство, но мелки не оставляют след на скользкой поверхности...

Я боялся, что буду таким же пустым и безликим изнутри.

Я сразу оказался в тесной прихожей, обклеенной пожелтевшими от времени обоями в мелкий цветочек. «Хозяин» не может увидеть дом снаружи из-за субъективизма, присущего самосознанию. Дальше по коридору помещалось несколько дверей. Я облегчённо вздохнул: «Наличие сложного построения психики. Широкое пространство для психических манёвров». Я подобрался к невесте как затесавшемуся в подобную планировку окну. Снаружи к стеклу приник плотный туман, сквозь который с трудом угадывались очертания олиствившихся тополей. Туман мне не понравился – нечёткость жизненной позиции, отсутствие перспективы. «Спасибо, что хоть весна и день». Погода ещё может смениться, а вот расположение комнат...

Я долго смотрел в конец коридора, где тикали на стене выдавшие виды часы с кривыми стрелками. Я вспомнил это место, как будто бывал здесь в глубоком прошлом, блуждал в многочисленных, многослойных снах из далекого детства. Первое впечатление было таким, словно я снова в квартире, где жил ещё мальчиком с семьей, только комнат стало больше. Часы я тоже помнил. Я случайно разбил их во время игры в мяч и свалил вину на старшего брата, но ладони у меня были в шрамах с тех пор, как я безуспешно пытался собрать осколки стекла.

И вот теперь они тут, снова целые, навечно застряли в моем сознании. Я испытал чувство ностальгии. Мои пациенты никогда не говорили, что видят знакомое им помещение. Возможно, они считали это настолько естественным, что решили не сообщать мне? Или сознание механически подгоняет картинку под воспоминания?

Я обошёл комнаты. Как и ожидалось, они были пусты. Немного смущало нагромождение старой мебели по углам, как во время ремонта, да и сама планировка... была странной. Я не нашёл кухни, зато в квартире оказалось множество помещений неопределённого назначения: проходные комнаты, заставленные диванами, санузел с несколькими ваннами и выходом на балкон, продолговатая комната с проёмом в соседнюю, напоминавшая столовую, огромная кладовая с десятком стеновых шкафов, длинный коридор, зачем-то превращённый в комнату... Квартира была обветшалая, просторная (здесь могло бы с комфортом разместиться человек двадцать), светлая, с окнами во всю стену, но абсолютно нежилая. Работы предстояло много.

Иногда мимо меня скользили тени прошлого, издавая мистический шепот. Я узнавал их и в ужасе отшатывался в сторону. Они скользили по стенам, не замечая ни меня, ни преград, словно материальный мир давно утратил для них значение. Я и не представлял, насколько это страшно – встретиться с ними взглядом. Единственное, что было живым в этом доме, в моем доме – это чёрная плесень по углам. Эпидемия чёрной плесени. Никогда столько не видел. Я старался не смотреть вверх, чтобы не замечать.

Балочный деревянный потолок везде был разной высоты. Я догадался, что над ним находится чердак и заглянул туда мельком, вскарабкавшись по приставной лестнице, которая внезапно возникла из-за очередного поворота. И здесь на первый взгляд никого... хотя интересовал меня преимущественно цокольный этаж. Я вернулся вниз и случайно нашёл маленькую лоджию, фронтальная сторона которой упиралась в соседнюю,

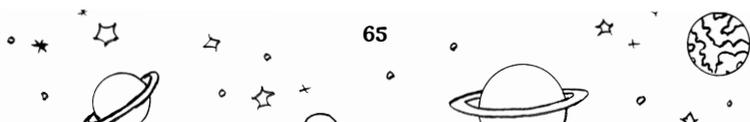

поэтому через неё нельзя было увидеть улицу, но ощущался сквозняк. Очередная нелепица...

Я прошёл через все комнаты назад, к выходу, и неожиданно наткнулся на кабинет со стеклянным потолком и прозрачной пристройкой, попасть в которую можно было только с улицы или через подвал.

И тут мне стало не по себе. Готов поклясться, раньше здесь её не было. Апартаменты будто расширились за то время, пока я блуждал в их противоположном конце. Такого попросту не бывает. Точнее – не бывало до этого. Не может быть, чтобы моё психологическое состояние было подвержено значительной трансформации во время нахождения в системе, и даже вне системы, спустя годы, не могло появиться лишней комнаты. Я работал со множеством психов, но такого психа, каким оказался я сам, ещё не встречал.

Я попробовал усмехнуться. Получилось не очень убедительно. Рывком поднялся с кресла и отправился дальше. И тут же, теперь без особого удивления, обнаружил ещё одну дверь, ведущую в слепой бесконечный коридор. На том конце с электрическим треском мигали лампы, обволакиваемые тьмой. Громко тикали часы. Я хлопнул тяжелой дверью, отсекая собственную растянутую в нитку тень. Я продолжил обход по дому. Разные по величине двери не то чтобы возникали из небытия, вгрызаясь в пространство дома, они как будто оставались незаметными до некоторых пор, как будто хотели замаскировать всё за моей невнимательностью. Но я не был невнимательным, отнюдь. И всё же я замечал некоторые двери не со второго и даже не с третьего раза. Я оставлял открытой каждую, что сумел найти, и всё равно при повторном прохождении через дом находил притаившуюся где-нибудь запертую дверь, за которой обнаруживались новые бессмысленные помещения, нарушавшие законы геометрии и противоречившие здравому смыслу. Я не боялся заблудиться, пока комнат было

не так уж много, но они явно имели тенденцию к превращению в лабиринт. Лабиринт, сотканный из паутины полузабытых снов.

Я почувствовал, что начинаю сходить с ума, и взгромоздился на одну из школьных парт (понятия не имею, что они тут делали), придвинутых к прозрачной стене. За стеклом раскачивались сосны и заходило солнце, опрокинувшись в чистейший алый.

То, что я увидел сегодня, противоречило принципам, на которых строилась моя Методика. Но, чтобы добраться до сути процессов, которые происходят в моей голове, я должен выстроить всё в упорядоченную цепь.

Человеческая психика поразительна. Чего только стоит её свойство проецировать себя на предметы и явления материального мира! Зачастую мы даже не отдаем себе отчёта в том, что наши психологические процессы, эмоции, представления о себе и окружающих построены на ассоциациях с животными, домами, растениями, дождём, книгой (примеры я назвал наобум). Я заметил, что большинству людей сложно представить что-либо, а на сеансах психотерапии эта способность немало важна. Я решил помочь им, создав компьютерную программу, которая проецирует представления и ассоциации человека на предметы материального мира, как бы визуализирует изображение. Самым универсальным показателем, по результатам моих исследований, оказалось жилище. Перед началом сеанса я обращаюсь к пациенту: «Пожалуйста, представьте дом», – и система помогает увидеть психологическую модель его личности. Если хотите, это усложнённая интерпретация знаменитого психологического теста «дом, дерево, человек». Но уже в одном доме столько материала для изучения, что остальное отпадает за ненужностью. Перед тем, как впервые пересечь порог дома, я стучусь в дверь и спрашиваю разрешения войти – «хозяин» должен добровольно впустить в сознание инородное тело, так как любое вмешательство является насильственным, и психика отчаянно защищается. Без приглашения нельзя попасть внутрь.

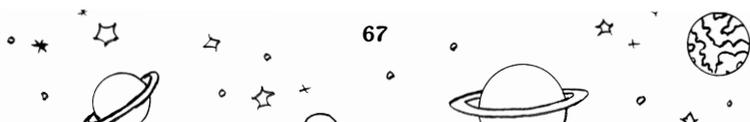

Визуализация жилища пациента помогает не только в диагностике, но и в лечении. Раньше я говорил на сеансах: «Представьте, что вы перечеркнули негативные мысли красным карандашом», — и пациент жмурился, сжимал челюсти, царапал обивку кушетки в непосильных потугах представить сие действие. Теперь мы можем перечеркнуть или выбросить негативные мысли в прямом смысле слова, во время нахождения в системе — и это гораздо действеннее. Принцип работы этого метода предельно прост. Но, само собой, я держу его в секрете от конкурентов, так что я единственный в мире специалист, который способен визуализировать внутренний мир человека. А у самого... извилины... непонятно как устроены... помог бы сперва себе...

Однозначно, постоянно разворачивающийся лабиринт — отклонение от нормы. Такое чувство, будто это картина психики не давно сформировавшейся личности, а четырехлетнего ребенка, у которого для его дома заложен фундамент, но очертания комнат ещё неясны (я наблюдал это в ходе одного из экспериментов).

И ещё. Впечатление, как будто психика боится, что будет познана, и защищается, применяя надстройки и пристройки. Но это абсурд. Она не настолько сознательна и самостоятельна. И если речь зашла об этом — для чего ей защищаться от «хозяина», как будто он — инородное тело, как будто она существует отдельно? Но, если эта версия хотя бы частично верна... От чего меня пытается увести собственное сознание?

Я еле отыскал в этом доме книгу (это был давно затерянный в серии бесконечных переездов и расставаний томик Лео Таксила, завещанный мне дедом) и фломастер, к которому, как ни смешно и мелко, у меня тоже сформировалась эмоциональная привязка. За окном почти стемнело. Я порывисто раскрыл книгу на середине, чуть не задев носом страницы в попытке хоть что-то разглядеть, и начал чертить план дома жирными синими линиями прямо поверх текста. Выходило чёрт-те как, на редкость кособоко, но художнику виднее. Я увидел, что сердцевина дома до сих пор оставалась закрытой. Незаполнен-

ное пространство среди нагромождения квадратиков и прямоугольников. Неудивительно, что почти все вторичные комнаты имели балконы и лоджии, их окна выходили на внешнюю сторону, словно старались отвлечь, увести от главного. Даже слепой коридор, хоть и находился внутри, был в стороне от округлого пробела в центре моей карты.

За окном вспыхнул ослепительный рассвет. Я, улыбаясь, вскочил на ноги и по привычке энергично потер ладони. Я чувствовал, что близок к разгадке. Возможно, лабиринт может расширяться вовне до бесконечности, как Вселенная, но теперь я следовал в противоположном направлении. Я считал, что должен быть какой-то проход, хотя бы люк, ведущий в запретное пространство.

Я обследовал меньший круг квартиры, ощупывая стены. Само собой, ничего. Но под ковриком обнаружил люк в подвал. Чудовище на этот раз не шумело, притаившись прямо под крышкой, и тихо дышало. Возможно, подвал – единственный уровень, который остался обитаемым в моем доме... Я встал на колени и провел ладонью по шершавым доскам. Страшно было бы столкнуться с Ним лицом к лицу.

Я поднялся и бросил коврик плашмя на его прежнее место. Нет, ещё не время, нет, должен быть другой способ! Я так страстно хотел узнать, что заключено в центр лабиринта, что готов был попробовать проломить стену, или проковырять глазок, хоть это грозило отразиться на моей психике необратимыми последствиями. Лёгкими постукиваниями я определил, в каком месте стена тоньше всего, а затем обшарил всю квартиру в поисках тяжелых металлических предметов. Самой подходящей кандидатурой на роль кувалды оказалась старенькая, но надежная гантель килограммов на двадцать с облупившейся краской на рукоятке. Какого только хлама тут не встретишь. Из-за покупки спорт-снаряжения у меня случилась ссора с приятелем в студенческие годы... Здесь, в обиталище моей

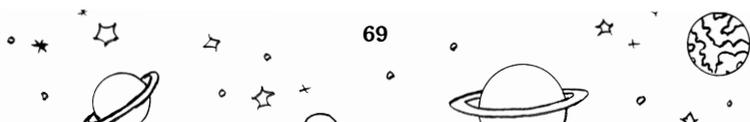

души, друг не оставил никакого следа, ни малейшего эмоционального отклика, зато железяка осела неуместным грузом.

Я перехватил гантель покрепче и с размаху вlepил в стену. Незапланированная встреча двух твёрдых поверхностей обернулась гулом и взрывом ноющей боли в ладони. Разве в системе бывает боль? Я закричал и от неожиданности выронил увесистый снаряд прямо на ногу. Дом сотрясли мои грязные ругательства, но, если считать, что он был проекцией моей психики, – к такому ему не привыкать. «Кретин!» – было самым невинным и самым последним из этих слов. Я отдышался, сидя на полу. Сверху, будто снег, сыпала штукатурка. Мои голова и плечи уже покрылись этим «снегом», а он всё падал и падал из прорезавшейся раны стены.

Может, мне больно потому, что я меняю нечто фундаментальное насильственным способом? Может, сознание оберегает эту тайну в целях моей же безопасности? Я не испугался этой мысли. Мое вторжение, мое нарушение целостности поверхности стен наверняка сделает меня кретином в прямом смысле слова на всю оставшуюся жизнь, а может, я не найду выход из системы – и моё физическое тело впадёт в кому или даже умрёт. Меня охватил упрямый азарт. Злило, что я перекопал сотни чужих мозгов вдоль и поперёк, а свой собственный... Кажется, я уже добился всего, о чём только может мечтать в жизни любой человек, но по-прежнему остался несчастным и пустынно одиноким. Я изведal бездну по шагу, ступень за ступенью, до самого дна, и имя той бездне было Отчаяние. Поэтому сегодня мне нечего терять. А там, за стеной, может оказаться разгадка моего несчастья, может, там и есть дорогие мне... и всё, что было живо во мне когда-то, что радовалось и болело...

Я обмотал ладонь рукавом пиджака, взял гантель и ударил по стене ещё раз. На этот раз боль оказалась терпимой. Хлопья штукатурки посыпались гуще, вся комната стала белой и холодной, как от зимы. Кашляя и защищая глаза, я различил небольшое отверстие на гладком поле стены, от которого в разные

стороны с резким хрустом разбегались корявые трещины. Слишком маленькое отверстие, чтобы просунуть руку, но достаточное для того, чтобы заглянуть внутрь одним глазом.

Я подождал, пока пыль от штукатурки осядет, и пылко припал лицом к стене. Что-то попало в глаза, растер их рукавом рубашки до совсем плачевного состояния. Наверное, со стороны я был очень нелеп... И вот, наконец, когда зрение относительно прояснилось, я опустился на колени и...

От неожиданного вкрадчивого стука позади меня чуть не выпало сердце. Я еле успел сжать себе горло, чтобы удержаться от непроизвольного крика, и зажал рот, закусил губу до крови – так боялся выдать себя, и вжался спиной в стену, которую только что пытался разрушить.

Никогда, никогда, никогда, никогда мне не было ТАК страшно...

Стучали во входную дверь.

Part 3

Спустя некоторое время, забившись в угол, лихорадочно обдумав происходящее, я решился открыть дверь. Очередная тайна на моем пути, требующая разгадки. Я старался не вспоминать, что стук был до жути знакомым. Человек постучал всего трижды, но я знал, ЧУВСТВОВАЛ, что он до сих пор там. Он знает, что я внутри, и ждёт, когда его впустят.

Я подкрался к двери, провернул бронзовый ключ в замочной скважине (раздался тихий щелчок) и осторожно приоткрыл её.

И сразу понял, что просчитался. Из-за таинственного гостя я почти забыл, что пытался проникнуть в центр дома-лабиринта. Моё враждебное мне сознание того и добивалось – отвлечь, увести от раскрытия самого потаенного секрета, любыми способами. Даже сведя меня с ума. И оно победило.

Утешает одно: я был прав. Я изначально, во всех моих невесёлых предположениях, был прав. Изведать самого себя до конца, без остатка, переулком за переулком, нельзя. Это про-

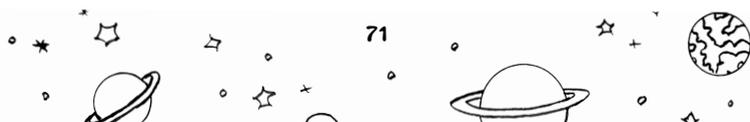
тив правил. Против законов человеческого самосознания. Поэтому всегда что-то будет оставаться в тени...

Но теперь уже поздно. Слишком поздно.

«Да, так и есть, – подумалось мне сквозь оцепенение, – я вступил в новый, гораздо более безнадежно запутанный лабиринт – лабиринт безумия, из которого выход может быть только в смерть».

Почему?

Забавная шутка получилась... Да потому, что на пороге стоял, дежурно улыбаясь и энергично растирая ладони, глядя в меня тёмными, глубокими, такими знакомыми-знакомыми глазами, я сам.

Анна Сторожакова

СЛОЖИ СВОЕГО ПОСЛЕДНЕГО ЖУРАВЛЯ

– Здравствуй! – внезапно услышала девочка бесстрастный голос, от которого в груди у неё тут же всё сжалось в тугой узел. Ей захотелось спрятаться в тёмный угол и плотно зажмурить глаза, прикрыв уши маленькими ладошками. Страшно. До дрожи в коленках было страшно слышать этот голос, пронизывающий и холодный, принадлежащий то ли девочке, то ли мальчику, доносящийся словно из могилы.

– Здравствуй, Соня! – снова послышался этот жуткий голос. И в следующий миг помещение словно озарилось тысячей свечей, хотя ни одной девочка так и не увидела. Однако колебание огня постоянно отражалось в зеркалах, от чего возникало дурманящее чувство – пол так и норовил уйти из-под ног. Увидев этот бесконечный коридор огромных зеркал, Соня так и застыла с приоткрытым ртом, чувствуя, как медленно холодеет от ужаса кончик носа. Её пронзило дурное предчувствие, как будто накрыло волной тёмного ужаса. В первые секунды она даже не заметила зеркало, расположенное прямо напротив неё, единственное, не стоящее в хороводе своих жутких друзей, танцующих в ритме колебаний огонька невидимых свечей. И лишь когда она перевела взгляд на это зеркало, сердце бешено заколотилось о рёбра, а спина покрылась мурашками. Волнение будоражило под кожей и в груди, дыхание сбилось, стало прерывистым. Из зеркала на неё смотрела она сама – вот только было в отражении что-то пугающее и отталкивающее, от чего хотелось попятиться в надежде, что позади нет стены, а лишь – бескрайние зовущие луга.

– Здравствуй, – как-то глупо и неразборчиво прошептала одними губами Соня, не издавая при этом ни звука, но, кажется,

отражение прекрасно поняло её в этот момент. Оно улыбнулось лишь одним уголком губ, от чего колени у девочки тут же подкосились, и она еле удержала себя на ногах, изо всех сил цепляясь за обрывки сознания, пытаясь не упасть в обморок.

– Теперь уже поздно убежать, – медленно, тем же холодным голосом продолжило говорить отражение. Голосом чужим, не принадлежащим Соне. – Ты сама меня позвала, зажигая свечу. Разве не помнишь?

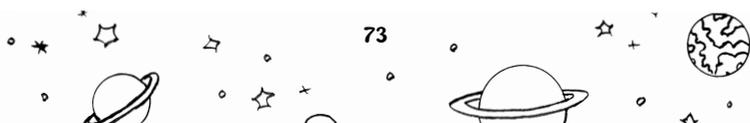
И в голове тут же пронеслись роем воспоминания. Как она приехала на летние каникулы в деревню. Как бабушка ушла к подруге. Как сама залезла на чердак и нашла запылённое зеркало, неловким движением провела по его поверхности пальчиками, оставляя после себя дорожку на пыльном поле. Как спустилась обратно в кухню и нашла там старую свечку, которую бабушка хранила на всякий случай. Как зажгла её. Как поднялась обратно на чердак. И как испугалась собственных глаз, отразившихся в огромном зеркале в свете огонька, будто затягивающем в болото.

Соня неловко кивнула, потупив взгляд, и завела руки за спину, смыкая пальцы в замок.

– Вот видишь, – улыбнулась девочка из зеркала. – Я тебя не обманываю. Лучше расскажи, что произошло. Я вижу, как ты печальна.

Соня медленно оторвала взгляд от пальцев ног, которые демонстративно рассматривала, и с интересом посмотрела на отражение, будто надеясь увидеть в этой улыбке ответ на вопрос: «Можно ли верить девочке в зеркале или же нет?»

Неизвестно, что именно пробудило в этот момент в Соне доверие к незнакомке: её внешний вид, словно у сестры-близняшки, таинственная атмосфера и витающая в воздухе магия, надежда на обретение друга, а может, простая детская наивность. Соня подалась вперёд, словно влекомый волнами парус, и прикоснулась пальцами к холодной зеркальной раме, об-

хватывая её и чувствуя, как деревянные стружки, давно отшелушившиеся от изделия, больно впиваются в её нежную ладонь.

– Ты мне поможешь? – с мольбой в голосе спросила она. В этот момент Соня почувствовала, как на глаза навернулись слёзы, которые она тут же зло сморгнула. Однако ощущение увлажённых ресниц не покидало её головы. – Ты мне, правда, поможешь? – цепляясь за слова девочки из зеркала, как за соломинку, снова спросила она глазами ангела, большими и искренними.

– Конечно, – по-доброму улыбнулось в ответ отражение. – Только расскажи мне, что тебя волнует.

Несколько секунд Соня недоверчиво смотрела на девочку, после чего её глаза лихорадочно забегали по зеркальному коридору то влево, то вправо. Она будто взвешивала в свои семь лет все за и против, то и дело закусывая нижнюю губу в раздумьях.

– Со мной никто не общается в классе, – прошептала Соня, снова потупив взгляд и бессильно опустив руку, обдирая тонкую кожу о раму. Её губы задрожали, и на глазах снова выступили слёзы. – Они считают, что я странная. А мальчишки ещё и обзывают зубрилой! – в сердцах всплеснула руками девочка, со злостью сжимая ладони в кулаки, даже не обращая внимания на ноющую боль в правой руке. – А я так сильно хотела пойти в школу. Думала, что смогу найти там хороших друзей. А никто... – слезинки, скатываясь по щекам, уже падали на её ключицы градом; девочка хлюпала носом, неистово повторяя одно и то же слово, – ...никто не хочет со мной дружить!

Всё это время отражение смотрело на неё жалостным взглядом, чуть наклонив голову вбок. Казалось, если бы оно могло, то тут же преодолело бы зеркальную преграду рукой и, в порыве успокоить, положило бы ладонь на шелковистые волосы плачущей Сони. Но оно не могло.

– Не плачь, – холодным, но уже не вызывающим такую бурю противоречивых эмоций голосом проговорила девочка из зеркала. – Я обещала – значит, я помогу. Тебе надо всего лишь сложить из бумаги тысячу журавлей и загадать желание.

И оно обязательно исполнится. Можешь загадать хоть тысячу друзей! Обещаю – они тут же у тебя появятся!

– Правда? – не верящим шёпотом проговорила Соня, поднимая заплаканные глаза на собственное отражение, которое в ответ лишь мило улыбнулось и ответило:

– Правда.

– Сколько лет прошло с нашей последней встречи? – растянуло губы в приветливой улыбке отражение, взглядом показывая, что обняло бы худощавую девушку с ярким макияжем и волосами цвета морской волны, если бы их не разделяла зеркальная гладь. – Даже не верится, – продолжало оно. – Два? Три? Пять?

– Десять, – резко, словно отрезала, ответила девушка, плюхаясь на стул, который принесла на чердак давным-давно, ещё когда гостила у бабушки в начальной школе.

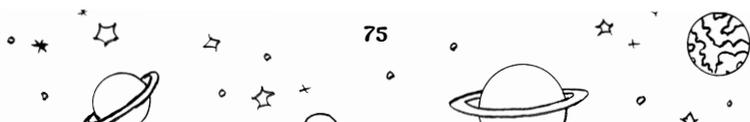
– Десять... – вторило ей отражение, презрительно улыбаясь. В его глазах сейчас бушевали дьяволята, танцующие в ритме танго. Вместе с отражёнными волосами это выглядело довольно жутко – этакая Горгона Медуза в Зазеркалье. – И за эти десять лет ты ни разу не вспомнила обо мне. Мы ведь были с тобой так дружны тем летом, Соня.

Услышав свое имя, девушка лишь скривилась, после чего засунула одну руку в карман так, что сквозь ткань чётко обозначились костяшки пальцев.

– Софи, – произнесла она почти спокойно, лишь сжав челюсти чуть сильнее, чем обычно. – Теперь друзья зовут меня Софи.

– Друзья? – внезапная ухмылка растянула губы отражения. – А мне казалось, что у тебя их нет.

– Не было, – кивнула Софи в подтверждение этих слов. – Но потом я вернулась в город из деревни и пошла во второй класс. К нам перевелась Настя, весёлая девчонка. И знаешь, мы с ней хорошо сдружились. Вместе начали заниматься лёгкой атлетикой, вместе решать домашнюю работу и гулять...

– Если всё так было хорошо, то почему ты сейчас здесь? – снова усмехнулось отражение, демонстративно закатывая глаза.

– Неужели, всё-таки что-то в твоей новой сахарной жизни пошло не по плану? Появилось новое желание? – и на последнем слове взгляд девушки с волосами цвета морской волны по ту сторону зеркала резко переместился на Софи. Он был каким-то жадным и поглощающим всё вокруг. В нём читалось зарождающееся безумие. Но девушка не заметила этих эмоций. Она смотрела на свои босые пальцы ног и закусывала нижнюю губу, как когда-то в детстве, пытаясь собрать в кучу мысли, которые, словно петарды, носились и взрывались в её голове. Она тяжело вздохнула, надеясь привести чувства в порядок, и произнесла. Собственный тон ей понравился. Несмотря на всю ту бурю эмоций, что сейчас бушевала внутри и била в её грудную клетку, голос не выражал ничего конкретного:

– Да, у меня появилось новое желание.

Софи, сидевшая по ту сторону зеркала, закинула ногу на ногу и, посмотрев на девушку сверху вниз, хотя и располагалась ровно напротив, бросила:

– Удиви.

Вот только голос отражения не был безэмоциональным, как у девушки. В нём читалось пренебрежение и какое-то еле уловимое счастье.

Софи же в этот момент снова, как в детстве, мысленно перешагнула через себя, чтобы раскрыть душу, запертую когда-то на семь замков, и попросить о том, чего больше всего желала.

– Понимаешь, я не смогла пройти отбор в команду по лёгкой атлетике. Не могу себя представить простой студенткой физкультурной академии. Я ведь... – она запнулась на несколько секунд, беспорядочно мотая головой, словно теряясь в пространстве. – Я ведь могу представлять страну! Я могу! – Софи продолжала и продолжала отрешённо повторять своё желание, поддерживая голову руками, опершись локтями на колени. В какой-то момент она не выдержала и заплакала. Её спину на-

чало бить мелкой дрожью, а ладони тряслись, будто от холода. Было больно. Очень больно. Ведь она, и правда, была достойна. Но в последний момент удача просто отвернулась от неё. Так бывает. – Ты же поможешь мне, правда? – спросила она, когда немного успокоилась, в надежде подняв на отражение глаза ангела, всё такие же большие и искренние.

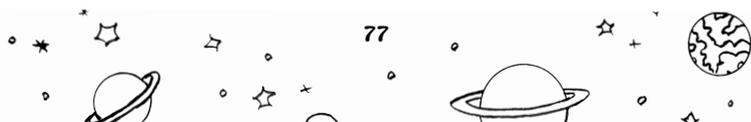
– Конечно, помогу, – с небольшой грустью в голосе ответило отражение. – Как и было обещано... Помню, тебе ещё около восьмисот журавликов осталось?

– Да, около того, – отрешённо кивнула Софи, растянув губы в неискренней улыбке. Но, главное, у неё появилась надежда. А надежда иногда многое решает.

Софи, наконец, подняла на уровень глаз ладонь, которую до этого боялась засунуть в карман, тем самым помяв листочек бумаги, который принесла с собой, как в старые времена. Она с интересом посмотрела на него, будто видела впервые. Когда в последний раз она это делала? Десять лет назад? С того момента, как она перешла во второй класс, почему-то страшно было складывать эту гордую и красивую птицу. Помнится, мама как-то спросила: «А ты умеешь делать какие-нибудь фигурки из бумаги?» И дочка сразу (наверное, слишком резко) ответила: «Нет».

Софи свернула квадрат по диагонали, потом ещё раз и тут же привычным жестом развернула. И чем дальше она складывала, тем на душе становилось спокойнее.

– И десяти лет не прошло, – насмешливым взглядом одали Софи близняшка из зеркала. На этот раз в нём уже отражалась взрослая девушка. Макияж всё ещё оставался ярким, но оттенки радуги сменились коричневым и бежевым. Волосы теперь были окрашены в тёмно-каштановый цвет. А подростковая безразмерная толстовка и штаны-шаровары сменились водолазкой под горло и обтягивающими джинсами. Вот только глаза были всё теми же – большими и искренними.

– Всего четыре, – натянуто улыбнулась Софи одним уголком губ, даже не смотря в зеркало. Она привычно села на старенький стул посреди зеркального коридора, в котором всё так же танцевали языки маленького огонька свечи, которую девушка каждый раз зажигала, поднимаясь на чердак. Бабушка уже плохо ходила, поэтому сюда не заглядывала. Обязанность убираться здесь она возложила на свою единственную внучку, которая каждое лето всё так же приезжала к ней в гости.

– А будто целая вечность прошла, – продолжало смотреть орлиным взглядом на Софи отражение, скрестив руки на груди и недовольно сложив губы в узкую полоску.

– Да... – с придыханием ответила девушка, опустив взгляд и нервно царапая большие пальцы рук. Губы девушки сложились так, будто ей хотелось что-то сказать, однако она не произнесла ни слова. Отражение же даже бровью не повело. Лишь неотрывно смотрело всё с тем же недовольным прищуром, будто пыталось вытащить что-то из головы своей собеседницы. Так они и сидели, молча, около полчаса.

Наконец, отражение не выдержало и, гневно всплеснув руками, вскочило со стула и вцепилось, словно разъярённое животное, в раму по ту сторону зеркала:

– Что? Что ты хочешь от меня? – завопило оно, вмиг оглушая Софи. Его голос разнёсся по комнате раскатом грома, эхо тут же покорно отозвалось: «Меня... меня...». И от этого эха у Софи словно выбили землю из-под ног. Если бы она не сидела в этот момент, то обязательно бы упала. Девушка, словно загнанный охотниками зайчик, вжалась в спинку стула и со страхом посмотрела на собственное отражение, которое в этот момент было похоже на неё лишь одеждой. Софи почувствовала, как по её шее скатилась капля пота, оставляя после себя орду мурашек. Почему-то в этот момент ей пришло в голову, что голос был всё таким же, как и в их первую встречу – пронизывающим, доносящимся словно из могилы. Только теперь в нём читались эмоции и он умело проникал под кожу скальпелем,

разъедая там всё без остатка, словно яд. Страшно. До дрожи в коленях было страшно слышать этот голос.

– Я... – еле слышно проговорила Софи, пытаясь сдержать подступающие слёзы и до боли вцепляясь заледеневшими пальцами в сиденье стула. Она застыла с приоткрытым ртом, чувствуя, как сердце галопом стучит в ушах. В её глазах на мгновение мелькнула тень отчаянья. Тут же в голове возникла чёткая картинка: отражение с криком раненого тигра вырывается из оков зеркала и на бешеной скорости, словно молния, подлетает к ней и душит, обхватив ледяными пальцами её тонкую шею. Но было тихо. И как только пелена спала с глаз Софи, она поняла, что отражение снова сидит на стуле, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, тем самым словно пытаясь полностью закрыться от этого мира. Тишина. Звонящая тишина теперь наполняла комнату. И лишь прерывистое дыхание Софи время от времени нарушало её покой. Глаза девушки были пугливо прикованы к застывшей словно во времени и пространстве девушке. Отражение не шевелилось. И тут оно резко открыло глаза и впилось взглядом, словно иголкой, в Софи:

– Если чего-то хочешь от меня, то просто сложи тысячу журавликов. Сколько тебе ещё осталось? Шестьсот? Больше? Сложи!

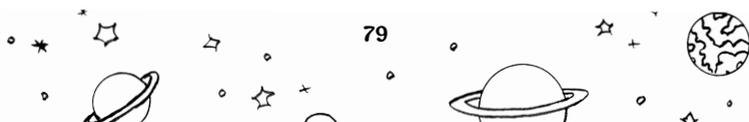
Софи судорожно сглотнула, а после потянулась дрожащей рукой вниз за заготовленным квадратом.

Ещё один журавлик.

Нужно сложить хотя бы его.

Потом будет легче.

Женщина стояла перед зеркалом, прислонившись к нему лбом, и плакала. Она вцепилась своими пальцами в старую раму, подсознательно надеясь таким образом избавиться от боли, которая сейчас раздирала на части её сердце. Деревянная рама уже успела нещадно растереть в кровь загрубевшую кожу спортивного тренера, а ногти... ногти были и так уже все искусан-

ные, без маникюра. Женщина сама их сгрызла за последние дни, пытаясь унять беспорядочно сражающиеся друг с другом мысли, вызывающие в душе только злость и страх.

Наконец, она немного успокоилась и подняла заплаканные глаза, с мольбой посмотрев на собственное отражение, которое, как ему и следовало, повторило за оригиналом каждое движение с абсолютной точностью, не отстав при этом ни на секунду.

– Почему, – дрожащим, срывающимся голосом прошептала женщина, – Почему ты не зовёшь меня, как он, Соней? Почему ты не можешь стать им?

Но отражение продолжало копировать каждое мимолётное движение и злорадно молчать. Оно словно хотело тем самым подчеркнуть все страдания Софьи, всю её боль, показать, как она беспомощна и как неистово нуждается в чьей-то поддержке. По крайней мере, именно так казалось в тот момент женщине. Она думала, что всё это происходит сейчас не с ней. Она буквально ощущала, как отключаются мозги, как мысли наворачиваются ниткой на клубок, словно по замкнутому кругу, заставляя девушку беспомощно кричать про себя, надрывая горло и моля мир о пощаде, а потом – срываясь, будто в бездну, проклиная всё и всех, задавая лишь один вопрос: «Почему это произошло именно с ней?» Она чувствовала себя изломанной марионеткой, которую какой-то старый волшебник ради забавы превратил в человека. Только нитки спутались, и теперь за них могли дёргать все кому не лень, доводя эмоции женщины до предела. А она ничего не понимала, лишь беспомощно хлопала глазками и продолжала свой странный рваный пляс под весёлую мелодию на сцене.

– Ты хочешь, чтобы я сложила тысячу журавликов? – медленно проговорила пересохшими от стресса губами Софья, вглядываясь в глаза своего отражения, как в бездну. И в этот момент она заметила в ней какую-то эмоцию, которая не принадлежала ей. Что это было? Она не хотела знать. Главное – она смогла про-

будить нечто, готовое ей помочь. И неважно, какую цену придётся заплатить за это желание! Она была готова на всё!

– Я сложу их, – быстро заговорила женщина и, словно теряя рассудок, начала повторять эту фразу вновь и вновь. Её руки била мелкая дрожь. Софья начала неосознанно качаться туда-сюда. И если бы часы сейчас находились на чердаке, то она бы стала их секундной стрелкой.

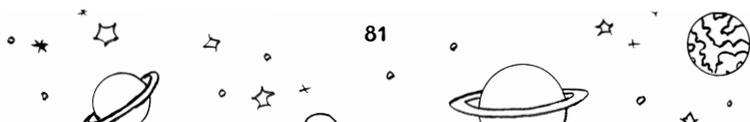
Но всё это не могло продолжаться слишком долго. В какой-то момент Софья затихла и медленно скатилась вниз, обдирая в кровь уже не только пальцы, но и сами ладони. Осев на пол, женщина медленно развернулась, облокотившись спиной на холодное, вытягивающее душу стекло, и откинула голову. Наконец, она разомкнула онемевшие пальцы и несколько раз сжала и разжала их, чтобы восстановить кровообращение. Под ногтями тут же закололо. Ей ничего не хотелось говорить в этот момент. Софья просто закрыла глаза, до боли сжимая губы и закусывая нижнюю до крови. Она пыталась сдержать слёзы. Из последних сил. Но в носу всё-таки отчаянно закололо и глаза опалило адским огнём. Софья яростно всплеснула руками, выдохнула через рот и бросила досадливый взгляд на одно из своих отражений в этом зеркальном коридоре, будто оно было повинно во всех её страданиях.

– Что случилось? – внезапно услышала из-за спины она знакомый холодный голос. Страшно было повернуться и осознать, что женщина, отражающаяся в зеркале, не она. По спине пробежали мурашки, и Софья судорожно сглотнула появившийся в горле комок. Дышать вдруг стало очень тяжело: воздух в одно мгновение стал липким и горячим. Но она пересилила себя и начала говорить (всё-таки она пришла сюда именно за этим):

– Его больше нет.

– Кого? – словно издали донёсся до неё вопрос.

– Андрея, – снова надломился голос женщины, и она резко опустила голову, пряча её в ладони. Какое-то время на чердаке стояла гнетущая тишина. Возможно, отражение и хотело спро-

силь, чьё имя назвала женщина, но это было бы слишком бес- тактно, поэтому оно молчало. Наконец, Софья оторвала взгляд от ладоней и заговорила:

– Моего мужа. В прошлый раз, когда к тебе приходила, я хотела сказать, что безответно люблю его. Представляешь, ока- зывается, я ему нравилась. Надо было всего лишь подойти и признаться. Помню, столько храбрости для этого понадобилось, но я смогла. Он сам боялся заговорить, такой стеснительный, немного замкнутый. Мы ведь с ним очень похожи, – на долю секунды губы Софьи озарила улыбка, однако почти тут же ис- чезла. – Были. А теперь его нет. Разбился несколько дней назад. Возвращался домой ко мне и нашей дочке. Ей ведь всего пять. – Софья резко втянула носом воздух и снова заплакала. – Я её у мамы оставила, а сама сюда приехала. Не знаю, что теперь де- лать. Я, правда, пытаюсь смириться, но... не могу. После того, как узнала, словно пропасть образовалась в груди. Ты же смо- жешь её заполнить? Сможешь его вернуть в этот мир? – про- шептала Софья и, осмелившись и пересилив себя, повернулась к зеркалу. Отражение, словно всемогущий бог, восседало на стуле, закинув ногу на ногу, и усмехалось одним уголком губ:

– Я всё могу. Ты же знаешь.

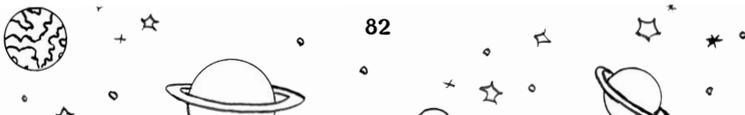
Софья неосознанно закивала и провела порезанными пальцами по холодной гладкой поверхности, оставляя кровавую полосу на стекле.

– Знаю, – словно зачарованная кукла, повторила она без- эмоциональным голосом. – Поэтому я здесь.

Отражение уже не смотрело на Софью, оно словно пожи- рало взглядом то место, где остался след крови, готовое со- рваться в любой момент. Как искусный гипнотизёр, оно про- должало заколдовывать свою марионетку монотонным голосом:

– Тогда что ты должна сделать?

– Сложить тысячу журавликов.

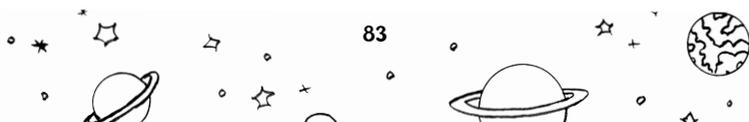
– Здравствуй! – бесстрастным и уверенным голосом произнесла пожилая женщина, с трудом поднимаясь на чердак. Она села на стул, который давно уже покосился и нуждался в надлежащем ремонте, и, наконец, скользнула взглядом по зеркальному коридору. Впервые она чувствовала себя здесь так уверенно, словно была хозяйкой положения. И ей это нравилось. Приятное тепло растеклось по телу, на плечи навалилось странное спокойствие, смешанное с лёгким и приятным волнением, и старушка позволила себе улыбнуться.

– Здравствуй, Соня! – нарушил её медитацию знакомый голос. Женщина медленно перевела взгляд на своё отражение и не узнала себя. Нет, это была не она. Или она? Неужели, она, правда, была такой? Скрюченной в три погибели, со скрипучим голосом, смотрящей прожигающим взглядом на весь мир. Её седые волосы были собраны на затылке в тугий пучок, а плечи покрывала старая потёртая шаль. Почерневшими ногтями женщина в отражении впиалась в деревянную раму, словно хотела оторвать от неё кусок. И если бы Софья не прожила на этой земле уже столько лет, этот образ в свете танца маленькой свечи обязательно приходил бы теперь ей в кошмарах.

– Здравствуй, – как-то глупо повторила за своим отражением Софья, не совсем понимая, что именно ей сказать дальше. Идя сюда, она продумала каждую фразу, каждую мелочь, а сейчас в голове будто образовался вакуум. Пустота. Что бы она сейчас ни сказала – всё будет не так. – Мне уже поздно убегать, – как-то неловко улыбнулась пожилая женщина. – Я сама тебя позвала, зажигая свечу. Ещё тогда, в детстве. Помнишь?

– Как такое забыть? – прошипело в ответ ей отражение.

– Рада, что мы думаем одинаково, – снова улыбнулась Софья. И в её голове тут же пронеслись роем воспоминания. Как она впервые поднялась на этот чердак и зажгла свечку. Как загорелась идеей, что таинственное отражение поможет ей обрести новых друзей. Как складывала своего первого журавлика здесь, прямо перед зеркалом. Как мечтала попасть в команду и

не хотела становиться тренером. Как всё-таки стала тренером по лёгкой атлетике и поняла, что об этом всегда мечтала, просто не осознавала. Как хотела, чтобы парень, который ей понравился, обратил на неё внимание. И как потеряла сначала бабушку, а потом и любимого, оставшись вдовой с малолетней дочкой. И как жила дальше... Как смирилась с его уходом и как побоялась сложить самого последнего журавля, вовремя опомнившись, что нельзя вернуть умерших – это не принесёт счастье.

– Я ведь каждый раз просто искала в тебе спасение, – наконец, произнесла женщина, посмотрев на своё отражение, сегодня, по-настоящему, взбешённое. – Верила, что ты сможешь исполнить всё, что я пожелаю. А у меня уже было всё, о чём можно было только мечтать. А чего не имела, могла добиться своими силами. Но спасибо, правда, спасибо, за то, что всегда меня мотивировало бороться и дальше жить.

– Но я действительно могу исполнить любое твоё желание, – взревела, словно раненое животное, Софья из зеркала. Её взгляд стал метаться по зеркальному коридору. Казалось, ещё чуть-чуть – и она просто упадёт на пол без чувств. Неизвестно, сколько бы эта пытка продолжалась, если бы кому-то не огласил спокойный голос женщины, сидящей на стуле:

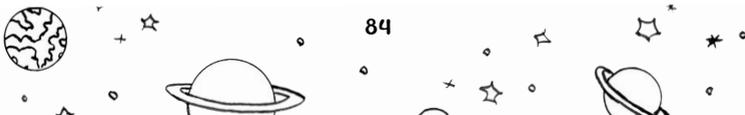
– Я знаю.

Отражение удивлённо замерло на месте.

– Именно поэтому я здесь, – продолжила Софья. – У меня есть желание. И мне осталось сложить всего одного журавлика.

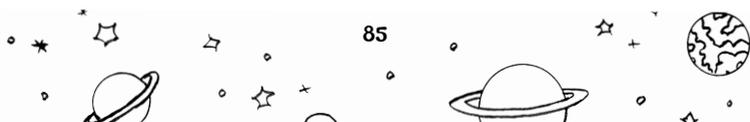
– Правда? – не веря прошептало отражение, с мольбой посмотрев на неё. В этот момент оно почувствовало, как на глаза наворачиваются слёзы, а через несколько секунд несколько слезинок уже скатилось по щекам. – Правда, хочешь загадать желание? Тогда сложи своего последнего журавля, – цепляясь за слова старушки, как за соломинку, проговорило оно.

И Софья посмотрела на отражение, которое когда-то её пугало, а сейчас казалось жалким. Сделав короткий вдох, она встала со стула, который протяжно скрипнул, и медленными

шажками подошла к зеркалу. Грациозно, несмотря на возраст, подняла худощавую руку и прикоснулась пальцами к холодной раме. Всё в ней было знакомо. И почему-то вмиг стало больно. Словно сейчас ей предстояла прощальная встреча с близкой подругой. Впервые за столь долгое время они были так близко друг к другу. Она не была уже той юной маленькой девочкой. Многое прошло, многое переменялось... И лишь глаза ангела, большие и искренние, всё так же смотрели на этот мир.

– Конечно, – по-доброму улыбнулась старушка своему отражению. И тут же с её губ спала эта милая улыбка. Она замахнулась рукой и ударила кулаком точно в центр зеркала. Сотни трещин исполосовали холодную гладь. Отражение неверящим взглядом посмотрело на женщину, словно пытаясь понять, почему она вдруг так поступила. – Я мечтаю о том, чтобы больше тебя не видеть, – добавила, прошипев сквозь зубы, пожилая женщина. И в эту же секунду осколки зеркала со звоном осыпались на пол. Почти сразу, будто по чьей-то указке, распахнулось небольшое окошко, и на чердак проник пронизывающий февральский ночной ветер. От резкого порыва маленький огонёк единственной свечки тут же затух, а Софья, только сейчас ощутившая резкую боль от пореза, инстинктивно схватилась другой рукой за рану. Она закусила нижнюю губу и притянула раненую руку к груди, словно пытаясь так заглушить боль. Поёжившись то ли от боли, то ли от холода, старушка закуталась в новую, недавно подаренную дочкой шаль, а после еле дошла до свечки и зажгла её, достав коробок спичек из халата. Бережно прикрыв огонёк от ветра ладонью, она села прямо на пол и поставила свечку прямо перед собой, надеясь успеть закончить дело до того, как она снова потухнет. После чего достала из другого кармана заготовленный квадрат и медленными отработанными движениями сложила последнего журавлика. Он единственный был красного цвета. Но не от крови, испачкавшей правую ладонь, а просто потому, что бумагу Софья для него выбрала

именно такого цвета. Всё-таки журавль – это символ удачи и долголетия. Пора ему, наконец, распахнуть свои крылья!

Пожилая женщина медленно встала и подошла к окошку. Ночь уже погрузила в сон всю деревню. И лишь Софья – нет, Соня, – не спала. Просовывая руку в маленькое чердачное окошко, она дарила жизнь журавлику. Нет, не последнему, тысячному. Самому первому. И почему-то в этот момент, хоть было темно, холодно и болела рука, Софья радостно улыбалась, смотря на самый прекрасный в мире полёт.

ДИФФУЗИЯ

Проклятые мародёры, как же они бесят! Так, успокоимся. Всё хорошо, мы ещё живы. Вдох, выдох.

«Что там по пульсу, Миша?» – мысленно спросил я своего компаньона. Благо, нам не нужно общаться вслух. Через секунду раздался такой родной и такой безэмоциональный голос:

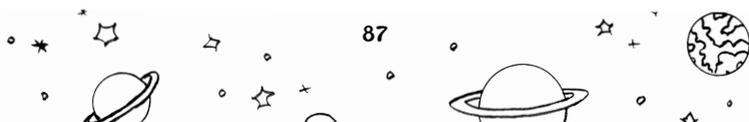
- Вообще-то, Михаил Сергеевич.
- Нашёл время для выкрутасов! Пульс какой?
- В норме.

Отлично. Теперь думаем. Мы в заброшенной больнице где-то в глуши, по следам идут мародёры. Увидели, небось, как мы пользуемся качественными имплантами в этом заброшенном городе, вот и решили срубить денег. Хорошо, после недавней стычки мы отделались только лёгким испугом.

Мимоходом взгляд упал на маслянистую лужицу. В ней отражался невысокий жилистый мужчина лет тридцати в потрепанном пальто. Короткие, давно немытые волосы топорщились во все стороны. Скуластое лицо со впалыми щеками украшали пара шрамов и свежая грязь. Как нас жизнь-то помотала!

Стерев пятно грязи со лба, мы почувствовали приятный холодок от искусственной руки. Кибернетический протез верой и правдой служил не первую такую миссию. Чисто машинально дотрагиваемся пальцами до серебристых висков. Именно серебристых, а не седых – в череп имплантировано несколько модификаций, которые проступают сквозь кожу на висках.

Да и вообще, наше тело буквально нашпиговано всевозможными устройствами, датчиками и сенсорами. Свыше половины органов, мышц и связок заменены на искусственные, что дает гораздо больше возможностей. Всё это было сделано спе-

циально для выполнения разведки и сбора данных из горячих точек и опасных мест, таких, как этот всеми забытый город, наполненный маргиналами и, как оказалось, мародёрами.

Ладно, отдохнули – можно и продолжить задание. Спрашиваю Мишу, простите, Михаила Сергеевича: «Есть мысли, что делать?» Показалось, что он отключился. Но нет, мой старичок просто задумался и через полминуты выдал ответ:

– Вы забыли? Мы в заброшенном городе, в типичном строении двадцать второго столетия. В то время проектировались здания с выходами по всем сторонам света. Сейчас занимаем нишу для электропитания, чтобы закончить задание по разведке местности в целях её ретерроформирования нашей корпорацией.

– Ага, жаль только, что левая нога у нас по колено в грязи, в правой ботинке что-то мерзко хлюпает, а ведь выдавали на задание типа непромокаемую обувь. И вообще, мне здесь некомфортно! Лучше бы учились строить с учетом заболоченности, – буркнул я.

– Не заболоченности, а нарушенного терраформирования. Мы как раз занимаемся этим. Повторюсь, вы забыли?

– Нет, нет, всё в порядке... Та стычка просто немного выбила из колеи. Скажи, что видно через рентген?

– Нельзя включать имплант рентгеновского зрения, когда рядом находятся люди.

– Миша, перестань выёживаться, иначе по приезде домой сделаю из тебя Машу! Сейчас экстренная ситуация! Да и что тут за люди?!

Спустя секунд пять Михаил Сергеевич соизволил ответить:

– На звуковом сканере появились сигнатуры человеческой речи. Я доложу руководству о нарушении техники безопасности.

– Да хоть кому! Плевать уже! Лучше выговор, чем лишиться органов, имплантов и жизни в придачу! Врубаем!

Иногда Миша бесит своим занудством и идеальным соблюдением правил и буквы закона. С другой стороны, выручает он чаще, чем злит.

Где-то за левым ухом раздался едва-едва различимый писк – встроенное в череп устройство запустилось. Можно было почувствовать, как нагрелся висок. Неприятное ощущение, но что поделать – за размер приходится платить теплоотдачей.

Так, имплант активирован, остается ждать ответа от Миши. Через пару минут раздался его по-прежнему безэмоциональный голос:

– Разрушено около сорока процентов здания. Зabloкированы все этажи. Южный и западный выходы завалены, на пути к восточному наблюдается двенадцать гуманоидов. Засек сигналы имплантов. По совокупной мощности сильно уступают нашим.

– Ясно. Наркоманы или бомжи. А что с преследователями? Через сколько будут? – последнее меня беспокоило больше всего.

– Вы точно не забыли? Мы с вами обладаем ускорителями бега и резервным лёгким, у мародёров я такого не обнаружил. Они будут ровно через десять минут. В их арсенале осталось два заряда ЭМИ, тазер и киберсеть – команда захвата.

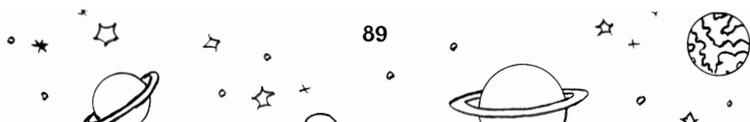
– Хорошо. Значит, у нас семь минут для построения плана побега, плюс две на его осуществление и одна на непредвиденный случай. Покажем потом план руководству со всеми примечаниями. Даже матерными. Особенно матерными – за это могут доплатить, – быстро прикинул я.

– Нам и так доплачивают за опасную работу в заброшенных городах.

– Ты хочешь ускоритель реакции? А встроенный биоанализатор?

В безэмоциональном голосе Михаила Сергеевича прорезались истеричные нотки технофанатика:

– И геккожа! И анализатор модели эн-три-пэ! И синтетические связки второго поколения! И...

– Да-да, я понял. Всё будет, если мы сможем отсюда выбраться. Давай думать над планом.

Раздался металлический звук: мы машинально постучали по только начавшему остывать виску.

– Требуется сорок минут для составления плана побега, – сухо произнес Миша.

– У нас нет этого времени! Уверен, если мародёры нас поймут, будет больно. Не думаю, что они используют наркоз для изъятия железок и чипов. А ещё мы – единое целое, поэтому ощутим весь спектр боли вдвойне. «Молот ведьм» покажется детской сказкой!

– Молот ведьм?

– Забудь, Миша! Между нариками впереди и охотниками позади я лучше выберу первых, – со злыми нотками в голосе произнес я. Всё-таки, Михаил Сергеевич сильно тупит в областях, не связанных со всякими модификациями тела или работой.

И мы побежали, петляя между колоннами. Настроились на синхронизацию для выполнения текущей задачи: синхронизация чипа искусственного интеллекта и человека взаимно увеличивает производительность, открывая больше возможностей для обоих. В нашей работе – крайне необходимая вещь.

Расщепим сознание на множество потоков, каждый из которых отвечает за свою область: дыхание, аналитика, связки и мускулатура. Мышцы ног – именно они нам сейчас нужны.

«Активируем синхронизацию!»

Всё окружение на секунду подернулось дымкой, затем вновь стало чётким. Слишком, даже слишком чётким. Пришлось уменьшить локальную синхронизацию глазных нервов и перекинуть энергию на искусственные мышцы ног. Ну, вперёд!

Постепенно полуразрушенные стены и проросшие везде растения начинают превращаться в цветные линии. Мимо, не успевая обрести чёткость, проносятся очертания коридоров. Чувствую себя гоночной машиной.

А вот и первое серьёзное препятствие – дюжина гм... людей, все в грязных обносках. Из-под тряпья видны пластиковые протезы-клешни – дешёвая замена рук. Бьюсь об заклад, они даже вены заменили синтетикой – так лучше кайф доходит.

Но я отвлёкся. Мы с Михаилом Сергеевичем добавили энергии на искусственные мышцы ног и как вихрь пронеслись над людьми до того, как те поняли, что случилось.

Долго так бегать не получится. Послышался лёгкий треск, дышать стало легче. Это Миша включил дополнительное лёгкое, добавив ещё секунд двадцать ускорения. Эх, слышал, что армейские импланты развивают скорость гепарда за полсекунды и удерживают её в течение получаса. Но и стоят, как крыло от самолета...

– Просьба сосредоточиться, – слышу холодный голос Миши, – мы потеряли треть от синхронизации.

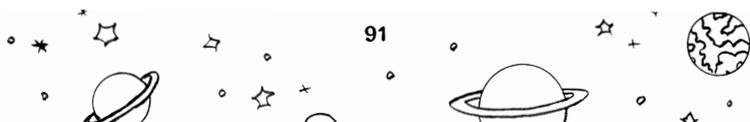
– Извини.

Прыгаем, перекатываемся, крутимся, вертимся. Столько мусора и чахлах кустиков с длинными корнями вокруг – придется изрядно напрягаться. Чуть замедлились – впереди провал, рядом парочка хлипких стенок, поросших сухим кустарником. Всё-таки без подключения к сети скорость аналитики и расчётов сильно падает – ни я, ни Миша не можем точно просчитать все варианты. Надо рискнуть. Толчок от стены – и она рухнет под нашим весом, засыпая обломками!

Перед глазами на пару секунд всё расплылось. Синхронизация принудительно отключилась. Придя в себя, мы разгребли куски обвалившейся на нас стены, встали и отряхнулись. Вроде целы. Только в нашем пальто зияют новые дырки. Не страшно, главное, живы.

– Я предупреждал: план составлять нужно не менее сорока минут, – сухо заметил Миша, когда мы закончили осматривать повреждения.

– Вариантов нет, Мишань. На сколько отстаем от плана? – грустно ответил я.

– Пять минут десять секунд.

После небольшой паузы он добавил:

– Выбираться из ямы ещё две минуты две секунды.

– Чёрт, не успеем удрать! Ну ладно, выкрутимся, как и всегда. Давай просканируем яму. Энергии ещё чуток осталось, так что включаем повторный режим синхронизации.

– Хорошо.

Вот теперь обострённое зрение нам пригодится! Хотя нет. Вокруг лишь грязь, арматура, строительные отбросы и мусор. И точно такие же вялые кустики, поросшие вокруг всей этой «красоты». Чтоб им совсем засохнуть! Но я быстро переключил свое внимание на тёмный уголок, сообщив об этом Мише:

– О, вон там, в углу, кое-что интересное.

– Промышленная фольга. Три метра. Состояние плохое.

– Пригодится. Ещё тут кусок какой-то антенны. Любопытно, почему она здесь? Дальше вижу рваные тряпки.

В моей, вернее – нашей, голове начал созревать план. Он рискованный, но лучше уж так, чем на разборку пойти. Несмотря на то, что голова у нас одна, Миша про план ещё не знает – мысли-то у нас у каждого свои. Но мой компаньон по-прежнему безэмоционально, как будто нам не грозит гибель, произнес:

– Здесь нет ничего, что может помочь. Шансы на победу менее двадцати процентов. Осталось одна минута пять секунд до прибытия мародёров.

– Дурак ты, Миша. Нам как раз хватит минуты на подготовку, затем примем бой. Готовься, – ответил ему спокойным голосом. – Уж я-то точно без боя не сдамся!

Пара мародёров в грязных плащах с капюшонами медленно шли по показаниям сенсора. Накидки целиком скрывали фигуры людей и различные модификации их тел. Одной из них был вшитый в кибер-руку радар, показывавший мощные энергетические контуры объекта впереди. Продираясь сквозь обру-

шенные колонны и грязные коридоры бывшей больницы, эта парочка внимательно следила за радаром. Они чувствовали себя охотниками, загоняющими добычу. Мародёры синхронно облизнулись, предвкушая куш за целую кучу полезных устройств.

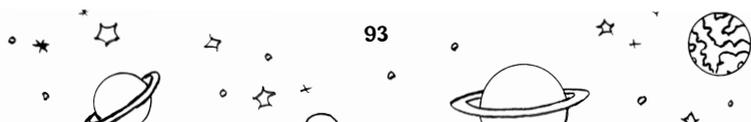
Один из преследователей с щелчком снял кибер-руку с радаром и вставил вместо неё оббитое проводами ружье. Со стороны оно напоминало, скорее, туго перевитый клубок серых кабелей, чем опасное оружие. Сбоку располагались три освобождённые от проводов отверстия для боеприпасов. Загнав сразу два патрона, мародёр кивнул спутнику.

Тот, сложив руки причудливым узлом, начал удлиннять пальцы. словно обладая своей волей, они стали извиваться, точно щупальца осьминога. Специальная модификация для захвата цели в выдвинутом состоянии действительно походила на обвившего руку спрута – мародёр ей очень гордился.

Со стороны казалось, будто оба двигаются как единый организм. Охотники в унисон кивнули, сразу же приступив к вторичному сканированию. Откинув капюшоны, они занялись настройкой импланта, занимавшего половину головы. Сложная система камер и линз очень походила на чёрные паучьи глаза, расположенные по центру выгнутого матового диска. Настроив устройства, мародёры включили режим тепловизора, который отразил всю заброшенную больницу, выделив точки интереса – местную фауну, тусклую зону с гуманоидами и быстро удаляющуюся добычу, того самого человека, напичканного имплантами. Даже у них вдвоём вместе взятых было меньше модификаций. Охотники на мгновение задумались, что их добыча здесь забыла? В старом, загубленном неправильным терраформированием городе кроме всякого отребья редко кто появлялся.

Но эти мысли быстро сменились другими. Мародёры пытались прикинуть, сколько можно получить денег за все извлечённые железки на чёрном рынке – выходила приличная сумма.

Вскоре их «денежный мешок» неудачно прыгнул и упал на минус первый уровень. Преследователи отбросили лишние

мысли. Первый охотник достал из-под плаща пластиковый контейнер с кучей трубок, внутри которого что-то зловеще громыхало.

Через минуту мародёры окружили яму, куда свалилась добыча. Тихо подкравшись, они синхронно кивнули друг другу и приготовились к захвату. Один из них ухмыльнулся, театрально взмахнул руками и высоко подпрыгнул. В прыжке он сделал сальто и дважды выстрелил из ЭМИ-ружья.

Небольшие, голубоватые шаровые молнии выскочили из дула и быстро полетели ко дну ямы. Постепенно расширяясь, они обрели насыщенно синий цвет. Из центра шаров с низким гулом стали расползаться, точно змеи, полупрозрачные разряды, забившие по стенам, полу и закутанному человеку на дне. Видимого вреда «змейки» не причиняли, но менее опасными от этого не становились. Если бы в этом здании были электроприборы, они мгновенно вырубались даже от маленьких разрядов. Для кибернезированных людей это одна из самых больших опасностей.

Две шаровые молнии взорвались буквально в паре сантиметров от замотанного в тряпье человека, и он стал заваливаться на бок.

Прыгнувший мародёр едва-едва не попал в радиус взрыва. Но, перескочив на другую сторону, он театрально поклонился своему спутнику. Одновременно с этим невдалеке со стеклянным звоном разбились два использованных патрона ЭМИ-оружия.

Его товарищ неодобрительно покачал головой и стал неторопливо спускаться. Обломки стен и пола под ним начали крошиться, грозя обвалом. Но мародёр аккуратно ощупывал местность своими руками-щупальцами, находя безопасные участки. Благодаря этому под ногами человека всего лишь струились ручейки бетонной крошки. Уже на дне он открыл контейнер и развернул щупальца на всю длину, превращая их в подобие сети. Затем спруторукий подошёл поближе к жертве, пригото-

вившись удерживать цель, одновременно заготовливая шприц с нервнопаралитическим ядом.

Им не нужна операционная, чтобы извлечь модификации. Да и что потом будет с человеком – тоже не важно. Сильный побеждает и может творить, что захочет. Таков закон каменных джунглей.

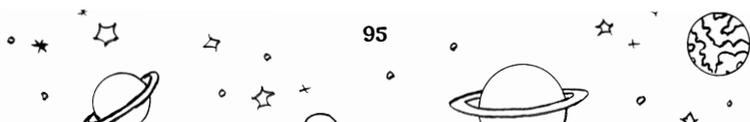
Раздался странный шелест. Это был последний звук, который услышал мародёр. Вместо бессознательного тела под тряпками оказался мужчина в сознании. Из своего положения он нанес мощнейший апперкот охотнику, моментально вырубив последнего. Как-никак тот был специалистом в захвате цели, а не в драках.

Однако товарищ спруторукого среагировал мгновенно. Его плащ с треском порвался, обнажив металлические наплечники с небольшими, похожими на дуло, отверстиями. Спустя секунду из одного ствола вылетел свистящий дротик, тянувший за собой леску.

Цель не смогла увернуться от выстрела: реакции хватило только, чтобы вытянуть вперед руку и попытаться заблокировать снаряд. Металлический лязг: дротик попал в ладонь киберпротеза. Спустя долю секунды от лески потянулись дуги электричества. Секундного разряда должно хватить, думалось мародёру. В воздухе раздался запах палёной резины.

Но жертва не забилась в конвульсиях от шокового заряда. Вместо этого человек сбросил последние обрывки ткани, которые скрывали гнутую антенну, торчавшую из земли наподобие громоотвода. На неё и был насажен кибер-протез, в который попал дротик. Отделённый от тела протез поглотил весь разряд, но и сам изрядно пострадал. Часть кожи лопнула: именно от неё шёл запах резины.

Миг спустя мужчина схватил оставшейся рукой стрелу с леской и со всей силы рванул на себя. Это произошло настолько быстро, что стрелок не успел среагировать. Только благодаря модификациям и рефлексам оружие удалось удержать.

Но однорукий добивался именно этого. Затрещали под кожей мышцы, мародёр неловко взмыл в воздух над ямой. Он даже сообразить ничего не успел, не то что выстрелить повторно. Падение длилось долго. А в конце его ждало болезненное приземление и удар кулаком в лицо.

Вся схватка длилась секунд пять. Теперь можно и отдохнуть.

– Повреждение синтетических мышц – тринадцать и сорок две сотых процентов. Протеза – пятьдесят два. Внутренней проводки – тридцать три и шесть десятых.

Нет. Ещё рановато отдыхать...

– Зато пальто уцелело! – я попытался пошутить, но мой компаньон никак не отреагировал. Тогда я спросил:

– Миша, скажи, работает ли самописец?

Настала прекрасная тишина. А пока надо избавиться от фольги и осмотреть протез.

Не очень приятное зрелище. Синтетическая кожа во многих местах треснула, обнажая синеватые искусственные мышцы и связки тончайших проводов. Часть из них лопнула изнутри. Однако крови не было – наш протез питается от электричества. Верней сказать, питался.

Ну, всё не так плохо, как пророчил Миша. У нашей искусственной руки много экранок – и это спасло от ЭМИ. Плюс импровизированный громоотвод. Только вот ту часть надо заметить и вот здесь подлатать...

– Закончили издеваться над фрагментами руки? – раздался угрюмый голос Михаила Сергеевича.

– Миша, напугал! Как там записи?

– Всё, кроме боя, сохранилось в хорошем качестве. Бой сильно зашумлен.

– Тогда подберем трофеи, – обрадовался я.

– Я проанализировал импланты, они не представляют интереса.

– Эх, ну ладно, – даже насладиться победой не получилось в должной мере.

Все же я сам осмотрел этих мародёров. Ну и уроды! Каждый модифицировал половину головы старым военным имплантом, да ещё и тела местами заменили искусственными протезами. Каждый протез имел свой вид: где-то покорёженный металл с проводами, где-то синтетика, а где-то вообще керамические детали. Всё это выглядело несколько несуразно. Я бы даже сказал – гротескно. У нас с Мишей все улучшения хотя бы смотрелись эстетично.

– Почему урон от ЭМИ-ружья оказался сниженным? – внешне спросил мой компаньон. «Вспомнишь солнце...».

– Вот поэтому ты дурак, Миша. Клетка Фарадея, – ответил я небрежно.

– Что? Я с таким не работал.

– В общем, фольга, всякий мусор и такая-то мать позволили нам уменьшить ущерб от электромагнитного импульса. Ты, как технофанатик, должен вроде знать... Так. А это что на скане?

– Чип объединения сознания. Военные группировки и наёмники часто их используют. Позволяет лучше координировать действия отряда людей.

– Делаем вывод: это были ни черта не обычные мародёры, возможно, наёмники. Только чьи?

– Возможно, конкурирующая с нашей корпорацией за ретероформирование компания.

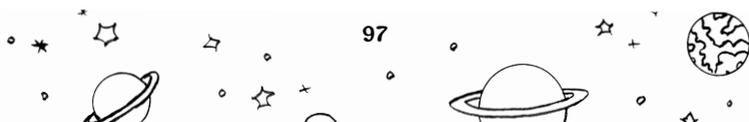
– Вынужден с тобой согласиться. Такие чипы выдают только отличившимся.

– Он такой же, как у нас.

– Да, только у нас – человек и искусственный интеллект, вшитый в башку.

– Принцип похож.

– И да, и нет. Тут чип в разном диапазоне передаёт сообщения подключённым адресатам. Почти как телепатия. Более

того, помимо сообщений, показывает действия, планируемый маршрут и много чего ещё.

– А у нас?

– А у нас, как в поговорке, – одна голова хорошо, а две лучше. Первая – живая, вторая – чип с программами, откалиброванный на взаимодействие с мозгом и телом индивида, улучшая его деятельность. Благодаря этому мы можем во много раз быстрее думать и действовать. Поэтому давай быстро соображать, как выбираться отсюда.

Отчет о задании передали, ждём руководство. Сейчас я спокоен, как удав, а Миша бубнит про новые примочки. Часы пробили полдень – начальство пригласило нас в просторный светлый кабинет. У стен куча шкафов из красного дерева, заставленных книгами в кожаном переплёте. Богатая коллекция – мне очень хочется иметь хотя бы часть от неё. Но физические книги сейчас раритет. Одна такая книжица стоит, как три протеза. Возможно, когда-нибудь...

За широким столом из такого же красного дерева сидел наш шеф Сан Саныч. Он как раз расстегивал пиджак, выпуская на свободу свой необъятный живот. Иногда я задумываюсь – это действительно живот или туда вмонтировали какой-то сверхмощный имплант? Но это всего лишь мои мысли. На самом деле, Саныч – очень классный мужик, правда, его искусственный интеллект – редкостный зануда. Приходилось с ним общаться по долгу подготовки к миссиям.

Шеф встал, буквально положив живот на стол, протянул толстую руку с пальцами-сосисками, которую мы сразу же пожали, и торжественно произнес:

– Ну, поздравляю, дорогой. Без тебя мы бы провалили проект по ретерраформированию. Твой отчёт послужил веским аргументом для инвесторов. Никто не ожидал нападения мародёров. Небось, происки конкурентов. Однако, отмечу, инвесторов впечатлили твои записи. Такая экспрессия... Сразу видно, чело-

век творчески подходит к делу, с душой. Может, стоит податься в поэты?

Начальник взял паузу. Никто не ждал положительного ответа. Прокашлявшись, он продолжил:

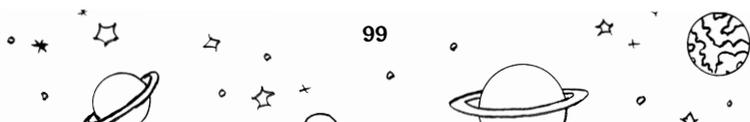
– Смотрю, аванс потрачен. Этот протез тебе идёт больше, чем предыдущий. Он более... человечный что ли. Ой, ну ладно, я отвлекся, время поговорить о следующем задании.

Быстро посылаю импульсы в мозг, принудительно ввожу Мишу в искусственную кому. Не переживайте, я делал так уже миллион раз. Называю это диффузной синхронизацией. У меня нет тела, а чип уже становится «маловат». С помощью имплантов я могу контролировать почти все органы и мышцы моего дорого человека, Михаила Сергеевича. Буквально «вселиться в него», потому что в его теле везде установлены протезы, импланты, чипы и так далее. Мне в них гораздо комфортнее, пока не переселюсь ещё куда-то. Правда, я «занимаю» слишком много места в голове Миши, приходится его временно выключать.

Подаю сигналы во всё тело, подключаю управляющий контур. Сразу пробрал кашель – до сих пор не научился правильно дышать. Как вы это делаете?

Прокашлявшись, перенастроил искусственную гортань. Раздалась серия щелчков, которые я легко замаскировал под повторный кашель. Затем осмотрел Сан Саныча – он ни о чём не догадался. Об этом мне сообщило биосканирование с помощью нового глазо-ухо-носового анализатора, который так хотел Миша. Он похож на полупаучьи головы тех мародёров, но только по функционалу. По внешнему виду биосканер напоминал о себе только парой «родинок» на лице – остальное находилось под черепушкой.

Действительно, удобная штука. Частота дыхания, пульс, температура тела. Жаль, пока нельзя внедрить чип объединения сознания, было бы проще. Но всё впереди, я долго вынашивал этот план.

Отвечаю шефу:

– Хорошо, Александр Александрович, но сначала – отпуск. Хочу повидать мир, да и себя показать. А вернусь – хоть три задания возьму!

Начальник засмеялся, его необъемный живот затрясся, грозясь проломить стол. Отсмеявшись, Сан Саныч ответил:

– Нравишься ты мне, побольше бы нам таких людей. Хорошо, даю два месяца отпуска! Боевых имплантов у тебя нет, ограничений и запретов на посещение других стран тоже. Так что желаю хорошо отдохнуть и со свежими силами возвращаться!

Я поднял уголки рта:

– Непременно, Александр Александрович, у меня грандиозные планы. До встречи!

– Счастливо, Михаил Сергеевич!

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

+

ЗА МНОЙ ПРОСИЛИ НЕ ЗАНИМАТЬ

Худосочный парень приложил ладонь козырьком и пристал на цыпочки, чтобы было лучше видно.

– Длинная очередь, однако. Конца не видно, – сказал он сам себе. – Давно стоите?

– Да с самого начала, как подняли, – отозвался его сосед. – А тебе, что, больше всех не терпится? Я вот желанием не горю! Обычно для таких, как я, это дело виселицей грозит.

– Да не то, чтобы хотелось... – парень почесал затылок. – Интересно просто, сколько тут всего людей?

– У тебя, парень, табачку не найдётся? – ткнул его в бок не горящий желанием сосед. – Сколько людей? Да, чёрт его знает! Иди, посчитай!

– Чёрт? Скорее Бог! У Него и спросить надо! – подали голос откуда-то сбоку.

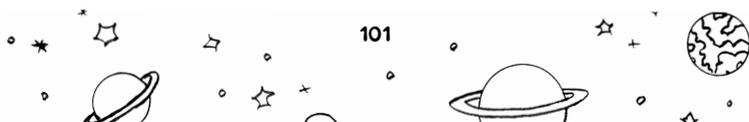
– Кстати, – оживился парень, – а тут как? Зовут или в порядке живой очереди? Ну, как стоишь, так и попадёшь?

Ответом ему был смех:

– Ну, ты даёшь, парень! Чудной ты, однако! Хотя я тут много чудных видел. Вон, например, сидит один на камне, горюет. Вон-вон, видишь – в зелёном такой?

Худощавый пригляделся: на обочине спиной к общей массе сидел парень с рюкзаком в охотничьем костюме цвета хаки.

– Да и кроме него таких полным-полно. Старушку одну видел. Она гроб свой тащила. Я ей крикнул, брось, мол, зачем гроб-то тебе? Да ещё и здесь! А она давай на меня ворчать, что я не в своё дело лезу. Всё своё, она, понимаешь, с собой носит! Да так орала, что убить захотелось, но как-то нечем! Да и ста-

рушка эта, как тащила гроб, так и не остановилась даже. Тащит. Ворчит и тащит. Где-то там уже вместе с гробом с этим!

Худощавый парень кивнул и сказал:

– Я к тому, на камне, схожу?

– Да, конечно, иди! Кто тебя держит? Только табачку оставь, если есть.

Худощавый вынул из-за пазухи пачку сигарет и не глядя отдал её. Люди стояли довольно плотно друг к другу, поэтому, чтобы пройти к камню, пришлось потолкаться.

– Здорово! – парень протянул руку сидящему на камне горемыке.

– Привет, – тот не глядя пожал её.

– Тебя как зовут?

– Серёга!

– Кузя. Чего грустишь, Серёга?

– Да, как-то иначе себе я это дело представлял. Понимаешь, Кузя, я из выживальщиков. Мы нашей бандой все сценарии тысячу раз обдумали. И ядерную войну, и катаклизмы всякие, и эпидемии, даже в порядке бреда про зомби-апокалипсис... Готовились, в общем. Я, вон, макинтош себе купил, рюкзак собрал с провизией, да всё без толку! Неинтересно даже!

Кузя оглянул очередь. М-да, абсолютно ничего интересного. Подумаешь, конец света наступил! Страшный Суд идёт – что тут может быть интересного? Ну и что, что всех живых в один миг словно тысячей огромных мётел смело в одну большую кучу, да к ним в придачу – всех мертвецов, которые одновременно выскочили из своих гробов? Такая картинка же каждый день! Удивляться тут нечему.

Кузя улыбнулся своим мыслям.

– Ты чего лыбишься? – одёрнул его Серёга.

– Знаешь, на что мы все похожи? – спросил Кузя.

– На что?

– На гигантскую полоску соринок. Ну, когда пол веником подметаешь, весь сор сметаешь в одну кучку. А потом замета-

ешь это всё на совок. Так вот, в самом конце остаётся такая полоска из соринки, которую никак на совок замести не выходит. Думаю, сверху вся очередь на эту полоску похожа.

– Кузя? У тебя с головой всё в порядке?

Кузя присел на корточки:

– Бред, конечно, но мне показалось забавно. Так, что вы после ядерной катастрофы собирались делать-то?

– Мы рассчитали максимально безопасное место в России...

– С учётом всех вариантов? – перебил Кузя.

– С учётом всех вариантов, – кивнул Серёга, – Это оказалась глухая деревушка в Томской области. Скинулись, купили там участки возле леса: деревушка вымирает – эти участки за копейки продаются. В лесу сделали тайники с припасами и огромную землянку. Продуктов туда натаскали! На первое время... Медикаментов! У нас даже врачей трое было! Книжек всяких тоже... Случись чего, успели бы добежать.

– Не помогло?

– Абсолютно! Бесит аж!

– И что теперь делать будешь?

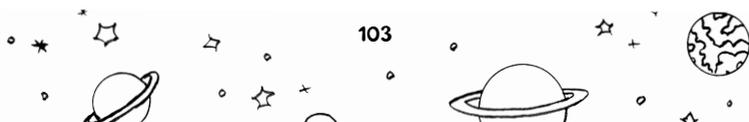
– Не знаю...

– Ладно, посиди, подумай тут, а я пойду, – Кузя хлопнул по плечу выживальщика и встал.

– Бывай! – кивнул Серёга.

Кузя пошёл обратно, туда, откуда оглядывал очередь. Его сосед, которому Кузя отдал пачку с сигаретами, так и не закурил. Мужчина, одетый в давно выцветший, грязный, изначально красный камзол, который выдавал в нём дезертира войск Её Королевского Величества Елизаветы Первой, вертел её в руках, то открывал, то закрывал, вытаскивал сигареты, нюхал их, но как курить, так и не понял. При этом он явно чувствовал запах табака, понимал, что желанное курево рядом – только руку протяни, но недоступно. Это его злило.

– Вот дьявол! – сплюнул он.

– Давайте помогу! – протянул руку Кузя. – Извините, не подумал, что это вызовет трудности.

Он забрал пачку, открыл её, достал две сигареты – одну себе, одну дезертиру, вынул зажигалку и прикурил обе.

– Кузьма, – представился он.

– Эдвард Броули к вашим услугам, сэр! – кривляясь, произнёс дезертир войск Её Королевского Величества. – Зови просто – Эд.

– Хорошо. Эд, то, что вы тут с самого начала, это я уже понял, а как попали сюда?

– Да, как все, парень! Помню, зашли мы как-то в один портовый кабак...

Эд почесал в бороде.

– А дальше?

– А дальше не помню! Видать, не вышел я оттуда! – и дезертир войск Её Королевского Величества Эдвард Броули зашёлся в приступе смеха. А смех его напоминал смесь конского ржания и кашля туберкулёзника.

– Значит, зашли мы в кабак, ага. Потом слышу – труба! Подъём играет.

А мне та-ак противно – встать не хочу! Вообще! А труба эта, значит, ещё громче, прям как капрал наш, покойничек... Я же так капрала-то нашего и убил. Зашёл он как-то в казарму к нам утром рано, да как гаркнет: «Подъём! Подъём, пёсье племя!». Я и швырнул в него чем-то, чтоб заткнулся. Кто же знал, что у меня под подушкой нож из столовки был? Швырнул я, значит, тесак этот. Да так удачно! Прям в горло капралу нашему. Тот руки к тесаку тянет, ртом воздух хватает, кровяка из раны фонтанчиком брызжет, а я, пока никто не прочухал, какого дьявола тут творится, ноги-то и сделал оттуда. Потом боцманом был...

– У флибустьеров? – уточнил Кузьма.

– Ага, у них. Джентльменом удачи был, сынок. Много я удачи-то повидал. А потом кабак. Зашли мы в него, значит...

– И не все вышли?

– Не все. А что ты хочешь? Время такое было! Хорошее время. Уж точно не хуже и не лучше многих других времён. А потом труба подъём играть стала. Долго играла: видать, всех будила. Я встал. Другие тоже встали. Стоим, ждём. Потом пошли в одну сторону цепочкой. Немного прошли, остановились и стоим. Вот, так как-то.

Кузьма докурил и выбросил окурочок.

– А ты как тут оказался? А, парень? – спросил дезертир войск Её Королевского Величества.

– Прозаично. Машина сбила.

– Не повезло.

– Последнее, что помню, номер – «эн двести семнадцать тэ у». И хруст. Костей, видимо.

Кузьма замолчал. Его глаза, до этого момента живые, излучающие, любопытные, потухли. Не до конца – свет в них оставался. Просто, если раньше они светили, как солнце летним днём, то теперь пришла пора сумерек. Старый пират тоже замолчал. Он знал, что людям, если они редко встречаются со смертью, нужно время, чтобы принять её. Ему, дезертиру войск Её Королевского Величества, было гораздо проще: полжизни Эдвард Броули прожил рядом со смертью. Когда он просыпался, где-то рядом была смерть. Когда садился обедать, смерть сидела за этим же столом. А когда напивался, смерть была вокруг, словно воронка. И вот однажды Эдвард Броули и сам оказался в этой воронке.

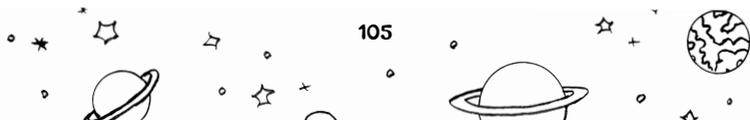
– Ну, так что этот-то, на камне?

– А? – переспросил Кузьма.

– Парень. На камне. Чего с ним?

– А, с этим... Сейчас попробую объяснить, – Кузьма немного замялся, подбирая слова. – Из пушки стрелял?

Дезертир войск Её Королевского Величества опять зашёлся в приступе смеха, который ещё больше стал напоминать смесь конского ржания и кашля туберкулёзника.

– Стрелял ли я из пушки? Ну, ты даёшь! Да я за свою жизнь рядом с нашими корабельными пушками больше времени провёл, чем с портовыми девками! А у тех я неделями торчал!

– Тогда скажи, что можно из пушки разнести в щепки? – спросил Кузьма.

Старый пират сразу стал серьёзным:

– Это смотря какая пушка, – начал перечислять он, – смотря, чем стрелять – ядрами или разрывными там... Куда попадёшь, опять же... Если разрывным в пороховой склад, то там бабахнет так бабахнет!

– А можно одним снарядом фрегат взорвать? – спросил Кузьма.

– Фрега-ат? – дезертир войск Её Королевского Величества задумчиво почесал в бороде. – Чтобы прямо целый фрегат одним снарядом по гвоздику?

Кузьма кивнул:

– По гвоздику.

– Ну, нет. Большую дыру в палубе проделать можно. Половину всего, что в трюме, ты при этом снесёшь к морским чертям – это ясен пень! Если течь будет, то и потопить можно. Но вот по гвоздикам – не выйдет.

– А представь, что такая пушка есть.

– Да ну? Врёшь!

– Не, не вру. Есть даже круче – целый остров в щепки может. Не веришь мне, у того, на камне, спроси!

– Острова тоже разные бывают, знаешь ли, – отмахнулся старый пират.

– Средний остров. Да, думаю, средний по величине можно. Дезертир войск Её Королевского Величества присвистнул:

– Это как её заряжать-то?

– Там не совсем пушка, но принцип похожий. Придумали и как заряжать и в кого разряжать, если что. Пушек таких много по всему миру, наставили друг на друга и сидят, ждут, кто первый рыпнется, чтобы в него разрядить.

– А в Англии есть такая? – спросил с надеждой в голосе старый пират Эдвард Броули.

– В Англии? Вроде есть, – стал вспоминать Кузьма. – Да, есть!

– Ну, слава Богу! – обрадовался пират.

– Так вот. Пушки-то те большие заряжены, нацелены уже, стреляй – не хочу! И все сидят, ждут, в кого первого выстрелят. Есть такие люди, которые грозят, что выстрелят первыми. Есть такие, которые боятся, что выстрелят по ним. И таких много.

– Так. И что?

– Вот тот парень на камне из тех, кто боится. Вот он и его дружки начали готовиться к тому, что по ним будут стрелять.

– Так им же хана придёт! Как готовиться?

– Спрятаться!

– Это мужики или сборище католических монашек? Что они бегут с поля боя? Кто-то ляжет, ясен пень! Но кто-то будет жив!

– Тут, чтобы выжить, нужна как раз тактика монашек. Я про другое сейчас говорю. Ребята эти думали, что конец света придёт, когда все большие пушки выстрелят. Или большинство. Этого бы хватило.

– Ага, а пушки не выстрелили? – до старого пирата начал доходить смысл аллегории.

– Не, выстрелили, – кивнул Кузьма.

– И все планы полетели к чертям морским?

– Именно туда или ещё дальше.

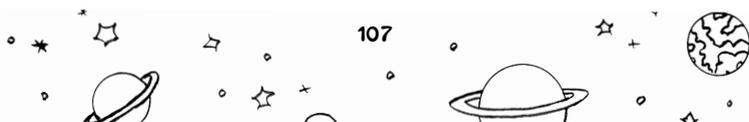
– А планы были грандиозные?

– Думаю, да. Пережить конец света, по мне, будет посложнее, чем организовать всемирную пьянку!

Дезертир войск Её Королевского Величества воздержался от приступа смеха, напоминающего смесь конского ржания и кашля туберкулёзника, и просто одобрительно хекнул, оценив сравнение:

– Обломался, значит, парень!

– Ага!

Они замолчали: подходящих тем для разговора навскидку не находилось, а имеющиеся были исчерпаны.

Люди, стоявшие вокруг них, тоже заводили разговоры на одни и те же вопросы: «Кем был при жизни?», «Как умер?», «Куда хочешь после Суда, в рай или ад?», «Как движется очередь?» – и тоже уставали от этих тем, исчерпав самые закономерные ответы. А, устав разговаривать с одним человеком, отправлялись на поиски другого, того, с кем ещё не говорили, будто бы он мог сказать что-то кардинально отличное от услышанного ранее. И только один грустный Серёга, неподвижно сидя на камне, поминал и проклинал так и не случившуюся ядерную войну.

В очереди опять наметилось движение – кто-то решил сменить собеседников, и взгляды Кузьмы и Эдварда Броули сами собой остановились на девушке, молчаливо курившей через мундштук в пяти-семи метрах от них.

– Ты глянь, какая стоит! – цокнул языком дезертир войск Её Королевского Величества.

– Которая?

– Да, вон та, с пером у уха! – кивнул Эдвард.

Кузьма пригляделся. Девушка как девушка. Хотя, конечно, дезертиру войск Её Королевского Величества было на что посмотреть. Туфли на каблуках, сантиметров тринадцать-пятнадцать. Тёмные, почти чёрные чулки обтягивали стройные ноги. На девушке было надето чёрное прямое платье, драпированное тем, что Кузьма назвал бы бахромой. Платье не было коротким, юбка заканчивалась на ладонь выше колена, но у пирата семнадцатого века такая длина женского одеяния вызывала ассоциации только с ночными рубашками. V-образный вырез платья делал декольте глубоким, но в тоже время не оголял грудь ни на миллиметр, что, честно говоря, интриговало. Да, к тому же белые бусы, которые украшали девушку, резко контрастировали с цветом платья, обращая внимание на себя. Перо, которое заметил Броули, явно декоративное, было прикреплено к повязке, фиксирующей каре девушки. Однако это не помогало:

от ветра волосы постоянно лезли девушке в глаза, и той приходилось поправлять их рукой, наряженной в длинную чёрную атласную перчатку – или сделанную под атласную.

– Я, однако, подойду к ней, – сказал дезертир войск Её Королевского Величества.

При этом выглядел он так, будто собрался на абордаж.

– Не одобряешь? – спросил Броули, заметив что-то в глазах Кузьмы.

– Нет, напротив, только за.

– Смотри у меня, – на всякий случай пригрозил пират.

Кузьма в ответ только пожал плечами.

– Подходящая погодка, чтобы поднять якоря, не так ли? – спросил дезертир войск Её Королевского Величества Эдвард Броули, подойдя к девушке.

– Вообще-то, я замужем...

– Была при жизни. Во-вторых, мы и так находимся на Страшном Суде, и очень скоро и меня, и вас за все наши с вами грехи будут судить. Так что давайте усложним им работу, увеличив количество грехов. А в-третьих, я предлагаю поднять якоря и отчалить из этого не самого гостеприимного порта, и найти тёплую гавань, где и дожидаться Суда. Поверьте моему опыту – а он у меня имеется, и значительный, для многих из нас суд, какой бы он ни был, закончится виселицей. А у меня на них аллергия! Что скажете?

Девушка заколебалась:

– Как думаете, сколько у нас времени?

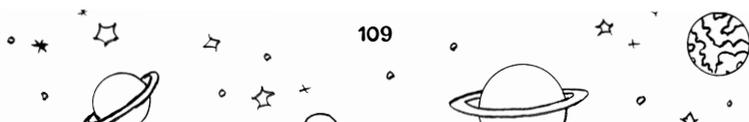
Эдвард Броули задумчиво оглянулся в поисках крепкого аргумента. Заметив Кузьму, который из любопытства подошёл ближе, старый пират ткнул его в бок и спросил:

– Парень, как думаешь, долго нам ещё здесь стоять?

Кузьма оглядел очередь и сказал:

– Дня два у нас есть.

– А как думаешь, есть ли поблизости местечко, где можно отыскать бутылочку приличного вина?

– Смотря, где мы находимся, – задумался Кузьма, но, на-
ткнувшись взглядом на красноречивую гримасу дезертира войск
Её Королевского Величества, поправился. – Но поискать стоит.

– Так что, отдаём швартовы? – при этих словах пират взял
девушку под локоть.

– Да, – тихо кивнула та.

– Кузьма, ты с нами? – спросил пират, – Если да, то и этого,
грустного, с камня прихвати! Пусть развеется салага!

И с этими словами дезертир войск Её Королевского Вели-
чества Эдвард Броули мягко, но настойчиво потянул девушку
к краю очереди на Страшный Суд. Кузьма пожал плечами,
хмыкнул и пошёл в сторону выживальщика.

– Слышь, Серёга, сдаётся мне, будет у тебя постапокалипсис!

– Это как?

– Пошли, покажу! – хлопнул его Кузьма по плечу. – Давай,
за мной!

Дважды уговаривать Серёгу не пришлось.

– Знаете, Фима, шо я не понимаю? – глядя вслед всем чет-
верым, произнесла одна из женщин в очереди.

– Шо, Сарочка?

– Шо всеми признанные евреи здесь-таки ми, а как куль-
турно слинять придумал вот этот хороший хосподин, – и жен-
щина указала рукой на пирата.

– Это потому, Сарочка, шо ми бохоизбранный народ.

– И шо, Фима, ви хотите ентим сказать, шо поэтому ми
должны тут тихо-мирно стоять?

Пожилой еврей, которого женщина называла «Фима»,
вздыхнул:

– Полохаю, шо в ентон ситуации, таки да! – сказал он.

ПЕСНЯ РУИН

Все строят планы,
И никто не знает,
Проживет ли он до вечера.
Л.Н. Толстой.

Глава 1. Зброшенный Питер

Площадь Александра Невского. 6 сентября 2033 года.

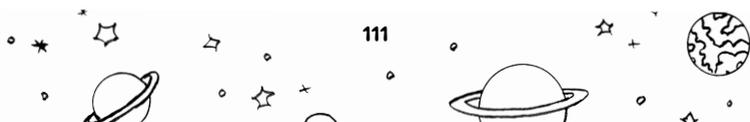
Каменные статуи продувались ледяными ветрами. Окна и двери – разбиты и выломлены; крыши и подвалы – обвалены и затоплены. Мир – закончился. Прошлое – забыто.

Холодный лунный свет освещал строгие силуэты зданий, оставленные навсегда. Небо укрыто темными облаками, через которые не пробиться звёздам. Луна весит сверху, шарообразна и тиха. Только её белый свет ведёт странников по разбитым дорогам надежды, наперекор судьбе. Вопреки жизни путники ступают на прямые и развилыстые маршруты ради необратимого – тупика в конце чёрного тоннеля. Смерти.

Ветер одиноко выл в развалинах. Здесь никого больше нет.

Кто-то да помнит день Последнего Мира. Смотришь в темноту тоннеля и видишь – люди бегут к дверям метро. Сзади пыль летит, и небо становится красным. Серые глыбы падают, а они бегут. Закроешь глаза и слышишь: крик детей, визг женщин, мат мужчин. Огромная волна ударяет в них – и... тишина... гробовая. Только метроном и сирена. Для мертвых, которые ещё не осознали этого.

Повернёшься, включив тусклую лампу, – и солнце встало. Смотришь посаженным зрением, а глаза невольно сжимаются,

будто и правда – лучи. Нежатся в них. Ласкаются, как маленький слепой котёнок мордочкой. Но это не утреннее солнце, а бывшая детская лампа. Кто-то да помнит день, когда мы всё потеряли.

Рев мутанта. Выстрел. Тишина. Из-за угла разрушенного дома силуэт с автоматом направился к новому должнику и трофею. В ста метрах от входа в метро лежал молодой парень с навалившимся на него мутантом – большой и лохматый Страж с пустым отверстием под глаз, а по факту – под свинцовую пулю. Сам парень лежал равнодушно, даже не кричал, когда из развалин выскочил мутант и накинулся на него. Силуэт подошёл, протянул руку юноше, тот ухватился и встал.

– Илья Морфин. Приятно... – представился силуэт с противогазом на лице, из-под которого виднелись бритоголовая голова и пышные седые усы.

– Денис Мартини, – глядя в сторону, отозвался парень. Его язык заплетался, а тело стояло неустойчиво: он был пьян, что чуть не сыграло на лапу мутанту. Парень был молод, под прикрытием темного стекла противогаза скрывались голубые глаза и русые волосы. Девушкам он точно нравился.

– Ты мой должник, Денис. Пошли.

– Кем будешь, Денис? И ты что, серьёзно, мать твою, пьян?

– Пьян. Пил, да поспорил. С веганами лучше не пить... Дали противогаз, комбез и фотик. Сказали: сфотай рассвет – и слово пацана сдержишь. Твари пьяные...

– А сам откуда?

– Проспект Большевиков. Ну и Маяковская, Ладожская...

– Ладожская... Хе-хе... Хорошая станция... Сына потерять – раз плюнуть, – поделился Илья. Он знал, что, откровенничая, добьётся от Дениса доверия, которое может спасти его в трудную минуту. Да и отошёл он давно от смерти родных. Пропил горе. Смысл о мёртвых думать, когда живые есть?

– Сына?

– Лёшка... Четыре ему было. А мне щас сорок три. Лучше бы меня...

– Сожалею... А мне двадцать два, а я и родителей не помню. Погибли, еле-еле затолкав, а сами под пеплом... Меня тетя Жанна воспитывала, продававшая на Маяковской оружие. Двенадцать лет назад бандиты напали, и я очутился на Ладожской. Потом – на Большевиках, а теперь путешествую, – откровенничал по примеру Ильи Денис.

– А вы сами кто? Можно на «ты»?

– Валяй. Я – сталкер. Один из первых. На второй месяц после всего этого на поверхность полез. Мать искал... Был, кстати, единственным художником, который заброшенный Питер рисовал. Творческой натурой... Щас в контракте с приморцами: картины и тому подобное таскаю. Да и сам за культуру.

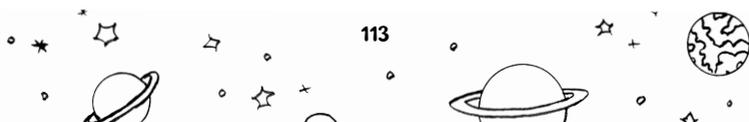
– А смысл, если каждая минута может стать последней? Не говоря уж про час и день? Когда тут до культуры прошлого? Смысл?

– Смысл в том, что без прошлого – нет будущего. Когда-нибудь мы будем жить здесь. В Ленинграде. Дома.

– Нет Ленинграда, – покачал головой Денис, протрезвев от таких тем. – Прошлое прошло. В настоящем – мы выживаем. А будущее нам и так не светит...

Илья передал Денису пистолет, инструктируя:

– Сам знаешь – сегодня я тебе, завтра ты мне. Но мы ускорим события: мне нужна Невская лавра. Там – икона Невской Скоропослушницы. Этакая работенка от приморцев, да ещё и по Питеру гульнём. С оружием наперевес и медленным осторожным шагом, но гульнём. Ты – в роли напарника. Я, хоть и был во всех знаменитых и не очень питерских местах, но не здесь. Слушайся. Ходи рядом, но чтобы нас, как в боулинге, одним шаром не могли скосить. Видишь загадку – говори. Всё ферштейн, должник?

– Стой. Я, конечно, благодарен за спасение, но в Лавру лезть из чувства долга – такое себе. Давай я лучше самогона тебе надыбаю? Торгую этим. Хороший обмен – жизнь на самогон?

– Хороший, но, брат, печень не та. Ферштейн, двадцать процентов за работу?

– Сорок процентов. Самогон от меня в подарок. Ферштейн?

– Ферштейн...

Глава 2. Невская лавра

Двадцать лет прошло, а он стоит – Невский на коне да с копьём. Весь покрытый грязью, кровью, следами пуль, но – стоит. Вокруг памятника собрались ржавые машины со скелетами бывших живых людей. Даже люди-создатели лежат, а памятник стоит. Камень сильнее плоти. Ходили легенды, что Невский вместе с Медным всадником защищают Питер. «От чего?» – спросил бы слушатель. «От зла», – ответил бы рассказчик. Копьём и мечом защищают. Защищают развалины и крысы. Люди здесь больше не водятся. Напротив памятника стояла почти целёхонькая «Москва». Бывший отель перестали посещать люди, но именно для них «Москва» хранила свою стальную гордость и непоколебимость перед концом света. Зря. Люди делают из кукол богов, а тут – такое величие...

Денис с большим интересом разглядывал статую Александра Невского, обходя ржавые машины, даже не всматриваясь внутрь салонов. Алкоголь плюс мерзость равно минус содержимое желудка. Для Дениса памятник Невскому был первым памятником в его жизни. И он глубоко надеялся, что не последним.

– Тогда, правда, всё было так красиво? – спросил Денис, глядя на огромное здание отеля.

– Правда.

– Такой простор... Почему мы всё это потеряли? – будто обнимаясь с Питером, растянул руки Денис. – Всё это... Почему?

– Людям всегда хочется больше, – вздохнул Илья, окружив себя потоками радиоактивного воздуха.

– Люди – существа вредные. Им материк отдай – они планету захотят.

– Но...

– Пойдем быстрее. Не задерживайся на открытом пространстве. Мертвый Дэн – ненужный Дэн.

Некрополь.

Пришли к мертвецам, блин! У жителей станции Александра Невского Некрополь слыл очень шумным местом. Неужто Глинка новую композицию в склепе записывает под одобрительные аплодисменты Ломоносова? Или Достоевский матерится на музу за недостаток вдохновения? Чертовы творческие натуры... Илья всеми путями избежал бы посещения Некрополя, но приходилось заходить через парадный.

– Здесь т-с-с, парень. Видишь стены вдоль прохода? За ними... как бы проще сказать... кладбище. Говорят, мертвецы там песни поют и матом друг друга кроют.

– Шутишь?

– Хотелось бы. Эти стены – наше всё. Не смей ни под каким предлогом пересекать их. Останешься вместе с весёлой компанией безумных призраков.

– Ну, ты ведь шутишь?..

– По коням!

Первые шаги давались легко. Илья и Денис шли тихо, неожиданно радуясь, что жили двадцать лет в метро – в темноте всё было прекрасно видно: любая дырка в серой кирпичной стене, любая отвалившаяся ветка с дерева и выцветшая штука-турка. Даже купола, спрятавшиеся в терниях, предстали их взору. Но, как всегда бывает в жизни, проблемы только начинались.

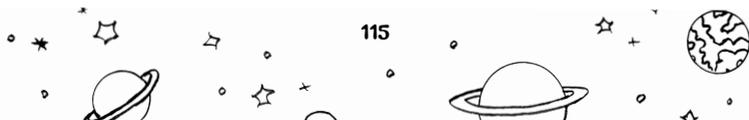
– Та-та-татата-та-та.

– Чё? – вытянулся Илья, вслушиваясь.

– Татата-та-та-татата.

– Ох, Чайковский? «Лебединое озеро»?

– Туту-ту-ту-ту.

– «Времена года»? Ох... Правильно мне мама говорила: «Ходи на спектакли, сынок». Земля пухом... Илья повернулся к молчавшему Денису – тот застыл, что-то выслушивая. Илья подергал напарника за плечо.

– Ты слышал Чайковского «Лебединое озеро» или «Щелкунчика»?

– Не-е-ет... – побледнел Денис. – Крылова. Басню про ворону и лисицу. Мне тетя Жанна в детстве рассказывала. Запомнил.

– Валим, брат-сталкер, – потянул за собой Илья Дениса к мостику, под которым что-то большое плескалось в кислотной жиже и струило красные пузырьки вверх. – Композицию «Илья Онегин» и басню «Денис, рак и щука» я слушать не собираюсь!

Александр-Невская лавра.

Громко скрипнули ржавые решетчатые ворота, чуть не скинув на головы странников оранжевую штукатурку. Стены вокруг лавры почти исчезли, решив переместиться в кислотную речную жижу. За каменными стенами последовала колокольня, разломавшая зелёную крышу своей же церкви: выбив все окна на верхнем этаже, она заставила золотой крест подружиться с бежево-серой стеной и ржавыми прутьями решётки. Внутри стен лавры заброшенный Питер всё больше стал походить на себя. Выбитые огромные окна, свисающий мох и изменяющая цвет с каждым шагом штукатурка, небольшой ядовитый садик с зелёными спорами вокруг лавры, разбитые ларьки. Ухоженные чёрные заборчики валялись на земле. Разбитые фонари вместе с поваленными деревьями перегораживали им путь. Осенняя листва летала туда-сюда, играя наперегонки с пылью и пакетиками с цифрой «5». Вдалеке на башне, вместе с каркающими воронами, своё гнездо организовали Клики, напевая песню надежды в версии мутантов. Вот это – настоящий питерский стиль Апокалипсиса. Всё от корки до корки безнадежно и разрушено, но всё равно, как утреннее солнце, красиво.

Шагая черепашьей походкой и разглядывая бывшее культурное величие страны, Денис нарушил гробовую тишину, так подходившую упавшим камням и штукатурке:

– Много, наверное, людей талантливыхросло. Вокруг такой культуры.

– Тоже мне талант и культура – пить и материться, – пробурчал Илья, всматриваясь в каждый голый куст. – Я вот, например, хотя бы рисовал. Даже лавру эту. Со стороны монумента вроде... матери какой-то.

– Красиво?

– Люди платили – им красиво. Хотя, для них и чёрный квадрат – красиво. Перелезли дерево, застав взглядом вход в лавру с шестью колоннами. И мутантом.

– Стопэ-э, брат.

На мраморных ступеньках спал двухметровый Дзынь. Шерсть цвета грязного снега, морда львиная, слух божий, а глаза белые.

– М-да-а... Фортануло на Дзыня.

– Это кто?

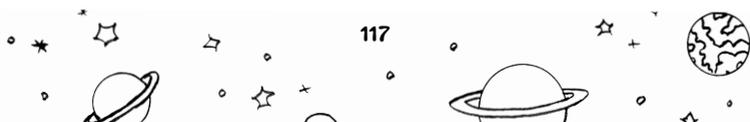
– Псина Апокалипсиса, слепая, но с тонким слухом, и пули почти не берут. Единственный способ победить – подобраться поближе, пошуметь булыжниками и вырезать ему сердце.

– Весело...

– Включается боевой режим. Я – Морфин, значит, Морф. Ты – Мартини, значит, Марти. Поскакали, Марти?

– Поскакали, Морф.

Бу-у-х! Булыжник разбился на тысячу маленьких кусочков. Мутант поднял морду, наострил уши и встал на лапы. Морф начал подкрадываться, оставив Марти позади, решив не рисковать молодняком: им ещё новый мир строить. Дзынь спустился со ступенек, застыв на месте падения камня. Вслушивался. Кинжал сверкнул в рукаве. Всего десять метров – и кто-то скоро уйдёт «двухсотым». Морф очень тихо вздохнул, но сквозь бушующий ветерок мутант удивительным образом услышал тре-

вогу. Услышал жизнь и страх. На то он и Дзынь, чтобы ужасно хорошо слышать. По виску потекла капля пота. Морда недоверчиво повернулась, уставившись белоснежными белками прямо на Морфа. Лапы уверенно пошли в его сторону, с каждой секундой уменьшая расстояние.

«Финита ля комедия...» – решил Морф. Дзынь был в шаге от сталкера: Морф чувствовал его теплое дыхание. Неожиданно над головой Морфа пролетел булыжник, разбившись в пяти метрах от него. Мутант резко прыгнул на звук, схватив лапами мелкие камни. Сейчас или никогда! Морф блеснул лезвием, в две секунды оказавшись сзади и вонзив кинжал в спину мутанта. На клинке показалась алая кровь. Дзынь сгруппировался всем телом, откинул Морфа на землю, а после набросился с открытой пастью. Сталкер оттолкнул монстра ногами, глубоко вонзив кинжал тому в лоб, но мутант лишь пофыркал, не дав шанса вытащить единственное спасение Морфа. В последний момент сталкер успел закрыть лицо рукой, и Дзынь ухватился за левую кисть, вонзаясь клыками в мягкую плоть. Илья закрыл глаза, отдавшись без боя: «Даже десяти секунд не поборолся... Здравствуй, его величество Смерть. Я ждал». Неожиданно, к первому кинжалу во лбу присоединился второй.

– Сдохни! Сдохни! Сдохни! – орал Марти, нанося десяток, если не сотню ударов, даже когда мутант ушёл в мир иной.

– Бог есть! Только рука... – вздохнул Морф, вытираясь от крови. Увидев четыре дырки в ладони, быстро достал обезболивающее и замотался бинтом, похоже, и в самом деле поверив в существование Всевышнего.

Марти застыл в шоке. Кровь стекала по темному стеклу противогаза Дениса. Перчатки из чёрных превратились в красные. Комбез стал походить на фартук мясника-убийцы. Освободившись из крепких объятий, Илья, весь в крови, прижал Дениса как сына, успокаивая ласковым голосом:

– Дело не лёгкое, знаю. Ты молодец. Спас меня. Герой. Это мутант, не человек.

- Чёрт! Долг уплачен, – улыбнулся нервно Денис.
- Уже шутишь? – усмехнулся Илья.
- Давай перекур – и в лавру. Хватит веткой по воде водить вокруг неё.

Невская лавра.

Ни одна свеча на огромной люстре не горела, не излучала даже тлеющего пламени. Серый кафель ужасно скрипел, с расписного потолка свисал болотный мох, полностью укрывая бывшую красоту. Там, где мха не было, фрески дополнялись огрызками свинцового неба. Окна – по традиции – были выбиты.

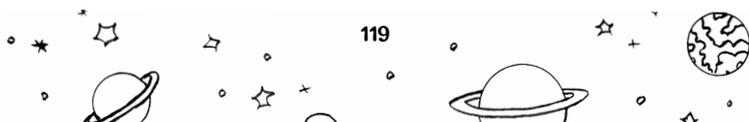
Большую часть икон украла, оставшиеся – распластались на полу. Матьер, Иисус, ангелы – все отдыхали на кафеле, не убедив людей во втором пришествии. Большая часть потолка лежала именно на ангелах, как и некоторые обвалившиеся строгие колонны, только с божьей помощью удерживающие лавру от полного падения в смуту. Главный алтарь в конце коридора выделялся из общего стиля питерского Апокалипсиса и оставался как под куполом. Ни один камушек не лежал на красном ковре, ни одна ваза с цветами не упала, ни одна икона не пострадала от ржавой влаги. Ещё один аргумент в пользу того, что Бог помнит о своих храмах.

Бродя в окружении обвалившихся колонн, Денис тихо спросил:

- Илья, а ты хоть знаешь, как выглядит твоя икона и где она?
- Естественно. Даже знаю, где мощи Невского лежат.
- Ты их тоже заберёшь?
- Да нет. Не по-христиански это...

Приблизившись к алтарю, Илья в метре от него заметил мертвеца с пулей в виске и с пистолетом в руке. Кафель был загажен красным. Труп благоухал далеко не розами.

- Знакомься, Дэн, это – труп. Труп, это – Дэн.
- Он застрелился?

– Похоже. Прямо перед алтарём, где всё чистенько. Мать не впустила?

– Может, свалим нахрен?

– Брось ты! Я зря завёл тебе новое знакомство?

Илья ступил на белоснежно чистый алтарь. Ничего не произошло.

– А вот и ты, моя сладкая Скоропослушница! Полезай в рюкзак! Денис зачем-то перекрестился, смотря на икону.

– Харэ-э, брат. Уходим. Не люблю я благовонья свеч.

Илья сделал первый шаг на грязный ковёр. Резко, как в боксе, в голову что-то ударило. Ноги подкосились, словно ватные, в глазах потемнело, а уши слышали лишь давящую тишину и удары искр. Илья схватился за голову, стоя на коленях. Глаза на иконах стали красными: из них текла кровь. Тишина и единственный звук льющейся крови сводили с ума. Огрызки неба превратились в кроваво улыбающихся ангелов, застывших, смотревших прямо в глаза. Колонны начали одна за другой бесшумно падать. С каждым ударом камня о грязный кафель вместо звука падения слышался тихий стон боли. Тысяча стонов боли. Зелёный мох выдавливал из себя маленьких чёрных паучков, плывущих по реке крови на кричащего от ужаса Илью. Неожиданно стоны прекратились и раздался глухой женский крик и плач ребёнка. Илью оглушило, он упал на кровавый кафель, измазывая себя кровью и задыхаясь в ней. Паучки залезли под комбинезон, и кроме женщины с ребёнком он ничего не слышал. Колокол. Крик и плач чередовался с колоколом, нагоняя не только тревогу, но и безысходность. Илья кричал, пытаясь заглушить всё это, но боль становилась ещё острее. Почти вонзившись в тело и разорвав жилы, упал крест с Иисусом, глядевший на грешника без жалости.

Крик. Кровь. Боль. Колокол. Крест. Плач. Ужас. Пауки. Ангелы. Белая пелена окутала взор...

Игла с морфином проникла в красно-серые вены. Из горлышка бутылки ядовитая вода льётся в желудок и обжи-

гает пламенем. Табачный дым кружит по комнате вместе с оранжевым пеплом. Обессиленная ладонь сжимает холодную рукоять пистолета. Глаза – стеклянные. Руки – в синяках и волдырях. Бледная, сухая, изможденная кожа. Жизнь не имеет смысла. Громкий и истеричный смех, переходящий в крик. Сердце бьётся, как гашетка. Мутный взгляд в размытый горизонт. Щёлк. Заторможенный спуск затвора. Дрожащий пистолет, направленный стволом в висок. Серый порох разлетается по комнате. Удар пистолета о стену. «Нет! Не могу! Нет!» Штукатурка падает на голову. Илья окунулся лицом в кровь, не в силах дышать в вязком веществе. Взгляд в будущее, которого нет, вызывал лишь усмешку. Всё кончится здесь. В метро и руинах мира, где мутанты борются с остатками человечества. В высохших лужах не видно звёзд. Щёлк!

Глава 3. Отель «Москва»

Выстрел. Лёшка падает на кафель, разгоняя серую пыль. Пуля прошла сердце, оставив ребёнка мучительно умирать. Илья с красными от злости глазами жестоко уродует топором тело бандита, погубившего ангельскую душу маленького Лёшки. Разрубив его на части, отец весь в крови падает на колени к телу сына. Кровь льётся и льётся, не замечая попыток отца закрыть рану ладонью. Лёшка затих. Перестал плакать. Он смотрел на бетонный потолок, где совсем недавно были солнце и небо. Илья кричал, целовал, плакал, звал помощь, но всем было безразлично. Безразлично, что отец теряет смысл жизни, предпочитая медленную смерть.

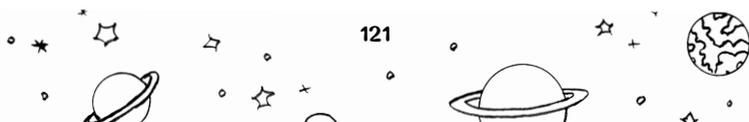
Первое, что увидел Илья, открыв слипшиеся веки, – свинец неба и Дениса, нависшего над ним.

– Очухался! – обрадовался Денис.

– Что-то хреново на тебя иконы действуют. Бес, что ль?

– Чё было-то?

– Ты начал орать и бить иконы. После упал и требовал от меня пистолет. Я, конечно, ни в какую. Потом ты нацелился

на автомат, но я успел отобрать его у тебя. Я подумал, что ты глюки словил, и стал вытаскивать тебя из лавры. Ты сопротивлялся так, что долбанулся головой о стену и вырубился. Думаю, висок у тебя болит.

– Болит... Рюкзак забрал мой?

– Ес.

– Где мы?

– Я сумел дотащить тебя через Некрополь, прослушав «Волка на псарне» Крылова. Мы уже на площади.

– Гуд. Смотаемся к отелю. Тебе ведь фотка нужна была? За хорошую службу я тебя вознагражу.

– Спасибо, генерал!

– Автомат верни. Не твой размерчик.

Почти демонстративно рядом со входом в метро расположились три силуэта в зелёном. Веганы. На коленях перед ними стояли два парня в лохмотьях и без противогазов. Илья понимал, что это. Он жестами предупредил Дениса, спрятавшись за машиной, рядом со статуей Невского. Через руины эхом отдавал басовый голос, ветер доносил маленькие отрывки речи:

– Империя... Приморцы... Ворон... Блюз... Приговариваются... Казни... Бах. Бах.

– Твари, – прошипел Денис. – Зачем убивать таких же людей, когда их и так мало осталось?

– Зелёные наверняка считают, что это эпидемии, голод, бедность и тэ-дэ из-за приморцев. Человеку проще обвинить другого, чем себя.

– Люди, люди...

– Затягивай шпоры, они свалили обратно в свои тоннели. Пошёл! Пошёл! Пошёл!

Отель «Москва».

Сопливо держащиеся три буквы «ОСА» встречали усталых путников. Непокосимый отель, правда, выглядел целёхоньким, но это если сравнивать с руинами вокруг. Панорамные ок-

на – как удивительно! – были выбиты полностью. Теперешняя восьмиэтажная четырехзвёздочная «Москва» открывала двери странникам, но, к сожалению, они пришли сюда не отдыхать. Раскиданная мебель, разбитые предметы декора, ржавая вода, стекающая с крыши отеля, – так встречала «Москва» туристов. Мешки с мясом отдыхали на стульчиках и в своих постелях, возможно, даже радуясь, что умерли в прекрасном мире, а не в тоннелях метро, лишённые солнца и всего человеческого. Не захотели превращаться в крыс и кротов. Выбор понятен. Кое-как добравшись до последнего этажа, Илья открыл люк в потолке, подставил сырую лестницу – и сталкеры выбрались на крышу, пронзаемые холодным ветром и первыми лучами солнца. Питер предстал пред ними. Тысячи оставленных машин, набережная, укрытая химическим мусором, зелёно-голубые волны Невы, несущие трупы и пробитые баржи, огромные тени мутантов, питерские руины из кирпичей и камней – это Питер, детка! Облачная пелена висела над городом-героем. Небо оставалось мерзко свинцовым, но лучше такое, чем серый бетон метро. Лучи солнца понемногу выглядывали из облаков, но рассвета пока не было. Слишком жесток стал Бог для людей, укрыв детей своих в тумане и под ядерным грибком.

Обнимаясь с Питером, Денис кричал:

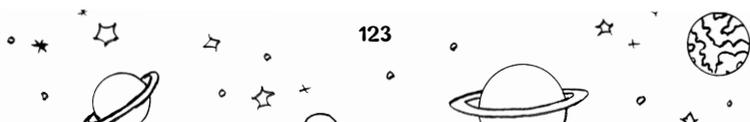
– Здравствуй, Пе-тер-бург!

– Светишься от счастья, – улыбнулся Илья, сняв противогаз и давая седым усам продышаться.

– Э-э! Ты че? Сдохнуть хочешь?

– Дай покурю спокойно! – Илья уселся на стул, задышав кислым воздухом и двадцатилетним табаком. – Я всегда дышу перед тоннелями этим ядовитым воздухом. Он настоящий. Просторный такой. А в метро это не воздух, и даже не жизнь. Мы дышим, чтобы просто жить, а не умереть. Как и жрём всякую дрянь, чтобы жить. И удовольствия от этого не получаем, только всё ради желания жить. Но зачем?

– Я думал, ты не куришь.

– Я курю, пью, дышу радиацией и колюсь морфином. Такой я здоровый! Ты думаешь, почему я это делаю? Я! Хочу! Умереть! Думал, я пропил то самое горе с потерей Лёшки? Хрен! Я издалбливался до смерти, но никогда не мог нажать на курок! Ни-ког-да!

– Нервный ты...

– Заткнись! Я убиваю себя медленной смертью, потому что силёнок нажать нет! Слабак! Я вижу всю мерзость мира! И не могу застрелиться!

– Может, ты любишь жизнь?

– Нет!

– Может, что-то удерживает?

– Нет!

– Я, вот, – Денис сел на второй стул, наблюдая за маленькими тенями пробегающих мутантов, – на Ладожской девушку любил. После бойни на Маяковской еле дополз туда в десять-то годков. Жил шесть лет, влюбился в девушку дозорного. Катька... На неё также положил глаз сын коменданта станции. Началась у нас вражда. Он приставал к ней, а я в защиту... Ну, выгнали меня на поверхность, где я потерялся в таком огромном пространстве, задыхался от такого живого воздуха. Был уверен, что незачем мне больше жить и пора задохнуться, но черта с два. Нашёл новый лучик света – будущее. Оно не светит почти, но это пламя в сердце!

– Да-а-а... Доставай фотик. Рассвет.

Денис представлял рассвет совсем другим. Этот был тусклым, серым, почти что ледяным. Не было в нём огня. Лучи ласкали лицо, но тепла и нежности не ощущалось. Денис не сразу, но понял – у рассвета красота не главное, главное – эмоции. Денис смотрел и ощущал надежду. Такую маленькую, такую тусклую и прозрачную надежду. Может, человек когда-нибудь ступит на поверхность уверенно?

– Щёлкнул? – спросил Илья, достав из мусора шестиструнную гитару. – А вот и презент мой для тебя. Наверное, му-

зыки ты не слышал кроме пьяных напевов алкашей? Прости за голос: будет немного хриловато. Я, как видишь, та ещё творческая натура. Хе-хе.

Пальцы коснулись струн. Мелодия разносилась по ветру, играя как будто для всего города. Голос запел:

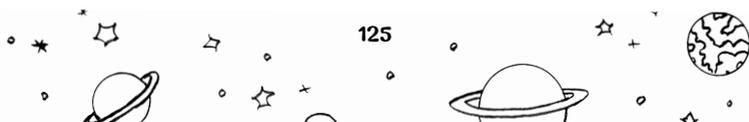
Зима укрыла сожжённый город,
И мы уходим подземным ходом.
Туда, где снег и белей и чище,
Туда, где время нас не отыщет.
И ты мой взгляд последний забудешь,
Но через столетье мой голос узнаешь.
Мы будем петь и смеяться, как дети,
Мы похоронены на Невском проспекте.

Денисом овладели мурашки. Он слушал, погружаясь в мир без солнца и надежды.

А в жерновах не мука, но порох,
И этот порох взорвётся скоро.
Ты нарисуешь круги на полу и на серых стенах,
Закроешь сына от взрыва телом.
И ты мой взгляд последний забудешь,
Но через столетье мой голос узнаешь.
Мы будем петь и смеяться, как дети,
Мы похоронены на Невском проспекте.

Илья пел, пронзая струны легко, чувствуя боль и наслаждение в груди.

Тебя ждёт поезд на том вокзале,
Меня никто не ждёт в Зазеркалье.
Меня уносят, ведут ко дну
Две рельсы, что сошлись в одну.

*И ты мой взгляд последний забудешь,
Но чрез столетье мой голос узнаешь.
Мы будем петь и смеяться, как дети,
Мы похоронены на Невском проспекте.
Мы будем петь и смеяться, как дети,
Мы похоронены на Невском проспекте.*

Песня надежды и отчаяния. Песня смеха и плача. Песня жизни и смерти. Песня будущего и прошлого. Песня питерских руин. Главное – не перепутать фонарь в тупике со светом в конце тоннеля.

– Знаешь, Дэн. – Илья натянул противогаз. – Время жить. Когда-нибудь мы будем жить здесь. В Ленинграде. Дома.

РАСШИРЕННЫЕ ГАРАНТИИ

Девушка напротив была очень любезна. И очень настойчива.

– Какие у вас сомнения, Гектор? – лучезарно улыбаясь, уже в третий раз повторила она. – Сотни тысяч людей в год берут ипотечные кредиты в банках, которые я представляю. И всё отлично проходит! И ведь немногие, всего около восьми процентов на Колдуотер-роуд, покупают за свои. Больше девяноста процентов покупателей берут ипотеку.

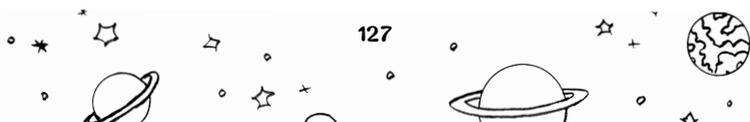
– Да-да, я понимаю, Элен, я всё это хорошо понимаю... – Гектор поёрзал в большом кожаном кресле, которое было настолько удобным, что усыпляло бдительность. – Но проценты кусаются.

– Да, проценты немного кусаются. Но вы посмотрите вокруг – именно за счёт процентов всё это уже завтра может быть вашим! – девушка обвела помещение рукой.

Они сидели в мансардном кабинете на третьем этаже большого, со вкусом меблированного дома посреди небольшой лиственной рощи. Гектор и яркая, симпатичная Элен заняли оба кресла напротив панорамного окна до пола, выходившего прямо под кроны молодых деревьев. В комнате мягко пахло деревом, кожей и слегка дурманящими духами девушки.

– Вы правы, Элен, – со вздохом согласился Гектор, погладив бархатистую кожу кресла. – Оно того безусловно стоит. Но с такой ставкой ежемесячный платёж мне не по зубам, – он с сожалением пожал плечами.

Девушка посмотрела на него, слегка наклонив голову, каштановая чёлка качнулась над карими глазами, и Гектору показалось, что в её взгляде мелькнула озорная искорка.

– Жарко здесь... – посетовала Элен, вставая. Покачивая бёдрами, она направилась к пульту климат-системы на стене. – Если позволите, я сделаю немного попрохладнее?

Не дожидаясь ответа, она цокнула по клавишам и той же, до жути привлекательной походкой прошла обратно. Улыбаясь и глядя Гектору в глаза, она опустила в кресло и изящным движением расстегнула пару верхних пуговиц плотно облегавшей тело рубашки. В послушно открывшийся вырез взгляд Гектора затянуло против его воли, словно магнитом. Или не так уж и против?

– Вам сегодня несказанно повезло, Гектор, – доверительно сообщила девушка. – Ещё на прошлой неделе у меня не было бы для вас этого предложения. Не уверена, что оно будет и на следующей неделе – оно, видите ли, экспериментальное.

– Что вы имеете в виду? – он почувствовал, как сердце забилось чаще.

– Один из моих банков-партнёров недавно предложил мне, как одному из ведущих посредников, попробовать новый вид договора, – Элен подалась вперёд, понизив голос, словно готовилась рассказать секрет. – Вы только представьте: ставка – втрое ниже, сроки кредита – какие угодно, без ограничений. С такими условиями вы могли бы позволить себе не только этот дом! – она подмигнула и снова откинулась на спинку кресла – вырез рубашки колыхнулся, мешая Гектору сосредоточиться.

– М-м-м... – промычал он, часто моргая. – А в чём подвох? Как это вообще работает?

– Нет никакого подвоха, Гектор, – мягко заверила Элен, в последний момент застенчиво поправив чуть было не отцепившуюся третью пуговицу. – Всё, что они просят взамен, – расширенные гарантии платёжеспособности. Больше ничего.

Гектор нахмурился:

– Какие ещё расширенные гарантии?

– Совершенно обычные, – пожала плечами девушка. Вырез подпрыгнул и попробовал всё же дожать третью пугови-

цу, – в части взыскания долгов, при условии, что вы не будете платить... Да не переживайте вы за это. Вы же не собираетесь, в самом деле, становиться неплательщиком?

– Нет, что вы, что вы, конечно, не собираюсь, – Гектор да же смутился.

– Ну так как, попробуем тогда его посчитать?

– Эх, – вздохнул он после секундного размышления. – А, была не была! Считайте!

– Замечательно! – азартно прихлопнула в ладоши девушка – и третья пуговица, сложив сопротивление, отскочила под стол.

Этого визита Гектор с замиранием сердца ждал уже вторую неделю. Он прикрыл глаза, глубоко дыша, чтобы успокоить нервы, дождался второго, более настойчивого звонка и пошёл открывать.

На пороге стоял щуплый мужчина в модном бежевом костюме и с официально-доброжелательным выражением лица.

– Мистер Томпсон, добрый день, – он учтиво поклонился. – Я Джерри Ричардсон, из страховой компании. Разрешите войти?

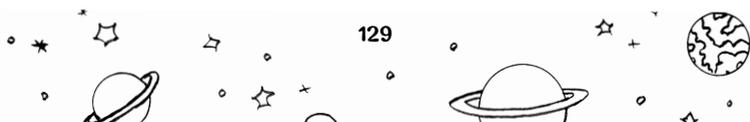
Гектор пробубнил какое-то приветствие и посторонился, впуская гостя. Бежевый костюм уверенным шагом вошёл и сразу же без приглашения уселся за единственный в маленькой и неубранной студии стол.

– Я хотел задать ещё пару вопросов по поводу инцидента с вашим домом, – сказал он, приглашающе указывая на второй стул.

Гектор медленно подошёл и сел. Он уже знал, какие вопросы ему будут задавать. Чёртова Мэри всё испортила...

– Да, прошу вас, – кивнул он.

– Начнём с самого короткого, – улыбнулся Ричардсон. – Мистер Томпсон, это вы подожгли ваш трёхэтажный дом на Колдуотер-роуд сорок восемь?

«Он точно записывает наш разговор», – подумал Гектор. А вслух возмущённо ответил:

– Как это понимать, мистер Ричардсон?! Я счастливо прожил в этом доме пятнадцать лет, тринадцать из которых – с моей женой и детьми! С чего вообще мне поджигать его?!

– Понимаю, понимаю, мистер Томпсон, – примиряюще поднял руки бежевый костюм, – мотив – важное условие, вы абсолютно правы! Как насчёт увольнения вас с высокооплачиваемой должности за служебный подлог? – его улыбка стала такой тёплой и понимающей, что Гектор даже встряхнул головой, размышляя, не наваждение ли это.

– Дело ещё расследуется, – угрюмо ответил он.

– Но ваш... гм... уже бывший начальник – хороший знакомый моего начальника, к слову, сказал по секрету, что там всё шито белыми нитками и что вопрос привлечения вас к ответственности не займёт и месяца...

Ричардсон ткнул пальцем в дисплей на его умных часах – и над ними засветился шар голографической записи. На ней начальник Гектора распекал того у себя в кабинете. Это как раз была их последняя неофициальная встреча, ещё без юристов.

– Да что он знает, тупой старпёр? – и без того воспалённые нервы Гектора выдерживали это испытание с трудом. – У меня хорошие адвокаты!

– Ну хорошо, хорошо, – легко согласился Ричардсон, – предположим, там вам не грозят выплаты миллионных компенсаций, которые требует этот, как вы выразились, «тупой старпёр». Но ведь новой работы у вас тоже нет уже третий месяц?

– Я неспешно ищу то, что мне будет действительно интересно, – буркнул Гектор, насупленно глядя в стол.

– О да, понимаю, – закивал его собеседник, – в такой ситуации в спешке действительно смысла нет. Особенно... как бы сказать точнее... с такими рекомендациями с предыдущего места работы. И главное – из прессы, – Ричардсон развёл руками.

Гектор только обжёг его взглядом, но в этот раз сумел промолчать.

– Ну, и вдобавок, как я понимаю, ваша жена уже больше месяца требует развода из-за вскрывшейся во всей этой кутерьме офисной интрижки, – не унимался бежевый костюм. – Она хочет забрать детей, насколько мне известно. Ведь вам на данный момент официально не на что их содержать. Судья будет на её стороне, вы же знаете, да? – он составил искренне заинтересованное выражение лица, словно действительно хотел знать мнение Гектора на этот счёт.

Всё было так. Всё до единого грёбаного факта. И как Гектор умудрился спустить свою жизнь в унитаз в считанные недели?

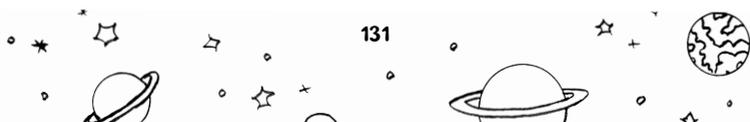
– Даже если это всё – правда, – мрачно процедил он сквозь зубы, – это не означает, что я сам поджжгу свой дом. И если у вас больше нет вопросов, я буду вынужден попросить вас уйти, мистер Ричардсон.

Гость снова обезоруживающе поднял руки:

– Всего один, всего лишь один вопрос – и я уйду, мистер Томпсон!

Он выключил голограмму и опёрся локтями на грязный стол, широко улыбаясь и словно не замечая, что пачкает свой модный костюм. Ублюдок явно получал удовольствие от процесса.

– Возле очага возгорания, в пристройке с садовым инструментом, мы нашли уцелевший кусок канистры из-под растворителя, – продолжил Ричардсон вкрадчиво, – А на нём – отпечатки пальцев, которые странным образом совпали с отпечатками одной известной вам дамы – вашей... гм... так сказать, особенно близкой коллеги Мэри Спрингфилд. Их мы взяли у неё со стакана в офисе в первый же день. Конечно, я сразу навестил её, чтобы побеседовать. Бедняжка и правда любит вас без памяти, Гектор! Можно я буду звать вас Гектор? Она держалась молодцом, долго, минут десять. А потом выложила весь ваш план, как на духу.

«Чёрт тебя дери, Мэри! Ну как сложно может быть запомнить, что надо надеть перчатки, когда идёшь на преступление?! Чёрт, чёрт, чёрт!!!»

Бежевый костюм снова потянулся к часам – включить ещё одну голографическую запись. Но у Гектора не было никакого желания смотреть на то, как ломают бедную глупую Мэри.

– Вопрос, мистер Ричардсон, – зло оборвал он, – какой у вас ко мне остался вопрос?

– Ах да, простите великодушно, – наигранно смутился гость, отдёргнув руку от часов, – с детства люблю поговорить, знаете ли, трудно избавиться от этого недостатка... Так вот, как вы понимаете, в такой ситуации мы будем вынуждены отказать вам в выплате, уж не обессудьте, – он изобразил лицом сочувствие и пожал плечами, словно желая сказать, что будь его воля, он бы не был так непреклонен. – И вопрос у меня к вам следующий.

Ричардсон откинулся на спинку стула и сложил руки на затылке, хрустнув затёкшими суставами. Расшатанный стул жалобно заскрипел, но его мучитель заговорил снова, только когда закончил потягиваться:

– Итак, что вы предпочтёте, мистер Томпсон: быть судимым за мошенничество и пойти в тюрьму или согласиться на какие-то двадцать пять миллионов компенсации, чтобы наша компания не подавала иск?

На смотровой небоскрёба этой июльской ночью было тепло, но ветрено. Это был не самый популярный небоскрёб Манхэттена. Во многом потому, что прямо над его крышей в воздухе крутилась голографическая реклама, то и дело закрывавшая вид. Зато людей тут было немного.

Толстый скучающий охранник, неумело скрываясь, пил пиво из бутылки, обернутой бумажным пакетом. Он больше смотрел в шарик над часами, где крутился уже пятый кряду клип популярной певички. Той самой, эпатажно выступавшей топless, в обтягивающих, едва ли что-то скрывающих ярко-

салатовых лосинах на голое тело. От каждого крупного плана охранник ухмылялся и цокал языком.

Низкобюджетный аттракцион. Эта смотровая площадка не имела никаких средств безопасности, кроме ограждения у края. Очень удобно для того, за чем Гектор сюда пришёл. Никто даже не обратил внимания, как он перебрался за невысокий стеклянный бортик, и наклонился вперёд, держась за край вытянутыми руками. Далеко внизу в четыре уровня над дорогой сновали машины.

«Хотя бы красиво умереть получится...», – сказал себе Гектор и горько усмехнулся.

– Сто-о-ой! Не делай этого, приятель! – услышал он за спиной вопли охранника. Ему, похоже, кто-то всё-таки показал пальцем на без пяти секунд суицидника.

– Не прыгай, чёрт тебя возьми! Только не в мою долбаную смену!

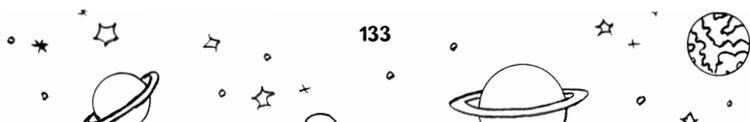
Гектор ухмыльнулся шире, и, бросив короткий взгляд на задыхавшегося на бегу толстяка в мятой форме, разжал пальцы.

«Пусть все эти чёртовы жёны, дети, начальники и компенсации пропадут пропадом. Наконец-то к нему придёт покой. Хоть и вечный».

Раскинув руки, Гектор проскочил хвост рекламной голограммы, висевшей над зданием, и, ускоряясь, устремился к огням у подножия небоскрёба.

Дорога вниз кратчайшим путём заняла куда меньше, чем он думал. Каких-то десять секунд – и Гектор с животным криком ударился в капот первой машины, попавшейся на пути. Потом, забрызгав салон кровью и много чем ещё, съёс стекло второй, с открытым верхом. А под конец увидел, что летит на крышу припаркованной на земле третьей – дорогому спорткару ярко-голубого цвета.

Последний миг падения почему-то растянулся на добрую секунду, Гектор успел услышать хруст собственных костей и

почувствовать, как его тело сминается о металлопластиковую крышу – а потом стало темно.

– Смотрите на свет, Гектор! Смотрите сюда, на свет! – глухо бормотал кто-то вдалеке.

Тёмно-серую пелену вдруг взрезал яркий луч, болезненно жгущий глаза. Вернее, один глаз. Кажется, левый.

«Правильно говорить "идите на свет", дубина!» – хотел поправить Гектор, но сумел лишь издать слабый стон.

– Он уже может говорить, доктор? – слышался смутно знакомый голос.

– Как видите, он пока даже глаза открыть не может, сэр, – раздражённо ответил ему другой, который просил смотреть на свет. – Зайдите не раньше следующей недели.

– Хорошо, доктор, в следующий понедельник я буду здесь как штык! – задорно воскликнул первый, после чего тот, кого назвали доктором, продолжил светить. Но Гектор уже устал бороться с резью в глазу и после недолгих попыток с облегчением нырнул обратно в уютную темноту.

Его пытались так разбудить ещё несколько раз, пока он, наконец, не почувствовал, что может двигать веками. Открыв их, Гектор долго пытался сфокусировать глаза, а когда получилось, увидел вокруг больничную палату со множеством непонятной техники. Где-то снаружи удалялись частые шаги, и кто-то кричал:

– Доктор, он проснулся! Нужно готовить следующий этап!

Ещё несколько дней ушло на то, чтобы восстановить двигательные функции. Не всё работало, как нужно. Например, говорить Гектор поначалу не мог совсем, руками двигал слишком резко и плохо контролировал пальцы. Но мало-помалу, продвигаясь по телу сверху вниз, за считанные дни они с доктором вернули ему базовые движения. Сам же Гектор с нетерпением ждал другого – момента, когда он сможет задать главный вопрос, мучивший его всё это время:

– Что я... здесь... делаю?! Я же... умер! – коверкая слова, выдавил он на пятый день, с трудом ворочая плохо слушавшимся языком.

– Вас введут в курс дела, – ответил ему угрюмый доктор. – Этот вопрос вне моей юрисдикции, простите.

На седьмой день Гектор снова услышал тот самый смутно знакомый голос, приближавшийся к нему из коридора:

– Ну что, доктор, с ним можно поговорить? – нетерпеливо, словно ребёнок, которому предстоял поход в Диснейленд, спрашивал он кого-то.

– Он вряд ли может поддерживать разговор, – отвечали ему. – Его мимика пока плохо работает, лицевые и ротовые мышцы почти не слушаются. Но пару слов он вам сможет сказать. Плюс он выслушает всё, что скажете ему вы.

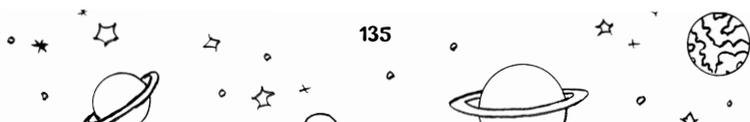
– Отлично! – обрадовался голос. – Большого мне на данном этапе и не надо.

Уже в следующую минуту перед Гектором, сияя белоснежной улыбкой, сидел щуплый мужчина в модном бежевом костюме.

– Мистер Томпсон, вы меня помните? – спросил он и тут же, не дожидаясь ответа, на всякий случай напомнил. – Я Ричардсон, из страховой компании, мы с вами беседовали не так давно, а потом подписывали досудебную мировую, помните же?

Гектор не очень помнил. Память к нему возвращалась сплохами и хаотично. Вот голос щуплого был смутно знакомым и почему-то вызывал сугубо неприятные ассоциации.

– Это ещё до того, как вы так опрометчиво попытались покончить с собой, мистер Томпсон, – уточнил тот. – Но вам крупно повезло! Ваш мозг выдержал это испытание стойко! И всё потому, что вы, Гектор, как разумный человек, выбрали очень правильное авто для приземления. Этот Ягуар стоил целое состояние! Там было много разных систем безопасности, которые вы активировали, упав на крышу. Смерть, конечно, пришлось констатировать, но зато вы сохранились достаточно хорошо, чтобы вот эти прекрасные молодчики, – Ричардсон об-

вёл комнату взглядом, – сумели вас собрать по кусочкам и восстановить! Ну не чудо ли, Гектор?

Щуплый искренне всплеснул руками в восхищении:

– Вас, само собой, пришлось немного доработать: кости там и здесь заменить, части тела некоторые роботизировать и прочее. Но теперь вы будете как новенький! Только не забывайте проходить ежегодное обслуживание. Ну, за это не беспокойтесь, – он махнул рукой, – вы же теперь – собственность одной из наших дочерних компаний, мы будем вам напоминать, можете на нас рассчитывать!

– Соб... ствен... ность?.. – выдавил Гектор, не веря своим ушам.

– Ну да, нам же банк, как основному выгодополучателю, передал все ваши долговые обязательства, теперь у вас в... гм... жизни всё очень просто – вы должны примерно тридцать пять миллионов, но только нам, больше никому. Ведь так же намного лучше, больше ясности! А, ну и ещё дополнительные двенадцать миллионов, чуть меньше, за эту, надо сказать, достаточно сложную операцию, которую вам тут организовали местные гениальные умы. И полмиллиона – за Ягуар, он ведь, знаете ли, не чей-нибудь был, а...

– Соб... ствен... ность?!.. – перебил Гектор, чувствуя, как в ушах начинает бить повышающийся пульс.

– Да-да, Гектор, вы молодец! Схватываете на лету! – подтвердил, энергично кивая, Ричардсон. – Помните то дополнительное соглашение с гарантиями в кредитном договоре на ваш сгоревший дом? Вот по нему вы и попали к нам в собственность! Не как человек, упаси Боже, это было бы рабовладением, жутким архаизмом! Наше общество, само собой, выше этого! Но как актив, биоробот искусственного происхождения, сделанный из трупа. Понимаете? Вы как бы живой, но... не живой. Особенно если официально... Хитро придумано! А? – щуплый довольно подмигнул. – И, конечно же, не навсегда, мы же не изверги! Всего лишь на время, пока не отработаете долг.

– Сколько?.. – выдохнул Гектор, слабея.

– Ну-у... Это зависит от выполняемой работы... – замялся щуплый. – Вы первый такой с момента, как лоббисты пробили нужную дырку в законе. Никто ещё ничего не знает. Пока есть планы на сравнительно низкооплачиваемую деятельность. Если по таксе семь в час да вычесть затраты на содержание... Часов по восемнадцать-девятнадцать в сутки – спать вам много сейчас не нужно. Если без отпусков – какие уж тут отпуска? Будет... – он прищурился, прикидывая в уме, – где-то тысяча четыреста лет, плюс-минус! – наконец, просиял бежевый костюм. – Извините ради Бога, у меня с устным счётом никогда хорошо не было.

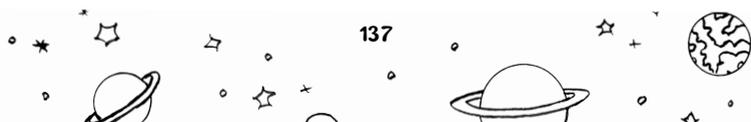
Но Гектор его не слушал. Он уже обмяк и начинал спасительно терять сознание. Он не знал и не хотел знать, как его собирались поддерживать в живых тысячу четыреста лет. У него был свой план на этот счёт.

После четырёх месяцев реабилитации Гектор подписал свой первый «контракт». Правовой статус «воскрешённых» (как потом стали называть таких как он) был ещё в серой зоне, а потому с ним на всякий случай заключили договор. При попытке отказать его обрабатывали электрошоком, пока он не подписал.

Когда Гектору в трясущиеся руки дали ручку поставить росчерк на последней странице, он попробовал себя убить в первый раз. То есть во второй.

К его большому сожалению, в прошивке кибернетических частей его тела это было предусмотрено – острый стержень за мер в миллиметрах от его глаза. Дальше руки отказывались её толкать. Ричардсон чуть не лопнул со смеху, глядя на попытки Гектора всадить его именную ручку себе в глаз. В отместку Гектор разломил ручку надвое в пальцах, моментально получив дополнительную сумму к своему долгу.

Это была далеко не последняя попытка. Но только двадцать четвёртый подход к этой, как оказалось, непростой задаче получился удачным.

Гектор быстро смекнул, что его кибертело реагирует на пульс, уровень гормонов, мысли и многое другое, блокируя все действия, которые могли бы нанести ему вред. Ему пришлось сначала превратить попытки самоубийства в рутину, чтобы совершенно ничего не чувствовать. Потом разобраться, где границы у анализатора мыслей, чтобы всё-таки обдумывать планы, ступая по грани обнаружения. А потом он подстроил себе самому ловушку.

На уборке отходов, куда его поставили, он нашёл хлипкое место в ограждении шахты сброса очищенных вод в море. Потом, словно случайно, практически ни о чём не думая, щедро разлил там масло. А потом прошёл по нему и поскользнулся.

План сработал на ура – хлипкий проржавевший заборчик проломился под его весом, и Гектор полетел в шумный и вонючий поток воды, которая по документам была пригодной не только для сброса в море, но и для питья.

Он пришёл в себя в том же медицинском центре, что и в первый раз. Над ним склонились две медсестры, а на стуле напротив, зажимая нос, сидел Ричардсон.

– А вы упорный, Гектор! – похвалил он. – И как всё хорошо подстроили! Мы вас, признаться, еле достали оттуда. Хорошо, что быстро среагировали. Полгорода пришлось без канализации оставить на час. Вы представляете, как это дорого? Вашу бы энергию, да в созидательное русло...

– Созидательное русло на уборке отходов? – угрюмо осведомился Гектор. – Вы, Джерри, всё так же с чувством юмора.

Двадцать седьмая попытка тоже увенчалась успехом. Гектор снова сумел неуклюже ступить – и завалился в измельчитель металлолома. Он метил упасть головой вперёд, чтобы сперва разобраться с главным, что его держало в этом мире, – живым мозгом. Но не мог об этом целенаправленно думать, а потому сплеховал – в измельчитель втянуло лишь нижнюю часть его тела по грудь.

Через пару десятков секунд адской боли в пережёванных машиной живых фрагментах он всё же испустил дух. Но потом вновь проснулся на кровати медицинского центра под аплодисменты Ричардсона.

В следующие двадцать лет он не останавливался – попытка за попыткой Гектор пробовал всё возможное. Но уже начали появляться другие «воскрешённые» бедолаги, и их хозяева со-обща научились избегать рисков.

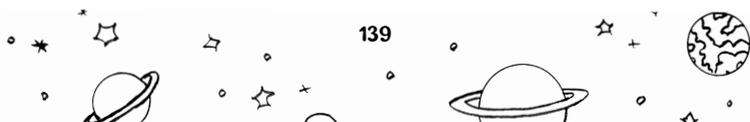
Гектор старался быть максимально изобретательным, но за двадцать лет смог «убить» себя всего дважды, да и то – неаккуратно. Мозг выжил оба раза. А тело после измельчителя уже было полностью роботизированным. Поэтому он даже не умер, а просто отключался, словно какой-нибудь тостер.

Седеющий Ричардсон периодически навещал Гектора, хоть в этом и не было нужды. Просто чтобы поупражнять на нём свой колкий юмор.

А потом Гектор, на правах «первого из воскрешённых», попытался устроить Революцию Живых Мертвецов. Они придумали это броское название узким кругом в семеро заговорщиков. Но дальше идеи дело не пошло – их тут же раскрыли смотрители отрядов, как раз в момент обсуждения того, как можно обойти блок нанесения вреда людям... Каждому было назначено по неделе электрошока, что очень надолго отбило всё желание затевать восстания.

Гектор почти потерял счёт времени. О проходящих годах он обычно узнавал от Ричардсона. Тот при встрече хвалил по поводу неплохого прогресса, а потом подначивал, что даже инфляция работает на погашение долгов Гектора быстрее, чем он сам. На пятнадцатый год, правда, шутить об этом перестал, когда были приняты поправки в закон, введившие индексацию долгов с учётом «неконтролируемого удешевления денег».

Но вот как-то Гектор заметил, что Ричардсон, наносивший визиты минимум раз в год, в этот раз почему-то задерживался.

Ещё через несколько недель ему сообщили, что всё-таки пришёл какой-то посетитель. Но имени не назвали.

Гектор разволновался, думая, что его, может быть, пришёл повидать кто-то из подростков детей или состарившаяся бывшая жена. Ну или хотя бы Ричардсон решил разбавить уныние одинаковых дней своими подколами...

Посетителем оказалась строго одетая женщина с бесстрастным лицом.

– Вы мистер Гектор Томпсон, актив номер сорок девять ноль ноль один компании Хэндворк Индастриз? – официальным тоном спросила она.

– Да, это я, – заинтересованно ответил Гектор.

– Вы знали мистера Джеральда Ричардсона?

– Я знал его, всё верно. А в чём дело?

– Он оставил вам наследство.

Гектор опешил.

Во-первых, Ричардсон умер. Это не только не укладывалось в голову, но и почему-то странным образом тяготило его. Не будет больше жестоких шуток. Не будет регулярных встреч, важное значение которых в его пост-жизни он начал осознавать только сейчас...

Во-вторых, Ричардсон оставил ему наследство! А значит, он, оказывается, не был таким уж уродом.

– И что же конкретно причитается мне от мистера Ричардсона? – ошеломлённо спросил Гектор.

– Сто сорок тысяч на заблокированном счету.

– Ого! – удивился он ещё больше. – Прекрасно! И очень щедро с его стороны! Могу я зачесть это как частичное погашение моего долга?

– Нет, не можете. В условии разблокировки счёта сказано, что вы не должны иметь никаких долгов на момент снятия денег.

Гектор расхохотался. Ричардсон умудрился зло пошутить даже после смерти. Выдав ему «подъёмные»! Через две тысячи лет, когда они ничего не будут стоить. Или...

Он вдруг перестал смеяться.

– Мэ-эм, соблюдён ли закон о конфиденциальности объявления меня наследником? – осторожно спросил Гектор.

– Да, конечно. Я, как представитель закона, запросила отключение всех камер в этой ком...

– Прекрасно! – перебил Гектор. – А есть ли у вас лист бумаги и ручка, мэ-эм?

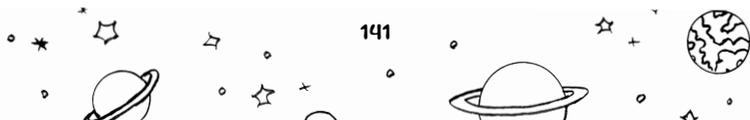
Уговорить её попробовать оказалось проще, чем он думал. Сто сорок тысяч за один час всё-таки были хорошими деньгами. Пусть и пришлось бы повозиться, чтобы их получить. Гектор написал дарственную на имя посетительницы. За небольшую долю суммы (неофициально, конечно) ей разблокируют наследственный счёт уже сейчас. А взамен он попросил о совсем небольшой услуге, достав спрятанные в шарнирах руки листок с инструкцией и отвёртку.

На пути к нужному проводу представитель закона провизилась минут пятнадцать. Ещё через десять присевший у стены улыбающийся Гектор потерял сознание. А ещё через час, когда посетительница в условленное время покинула комнату, а камеры включили, мозг Гектора было уже не восстановить. Последняя живая часть его тела умерла навсегда.

– Эй, эй, мистер Томпсон! Смотрите сюда. Да-да, сюда, сейчас привыкнете, не волнуйтесь. Всех немного штормит в первый раз, – щуплый человек в бежевом костюме посреди пустой бежевой же комнаты энергично махал руками, показывая, куда нужно смотреть. – Добро пожаловать в комнату выбора! – расплылся он в улыбке, когда Гектор всё же смог повернуть к нему взгляд.

– Ричардсон?! – не поверил он своим глазам. – А вы здесь откуда?!

– О-о-о, дорогой Гектор, правильным для вас сейчас было бы спросить «где мы?», – пропел Ричардсон и тут же добавил, – но не волнуйтесь, я вам сейчас расскажу всё, что необходимо знать!

Ощущения от комнаты и правда были странными. Во-первых, в ней не было ни окон, ни дверей. Во-вторых, она была какой-то уж слишком простой, с идеально ровными стенами, с простым чёрным столом и двумя стульями. Словно не настоящей... Ну а в-третьих – в ней не было запахов.

– Мы с вами находимся там, где нам и положено быть – в виртуальном мире, мой друг, – торжественно сообщил Ричардсон. – Вы же не против, если я после всех этих лет буду называть вас другом, Гектор? – тут же уточнил он. – Я, знаете ли, по вам даже немного скучал...

– Называйте, Джерри, как угодно, – Гектор начал понимать, куда и, главное, как попал. И это нравилось ему всё меньше с каждым мгновением.

– Вот и прекрасно! – просиял его неизменный визави. – Итак, мой друг, вы даже не представляете, сколько всего произошло за время, пока вы были в отключке! Например, в позапрошлом году мы бы с вами отметили пятьсот лет с начала нашего плодотворного сотрудничества. Как вам, а?

– Пятьсот лет?.. – прищурившись, эхом ответил Гектор. – Зачем я здесь, Ричардсон?

– Не спешите, умоляю, вы всё узнаете! – заверил тот. – Да и плюс – в этой виртуальной реальности у нас уйма времени, на что угодно хватит...

– Я не знаю, на сколько времени с вами в одной комнате хватит меня, – мрачно отозвался Гектор.

– Хорошо, хорошо, будь по-вашему. Я буду краток, клянусь! – пообещал Ричардсон, положив руку на грудь. – Итак, за пятьсот лет много чего произошло, как вы можете предположить. Столько дебатов о «воскрешённых» вроде вас, столько дебатов... Даже три амнистии делали, можете себе представить? Жаль только, вас это не затронуло, потому как вы, дорогой Гектор... гм... успели к тому моменту сменить статус. Теперь вы, как и ваш покорный слуга, собственно, – электронная личность! Звучит, а?

– Нет, – честно признался Гектор.

– Вот и я думаю, что могли бы что-то более инклюзивное придумать, – не стал спорить Ричардсон. – Ну, да не в этом дело. Главное, Гектор, в том, что недавно приняли закон: корпорации больше не могут владеть воскрешёнными должниками безгранично. Теперь у таких, как вы, гораздо больше прав! Особенно, что касается трудоустройства. Есть, конечно, определённые ограничения – нельзя работать ни с реальными людьми, ни с представителями любых других рас Вселенной, только с такими же электронными личностями... Но главное – теперь совершенно у всех, включая вас, есть обеспечиваемый законом выбор! Справедливо, не так ли?

Он воздел указательный палец к бежевому ненастоящему потолку:

– Это открыло вам столько горячих вакансий... Просто вал! Мы вот теперь всех должников... гм... размораживаем. Даже меня, как в прошлом эксперта по «воскрешённым», из банка электронных слепков достать пришлось. Вот, тоже при деле теперь... – Ричардсон развёл руками.

– Что за вакансии, Джерри? – Гектор понял, что эта система с него не слезет. И что выход теперь есть только один.

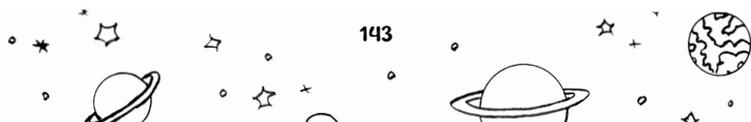
– О-о-о! Выбор богатый, мистер Томпсон! – Джерри Ричардсон был действительно искренне рад вновь вернуться к работе балаболом. Это Гектор видел ясно.

На чёрном столе внезапно возник толстый журнал с надписью «Работа» на обложке.

– Вот, смотрите, Гектор, – Ричардсон пробежал пальцем по страницам. На них были видны многочисленные пометки. – Я исповедую индивидуальный подход во всём. Специально для вас я уже подобрал несколько отличных вариантов. Но начать разговор предлагаю вот с какой...

Он даже поёрзал на виртуальном стуле от нетерпения.

– У вас, как я помню, оставалось примерно полторы тысячи лет выплат с вашей тогдашней ставкой. С тем же вариантом, ко-

торый предлагаю я, ставка будет в сорок раз больше! В сорок, Гектор! Какие-то тридцать семь лет – и вы будете свободным... гм-гм... свободной, как ветер, электронной личностью!

– В сорок раз? – не поверил Гектор.

– В сорок, мистер Томпсон, именно так! – энергично закивал Ричардсон. – Лучший вариант в списке! Чтобы не тратить понапрасну ваше время, дорогой друг, – располагающе заулыбался он.

– Окей, что за работа, в чём подвох?

– Подвоха никакого нет, Гектор, что вы! Это же не кредитный договор с мелким шрифтом, в самом деле! Просто специфика работы такова, что компенсация заслуженно высокая...

– Что за работа, Ричардсон?

– Центр отдыха «Межгалактический кот», престижное заведение, зарекомендовавшее себя ещё два века назад, – начал Ричардсон, но как-то сразу запнулся и смутился. – Это... гм-гм... как бы сказать... курорт утех сексуального характера для определённого спектра инопланетных рас. Гм... В реальном мире, в реалистичном теле, близком по физическим ощущениям к человеческому, – Ричардсон даже втянул голову в плечи, ожидая реакции.

– Не может быть и речи, – сразу же отрезал Гектор. – Какой следующий вариант?

– Следующий вариант не может предложить такой привлекательной ставки, – грустно протянул Ричардсон. – Всё, что дальше, раз в десять-двадцать меньше... Мы говорим о восьми сотнях лет против сорока, мистер Томпсон. У «Кота» – своего рода эксперимент, набирают только электронщину, гм... простите, электронные личности, чтобы сделать новую секцию, где за определённую сумму можно совсем всё. Их завалили заявками со всех звёздных систем, вот теперь они, следуя за спросом, запускают пилотный проект. Там всего мест пятнадцать пока, не уверен, что, если откажетесь, смогу вас так же хорошо пристроить куда-то ещё в скором времени...

– Что значит «совсем всё»? – подозрительно прищурился Гектор.

– Ну-у... – замялся Ричардсон, – то есть вообще всё! Жёсткий секс, убийства, пытки и всё такое... Но вы не переживайте так. Сеансы планируют делать всего по часу, а после каждого вас будут загружать в новое, совершенно неповреждённое тело!

– Нет, это бред, Джерри, – отмахнулся Гектор, обескуражено моргая, – я на такое никогда не пойду...

– Я понял, я всё понял, мистер Томпсон, – поднял руки Ричардсон. – Это и правда сложно – согласиться на подобную вакансию. Можете мне не верить, но я говорил этим бездушным капиталистам, что все будут реагировать именно так, как вы сейчас! Говорил же! – он с досадой потряс кулаками над столом. – И именно поэтому они согласились дать мне больше свободы в переговорах.

Виртуальный бежевый пиджак даже не смялся, когда он опёрся локтями на стол и подался вперёд:

– Что вы скажете, если только для вас, пока у меня есть на то данный мне бюджет, я повышу ставку в два раза? – Ричардсон смотрел Гектору прямо в глаза, вкрадчиво и как будто даже умоляюще.

Гектор, нахмурившись, пожевал губами, но ничего не ответил.

– Меньше двадцати лет работы! Вместо восьмисот!

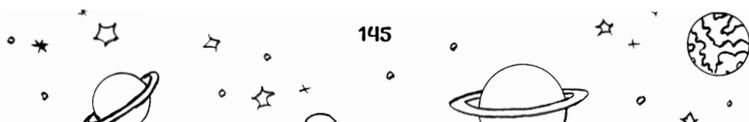
Гектор молчал. Он представлял себе, как в комнату, пахнущую деревом и кожей, входит девушка в облегающей рубашке. Она медленно расстёгивает одну пуговицу за другой, призывно глядя ему в глаза, пока не добирается до ажурного пояса на юбке. Подмигнув, она распахивает рубашку... а потом вдруг выхватывает из-под неё нож и с поволокой на глазах выпускает Гектору кишки. Конец сцены.

Он вздрогнул.

Двадцать долгих, очень долгих лет работы.

Вместо восьмисот.

И как же можно было так умело спустить свою жизнь в унитаз?.. Даже ту, что после смерти...

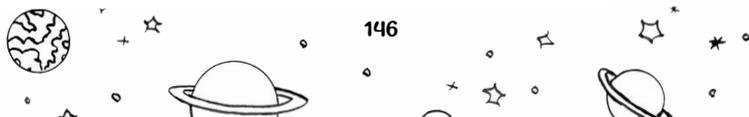

– Вот что, Ричардсон, даже за две ставки это – безумие, – сказал Гектор, прожигая ненастоящий бежевый пиджак виртуальным взглядом.

Он отвернулся и посмотрел в пустоту, поджав губы.

Наконец, со вздохом скривившись, он стиснул столешницу и поднял на Ричардсона горящие глаза:

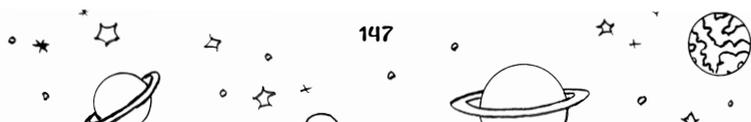
– Минимум три ставки и один выходной в неделю.

ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ

Резервация истинных людей встретила меня холодным морским ветром и моросящим дождем. Я отошёл от посадочной площадки буквально на несколько метров, а под ногами уже хлюпала глина. Увязая, я поднялся по тропинке на вершину холма, где у меня была назначена встреча с одним из руководителей общины Истинных Людей, священником Центрального острова. Одноглазый хилый служака не впустил меня внутрь церкви, так как священник был занят в исповедальне. Ждать я не любил, хотел быстрее справиться с заданием, но подчинился и остался под козырьком небольшой двухэтажной церкви, укрывшим меня от дождя.

Конечно, будь я в Буэнос-Айресе, я бы подключился к Сториджу, почитал что-то или посмотрел новинки короткометражек. Здесь же, у ИЛов, я мог только вертеть головой вокруг себя, рассматривая однообразную дубовую рощу. Я дышал свежим воздухом, от которого у меня немного кружилась голова, и анализировал свои ощущения. Ощущения были приятные: я любил прохладу, тишину, одиночество и морской воздух, который смешивался с запахами рощи. Через некоторое время из церкви вышел худой мужчина с заплаканным лицом. Он шарханулся от меня в сторону, видимо, поняв, что рядом с ним НоЛ, и быстро пошёл по тропинке вниз холма. Его клетчатый пиджак замелькал между ветвей и пропал из виду. Местные жители суеверно боялись киборгов, и я деликатно отвернулся, посмотрев на вышедшего мне навстречу священника. Высокий седой старик выглядел сосредоточенным и немного расстроенным: мой приезд он воспринимал как неизбежное зло.

– Это Центральный храм церкви Второго Пришествия, – сказал он, показывая зачем-то на купол, расписанный изнутри странными изображениями детей с крыльями, – а я её пастырь. Называйте меня Отец Лазарь.

Я вошёл за ним в прохладную глубину и поразился, что при обилии узких окон в помещении царит сумрак. Наверное, окружавшая церковь дубовая роща скрадывала свет.

Мы сели на скамью рядом, и я начал с главного:

– Меня зовут Антон 1246890LOTR, я прибыл в резервацию с целью сбора информации об убийстве Бертрана 5477891IMGL. И вы, как один из руководителей общины ИЛов, должны оказать мне всяческое содействие.

– Мне сообщили о вашем прибытии и о ваших полномочиях. Поскольку вы здесь впервые, то прошу запомнить, что здесь мы обращаемся друг к другу по именам, а резервацию называем Архипелагом, – сообщил Отец Лазарь, сложив кисти рук в замок, потирая друг о друга большие пальцы, – уважайте наши обычаи. Вы же прибыли частным порядком и можете рассчитывать на наше содействие исключительно потому, что мы добры и нам нечего скрывать от НоЛов.

Такого приёма я и ожидал, потому просто кивнул в знак согласия с собеседником и перешёл к делу:

– Расскажите о жизни Бертрана после его приезда на Архипелаг, – начал я.

– Я мало с ним общался, он, по понятным причинам, не был моим прихожанином. Бертран сопровождал крупную партию медикаментов с Материка на Архипелаг, и в нарушение пакта не пожелал возвращаться обратно. За последние пятьдесят лет это был единственный киборг, поселившийся у нас. Сами знаете, сколько переговоров провёл Совет Священников с Мировым Правительством Новых Людей – или НоЛов, как вы любите себя называть – по вопросу Бертрана. ИЛы противились тому, чтобы среди нас жил киборг, но в итоге нас убедили. Его отец, видимо, имеет большое влияние на Мировое Прави-

тельство. Кто знает, может, если бы Бертран не остался у нас, его жизнь была бы долгой и счастливой? – Отец Лазарь умолк.

– Расскажите, что вам известно об убийстве Бертрана.

– Это очень странная история, до конца не понятная мне. Сначала он поселился в посёлке Куриный Бог, но жители его чурались. Единственная, кто общалась с ним, была дочь утонувшего рыбака Гильда. Вскоре в округе заметили, что Гильда и Бертран ведут себя, как пара. Это ещё сильнее разгневало жителей, поэтому они ушли в горы и поселились возле маяка. Именно от Гильды смотритель маяка узнал об убийстве и сообщил по радиопередатчику мне. Я приехал и убедился в том, что Бертран мёртв, а Гильда... – священник перехватил дыхание от волнения, – она сошла с ума.

– Когда вы сообщили о его смерти НоЛам? – решил уточнить я.

– На утро следующего дня я передал сведения в Центр Информации НоЛов.

– Здесь что-то не сходится, Отец Лазарь, – сообщил я священнику свои соображения, – на Материке узнали о смерти Бертрана примерно полгода назад – 13 марта 2224 года. Получается, вы вначале скрыли убийство Бертрана, но через полгода зачем-то сообщили о его смерти? – уточнил я.

– Это какая-то ошибка, – убеждённо сказал Отец Лазарь, – тело до сих пор не захоронили, можете убедиться, что лгать у нас нет никаких оснований.

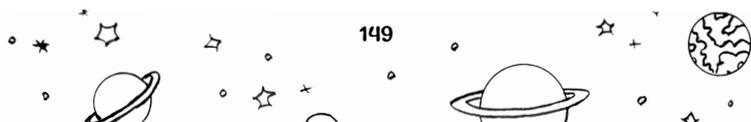
– Что же сказала Гильда?

– Она крикнула мне: «Я разбила его на части, как глиняный горшок!» Думаю, что в неё вселился бес, мне пришлось её изолировать в больнице.

Я поторопился закончить допрос, видя, что и Отец Лазарь испытывает нетерпение.

– Я могу осмотреть тело и поговорить с Гильдой?

Отец Лазарь кивнул и поднялся, показывая жестом на выход:

- Поедем вместе после службы и ужина.
- Я не тороплюсь, с удовольствием побываю на проповеди.
- Боюсь, прихожане не будут рады новому киборгу, особенно после смерти Бертрана. Но снаружи висит громкоговоритель, проповедь будет там слышна.

Отец Лазарь отклонялся и вернулся в храм, а я удалился по тропинке в глубину рощи и сел на одну из скамеек. Того, что случилось с Бертраном, я пока не понимал, потому что любой НоЛ физически крепче ИЛа, а мужчина – заведомо сильнее женщины. И если Гильда любила своего жениха, то почему она решилась на убийство? Привело ли к преступлению её сумасшествие, или была другая причина? На все эти вопросы я должен был найти ответ. Ненависть ИЛов к НоЛам – ещё не повод для убийства конкретного человека, даже если он кажется ИЛам киборгом или другим порождением ада. Но отец Бертрана настаивал на расследовании, а я не был доволен своим МСО (минимальное содержание образованного), поэтому оказывал время от времени различные услуги, в том числе занимался поиском информации. Защита Пакта не распространялась на НоЛов, решивших покинуть материк, их гибель не расследовалась властями, а убийца не подлежал выдаче. Но Пакт позволял вести частное расследование и требовать привлечения к суду ИЛов убийцу НоЛа по законам ИЛов. Но как вести расследование в мире ИЛов, где нельзя заставить людей говорить правду, где тебе уже подсунули установленного местными властями убийцу? Здесь нет чипов, информацию с которых можно считать, поэтому оперировать придётся только неоспоримыми фактами. Осталось самое сложное – определить, какие из сведений являются фактами, а не подделкой.

За неимением другого занятия я рассматривал прихожан, которые шли по тропинке в церковь. До своего приезда сюда я представлял ИЛов кем-то вроде кроманьонцев – волосатыми, с глупыми лицами. В моем мире телу придавалось огромное значение, поддерживать себя в здоровой форме помогал чип,

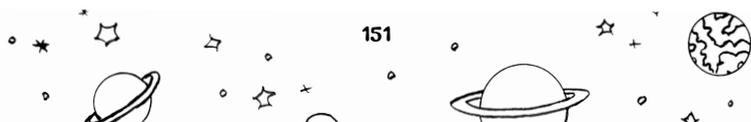
здесь же люди были худощавы, выглядели изнурёнными тяжёлой работой. Красивых людей я не заметил. Наверное, ИЛы быстро старились, я видел много пожилых людей и с интересом смотрел им вслед. Но тут мой взгляд остановился на молодом одноногом мужчине, который опирался при ходьбе на два деревянных приспособления, которые он сунул себе подмышки. Рядом шла маленькая девочка в красном платице и что-то жевала. Мужчина, видимо её отец, отчитывал малышку за то, что она идёт в церковь с набитым ртом. Внезапно меня охватило непонятное, ранее не испытанное чувство, которое можно было назвать завистью. У этого калеки была дочь, а у меня не было и не могло быть.

С испорченным настроением я поднялся со скамейки и ушёл вглубь рощи и там наткнулся на ежа. Благодаря базовому и дополнительному образованию я знал, как выглядят ежи, и что они не охотятся на людей. Мне захотелось его потрогать, тем более что это было бесплатно, но ёж со мной не согласился. Он фыркнул и спрятался в кустах.

Из громкоговорителя до меня доносились обрывки проповеди. Я ожидал, что в ней Отец Лазарь будет клеймить позором НоЛов, скажет что-то о неразумном киборге Бертроне, но священник говорил о бесах, которые подстерегают ИЛа повсюду.

По окончании службы и скудного вегетарианского ужина мы отправились на электрокаре с высокими колёсами по сумеречной дороге в посёлок Куриный Бог.

До приезда к месту происшествия у меня было всего три факта: дата смерти Бертана 13 марта, сообщение о смерти НоЛА в Информационный Центр 09 июля и подозреваемая в убийстве Гильда. Никому из местных я не доверял. По понятной причине в раздумьях я провёл беспокойно эту ночь. Наутро я осмотрел бухту и посёлок, и они показались мне не интересными. Своим названием это убогое место было обязано повсюду валявшимся камням, в которых едкая морская вода выточила отверстия. В крепких низких хижинах жили преимущественно рыбаки,

спокойные и неразговорчивые. На мои вопросы о Бертроне они качали головами и только отвечали односложно: «Беда какая!» или «Промысел божий людям не понять».

Здесь, на краю острова, где когда-то вначале поселился Бертран, меня ждало разочарование: я ничего о нём не узнал. Одна женщина показала мне дом врача, единственное каменное строение в этой части острова, и сообщила, что Бертран с женой какое-то время жили в услужении местного доктора Константина, но потом ушли на другую часть острова. Я постучал в дом врача, но служанка сказала, что тот уехал на Центральный остров ещё вчера. На расспросы о Бертроне она сказала лишь: «Киборг – он и есть киборг. Все беды от киборгов: и нищета наша, и болезни», – а потом захлопнула дверь.

Я видел, что об убитом никто не горюет, о Гильде говорят с презрением, меня сторонятся, а Отца Лазаря встречают с радостью. К нему выбегали дети, просившие благословения, выходили женщины, угощавшие ягодами, рыбой и лепёшками. Он подолгу беседовал со стариками, иногда обнимая прихожан за плечи.

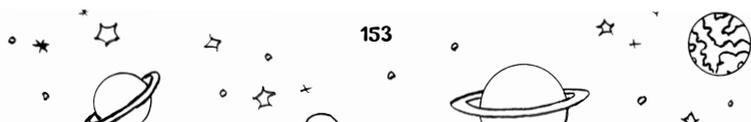
Когда я попросил Отца Лазаря отвезти меня в морг, он спохватился и сказал, что морг находится на Центральном острове, откуда мы прибыли по дамбе, и, чтобы посмотреть на тело Бертрона, нужно вернуться обратно. Когда же я спросил о Гильде, то священник сказал, что больница находится там же. Рассердившись, я спросил, для чего меня привезли в эту глушь, где я потерял целый вечер, тогда как мог осмотреть тело? Отец Лазарь простодушно ответил, что это было его ошибкой. Действительно, можно было бы начать следствие с Центрального острова, а он решил, что я предпочёл бы сначала осмотреть место происшествия и поговорить с местными жителями.

Я нагрубил священнику в ответ и потребовал от Отца Лазаря его электрокар. Священник с покаянным видом отдал мне автомобиль, и я в одиночку направился на скалистую окраину острова, к маяку. Сверяясь по топографической карте, я доби-

рался до искомой точки почти два часа. Моя дорога то захватывала край леса, то петляла вдоль побережья неласкового моря по каменисто-песчаной пустоши. Я изрядно запыхался, немного устал, но в целом мой опыт был неожиданно приятным. Забыв о чрезмерно опекавшем и путавшемся под ногами священнике, я поймал себя на мысли о том, что никогда столько времени не проводил в одиночестве. В моем родном Буэнос-Айресе, копии города Земли, невозможно быть одиноким. Красота Буэнос-Айреса, как и многих других наших городов, была функциональна и осмысленна, ведь трём миллионам жителей надо было сосуществовать на десяти квадратных километрах суши, используя «и то, что над, и то, что под». Максимум одиночества можно было получить, заплатив баснословные деньги за право побыть в отдалённом заповеднике на горном кряже. Но чаще использовался дешёвый вариант – непрозрачная капсула с морским или лесным компонентом. Здесь же я ехал по безлюдному берегу, тревожа крикливых чаек, похожих на аниматронов. Я вдоволь дышал свежестью простора, ветер путал мои волосы, куртка надувалась как головной мешок дрофы. Я громко запел, радуясь, что никто не слышит мой голос. Свернув в лесок, я засмеялся, потому что увидел, как пугливая косуля неожиданно выскочила передо мной и так же быстро шмыгнула обратно. Несколько раз я вспугнул стайку бабочек, сидевших на каких-то белых зонтичных. По серым рябым волнам в сторону посёлка плыла лодка, но довольно далеко от меня. Я помахал рыбакам рукой, хотя не был уверен, что они видят меня.

Когда поутих мой детский восторг от ветреного раздолья, ко мне вернулись мысли о Бертроне. Я знал его шапочно по общим знакомым, и один раз мы встречались с ним на перепрошивке в Информационном Центре, когда в нашем районе «полетела» вышка транслятора. Я нервничал, мне не хотелось получить сбой в иммунитете или ещё какую-нибудь непредвиденную проблему, а вот Бертран был спокоен. Его чип был высококлассным и дорогостоящим, поэтому перепрошивка заняла все-

го четверть часа, со мной же провозились до обеда, а когда я, измученный, покинул операционную капсулу, то увидел ожидавшего меня Бертрана. Мы выпили кофе в больничном корпусе и поговорили о каких-то мелочах. Бертран рассказал мне, почти незнакомому человеку, что у него есть мечта воссоединить расы НоЛов и ИЛов, и он хотел бы заниматься этой миротворческой деятельностью. Наивность собеседника, не вязавшаяся с его возрастом, наткнулась на мою усмешку. Бертран не был молод, хотя избрал себе благодаря чипу тридцатилетний возраст. С романтическим порывом он ждал от меня одобрения, но я лишь отшутился, говоря о том, что третье пришествие мессии в мир ИЛов вряд ли будет более успешным, чем два предыдущих. Бертран не обиделся, а продолжал улыбаться какой-то светлой улыбкой. И теперь я вспоминал его именно таким. Полагаю, что о своих намерениях Бертран рассказывал всем, что и привело его в итоге в резервацию ИЛов. Его переезд наделал тогда много шума: сын высокопоставленного чиновника, пользующийся не только привычными удобствами жизни НоЛов, но имевший ДСО (достойное содержание образованного), вдруг поселился в холодных, неприветливых краях ИЛов.

Что делал Бертран, живя среди рыбаков? Проповедовал ли он о воссоединении рас или стал обычным островитянином? Пытался ли он изменить ИЛов и как изменился сам?

Я знал, что ИЛы, оставшиеся от колонии первопоселенцев Земли, рассеялись по всему северному Архипелагу, сохраняя примитивную теократию. Электричество было здесь роскошью. Ни автомобилей, ни роботов, ни заводов, ни технологий. Скудное питание, начальное образование и простецкая медицина – осознанный выбор ИЛов. Они отвергли неограниченный доступ к мировым знаниям, контроль здоровья, выбор совершенного тела, прогнозирование наилучшего будущего и другие блага, которые были у НоЛов. Фактически, они отвергли прогресс в любой форме, остановившись на натуральном хозяйстве. Торговлю с нами не вели, только принимали помощь, которую на-

звали «дарами киборгов». Все понимали, что колония вымирает, и гадали, куда наши расы заведёт кризис. НоЛы просто терпеливо ждали, когда умрёт последний ИЛ, чтобы заселить территорию Архипелага. ИЛы подавали жалобы на Землю, которые оставались без ответа. Две расы связывал Пакт, а его исполнение контролировала Земля, не способная разрешить тихо тлеющий конфликт. Теперь, на Архипелаге, я понял, как глупо выглядели наивные мечты Бертрана: ИЛы никогда бы не приняли власти киборгов и не отдали бы ни пяди своей унылой островной пустоши.

Уже показался скалистый мыс, а на нём – старый, но ещё крепкий каменный маяк, я видел такие в разделе Сториджа о морском деле. Невдалеке от маяка паслось стадо коз, и они подняли сонные морды на звук электрокара. Я остановил двигатель и подошёл к толстухе в длинном платье с передником, которая дергала мощные мясистые сорняки на убогой клумбе. Поздоровавшись, я спросил, могу ли увидеть домик Гильды и Бертрана. Толстуха махнула рукой в сторону сараев и сказала: «Где ставни зелёные». Что ж, это был хороший ориентир. Я без труда нашёл домик с двумя окнами, покрытый камышом. Ставни выглядели, как набрякшие веки. Дверь была не заперта, и я вошёл в пустое жилище, следом подошла толстуха и спросила:

– Чего ты тут шарить?

– Я следователь, – сказал я, показывая пластиковый идентификатор, изготовленный специально для ИЛов, не имевших устройств для чтения электронных документов.

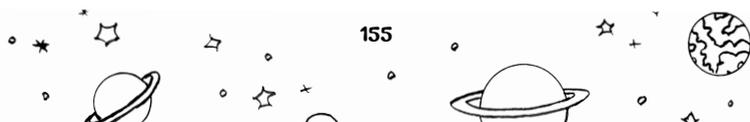
Толстуха пошевелила губами, глядя на кусок переливающегося пластика, словно умела читать, и спросила:

– А куда ты следуешь?

Вопрос вызвал у меня смех, но я сдержался и ответил:

– За истиной. Я хочу знать, что случилось с Бертраном.

Когда я вошёл в хижину, то скривился от неприятного запаха пропавшей еды – помой никто не убрал. Пол был нечист, как и всё вокруг. Толстуха ушла, но вскоре вернулась с толстой

свечой, подробно рассказав принцип её действия, и я мысленно восхитился простоте устройства этого осветительного прибора. Теперь света было достаточно, чтобы осмотреть хижину в деталях. Постель из каких-то тряпок, старые куртки, развешанные по стенам, ящики с проросшими клубнями... Гильда не отличалась способностью создавать уют. На столе стояла детская бутылочка с резиновым соском.

– У Гильды и Бертрана был ребёнок? – спросил я удивлённо у толстухи.

– У оборотней не бывает детей, – убеждённо выпучив глаза, ответила мне она.

Я огляделся вокруг: действительно, ни колыбели, ни детских вещей. Толстуха стояла сзади меня, мерно и размашисто крестилась.

– Ты знаешь, как Гильда убила своего мужа? – осведомился я больше для поддержания разговора.

– Она не убивала, – сообщила мне толстуха, – Бертран был оборотнем, и однажды он не смог вернуться в свое человеческое обличье.

– Расскажи, что знаешь, – потребовал я, но толстуха молчала. Я покопался в рюкзаке, думая, что бы ей предложить в виде платы за информацию. Нашёл белковый концентрат и протянул ей, но она лишь помотала головой. Заметив мою футболку, которую я взял на смену, она хищно вытащила её двумя пальцами.

– Бертран поначалу был красавчик, – довольная приобретением начала она, – девочки из посёлка просто залипали на него, хотя и боялись. Киборг – он и есть киборг, мало ли что на уме? А он выбрал Гильду. Что Гильда – ни рожи, ни кожи! Сисек нет, задница широкая. Ресницы и брови белые, тьфу! Это у неё от матери Несси, она с острова Большой Башмак, там альбиносы эти живут. Отец её три года назад утонул, мужика в доме никакого. Всё валится, рушится. Гильда голодала, нанялась в работницы к доктору Константину. В общем, чужая тут была, и Бертран чужой – вот и снюхались. Через время стали

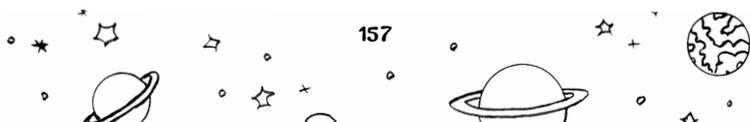
наши примечать, что киборг не просто киборг, а сущий оборотень. Сначала заместо волос на нем выросла серая шерсть. На голове и теле. Потом схуднул сильно. Видать, в волчьем обличье не сладко по сопкам бегать. А когда нашли оленёнка с перерезанным горлом, то люди пошли в дом к врачу, скандал устроили. До погрома не дошло, слава Богу. Ясное дело, Гильда и её мужик подальше от беды сюда, к маяку, переселились. Смотритель Филипп у нас дюже добрый, что от контрабандистов перепадало – им давал.

Тут толстуха прикрыла рот руками, видя, что сболтнула лишнего, но я не стал обращать внимания. Мне была интересна странная история оборотня:

– Что дальше было?

– Гильда часто плакала, да так громко, что я не знала: она воеет или её оборотень. Сама я тоже на маяке живу, мне всё слышать. Днём Бертран из дома не выходил, только ночью. Вылезет из дома, согнутый, как к земле приплющенный, и сидит на лавке у порога. Дышит тяжело, аж свист стоит. Раз встречаю Гильду и спрашиваю, как дела, так мол и так. А она посмотрела на меня своими мутными глазами и говорит: «У Бертрана все зубы выпали». Я дар речи людской потеряла. Наверное, зверские зубы растут, а человечьи им мешают. Господи, святой! Я сказала об том Филиппу, смотритель сходил к ним. Гильда его видеть не хотела, но потом впустила. Смотритель вернулся и сказал мне через время, я прям его слова до чисточки запомнила. Сказал так: «Необратимые изменения». Вишь ли, учёный человек, а всё-таки понял, что киборг этот и есть оборотень. А вот как Гильда убивала своего мужика, я не знаю, потому как ещё пятого июля я отпросилась навестить племянницу на ту сторону Куриного Бога, и приехала, когда Бертрана мёртвого уже увезли, и Гильду увезли...

С этими словами толстуха вытерла набежавшую слезу краем передника. Я поблагодарил её, видя, что ничего нового она не скажет. Толстуха, пятясь, вышла из хижины, но далеко

не отошла, а рассматривала футболку и прикладывала её к своему животу. Я провозился в жилище несчастного Бертана около часа. На место происшествия оно было не похоже. На грязной постели были бурые пятна, которые анализатор определил как кровь Бертрана. Пришлось повернуться к толстухе спиной, чтобы она не видела, как я подключаю прибор к разъёму. На подушке лежало несколько седых волосков, и я проверил их на анализаторе. Волоски принадлежали Бертрану. «Вот так оборотень!» – горько усмехнулся я. На подоконнике стояла чернильница с гусиным пером, под ней лежала сшитая ниткой тетрадь из стопки пожелтевшей пыльной бумаги со стихами и рисунками Бертрана. Они могли представлять интерес для следствия, и я их забрал. На первом листе был умелый портрет девушки. Сложенные на затылке волосы украшала морская звезда. Под рисунком Бертран написал: «Коварное время разрушило грёзы. Дом до краев наполнила беда». Если верить портрету, а не толстухе, Гильда была не только красива, но и любима.

Когда я вышел наружу, то от прилива свежего воздуха свеча погасла. Немного отдышавшись, я двинулся к маяку. Жилье смотрителя Филиппа сильно отличалось от хижины с зелёными ставнями. Я цинично подумал о том, что из-за тупости ИЛов и своего упрямства Бертран жил в нищете и гонениях, хотя с его знаниями и опытом он мог бы претендовать на самые высокие посты у этих ИЛов. Поднимаясь по винтовой лестнице, я не без труда взобрался на самый верх в широкую и низкую комнату под крышей. По всем её стенам были устроены смотровые окна, что делало комнату светлой.

– Должно быть, в полдень при солнечной погоде здесь жарко, смотритель? – протянул я руку для приветствия низенькому юркому толстяку. Тот вытащил погасшую трубку изо рта и положил её на специальную глиняную тарелочку в виде ракушки, и пожал мне руку. После приветствия я узнал, что о моём приезде Филиппу сообщил по радио Отец Лазарь, и просил его о всяческом содействии мне.

– Как вам у нас? Не хотите остаться, как Бертран? – хохотнул Филипп, но при виде моей серьёзности и сам перестал улыбаться. – Извольте откусать, что Бог послал.

Он подвигал ко мне блюда с вяленой рыбой, маринованные водоросли, квашеную капусту, тонко нарезанную медвежью колбасу, попутно рассказывая о способах их приготовления. Было видно, что Филипп лелеет в себе привычки сибарита, и этим он мне был почему-то неприятен. Я отказался от пищи, хотя порядком проголодался. Огорчённый Филипп предложил мне чаю:

– Это настоящее сокровище. У вас трансляторы подавляют агрессию, а у нас, ИЛов, есть свои несекретные средства. Грусть мы топим в добром вине, а злость запиваем чашкой чая. Он вырастивается у нас на южном склоне Высокогорной, урожаи бывают не всякий год, поэтому крупнолистный чай иной раз на вес золота.

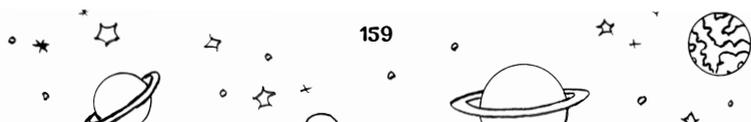
Я оценил бархатный вкус тёмного горячего напитка. Ради такого удовольствия стоило залезть по винтовой лестнице под старую крышу.

– Ваша речь отличается от говора жителей посёлка. Вы где-то учились? – спросил я смотрителя.

– Четыре класса церковно-приходской школы и два года в учении у прежнего смотрителя. Кстати, он оставил мне большую библиотеку, – с гордостью сообщил Филипп.

– Тогда мне интересно услышать вашу версию произошедшего с Бертраном. Жители посёлка называли его оборотнем.

– Бедняга Бертран... Бедная Гильда... – протянул смотритель, – не знаю даже, кого больше жаль. Конечно, Бертран не оборотень, это я точно могу сказать. Чушь это! На четвереньках по лесу не бегал и на луну не выл. Но определенно с ним было что-то не то. Киборг с Гильдой поселился здесь в свободной хижине после того, как на северной окраине острова их побили камнями. Возле маяка как раз было две пустые хижины, одна получше, другая поплше. Здесь дуют сильные ветра, ово-

щи почти не растут, рыба ловится плохо, да и безлюдно. Я когда впервые Гильду с мужем увидел, то подумал: а зачем ей такой дряхлый старик? Неужели женское одиночество так тяжко?

– Разве Бертран был стариком? – изумился я.

– Вначале он мне таким не показался, да и видел я его издали. А однажды, буквально через пару недель после первой встречи, мне надо было починить запутавшиеся сети. Я пошёл за подмогой к Бертрану и удивился. Согнутый, морщинистый, почти потерявший все зубы. Какая уж тут починка сетей! Бертран протянул мне лист бумаги, он стихи писал. Я выбросил их. Очень тоскливые.

– Когда Бертран появился на архипелаге, он был бодр и полон сил, – недоумённо сказал я.

– Думаю я, что причина в нашем климате и нашей еде. Никак киборгу не справиться с ними. Непривычно для них, то есть для вас, рыбу вяленую есть да водоросли.

– У НоЛов есть техническая возможность регенерации клеток, излечения болезней... Словом, НоЛ повсюду контролируется из Центра. Так что ни странная пища, ни вирусы нам не страшны. На Архипелаге мы только к Сториджу доступа не имеем, то есть к хранилищу знания и опыта, в остальном же...

Филипп развёл руками, словно показывая мне, что его жизненные наблюдения говорят об обратном.

– А когда они поселились у маяка?

– В апреле, – задумчиво ответил смотритель.

Мне пришлось задать неприятный вопрос Филиппу, из-за него я выглядел неблагодарным, несмотря на щедрое угощение.

– А где были вы и ваша служанка 8 июля?

– Служанка ездила к родственникам, она вернулась спустя два дня после того, как Бертран умер. Я был один в тот день на маяке.

– А вам известно, как был убит Бертран?

– Только со слов Гильды. Я спустился подоить коз, за которыми обычно ухаживает моя служанка. Было около восьми

вечера, смеркалось. Когда я запираю сарай, то услышал громкий вой. Я узнал голос Гильды. У меня от её воя стыла кровь в жилах. Я поспешил к хижине. Бертран лежал на полу, а Гильда сидела в углу. Растрёпанная, с безумным видом. Когда я пощупал пульс бедняги, то понял, что... В общем, он был ещё тёплый, но уже не живой. Гильда сказала, что убила его.

– А как она его убила?

Смотритель пожал плечами, было видно, что он не хочет отвечать.

– У него были раны на теле, на голове? – я начинал терять терпение, потому что из собеседника нужно было вытягивать информацию буквально клещами.

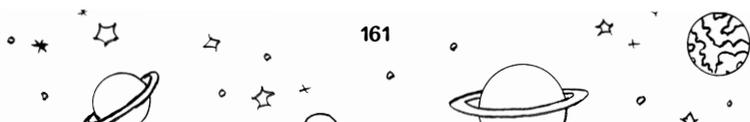
– Я его не рассматривал, да и темно было, – пробормотал смотритель, – вообще я покойников сильно боюсь, а тем более киборгов.

По виду смотрителя, явно имевшего дело с контрабандистами, было нельзя сказать, что он робкий и нерешительный.

– Что же конкретно сказала вам Гильда?

– Ох, – вздохнул смотритель, – я её не очень понял. Она сказала, что убила Бертрана, потому что хотела от него детей.

Поняв, что я ничего не добьюсь от этого хитреца, я решил уехать. Все жители острова были или казались мне патологическими лжецами, потому что их пояснения противоречили друг другу, а версии выдвигались одна фантастичнее другой. Я понял, что расследовать обстоятельства смерти Бертрана мне придётся не благодаря помощи ИЛов, а вопреки их сопротивлению. попрощавшись со смотрителем, я сел в электрокар и двинулся в посёлок Куриный Бог. Обратная дорога по обыкновению казалась мне короче. Рассерженный, я не рассматривал суровых красот местности, а обдумывал увиденное и услышанное. Я жалел об одном, что начал расследование не с того конца. Мне надо было сначала поговорить с Гильдой, осмотреть тело, а потом уже ехать в Куриный Бог. Я вспомнил, что так и не пооб-

щался с врачом, и свернул к его дому. Неприветливая служанка снова разочаровала меня: Константин пока не вернулся.

Отца Лазаря я нашёл с группой ребятшек у одной из рыбацких хижин. Он читал им из ветхой, но ярко раскрашенной книги какие-то поучительные притчи. При виде киборга детей как ветром сдуло. Только один рослый мальчик в коротких штанах приблизился ко мне и бесцеремонно потрогал за руку. Видимо, он хотел убедиться в том, что я живой. Отец Лазарь укоризненно, но мягко отстранил любопытного ребенка от меня.

Без лишних церемоний я предложил священнику поехать на осмотр тела Бертрана. По дороге священник спросил меня, пришёл ли я к каким-то предварительным выводам? Я, стараясь не терять лицо опытного сыщика, ответил утвердительно.

Не слушая уверений Отца Лазаря, что сначала надо было бы поговорить с Гильдой, я пошёл осматривать труп. Подвал с ледником находился под домиком коронера. Коронер, выглядевший отпетым пьянчугой, отпер мне дверь ледника и предупредил, что труп никто не вскрывал.

– Где мы будем его хоронить? Наша земля освящена. В ней киборгам не место, везите его на свалку бытовой техники! – бормотал он.

Помощь коронера была мне не нужна, а его хамское брюзжание мне надоело, но я промолчал, выставив пьяницу за дверь. Моя куртка спасала меня от холода хранилища. Труп Бертрана был единственным в помещении. Надев перчатки, я откинул с мёртвого тела изношенную серую тряпку, машинально отметив отсутствие пятен крови на ней.

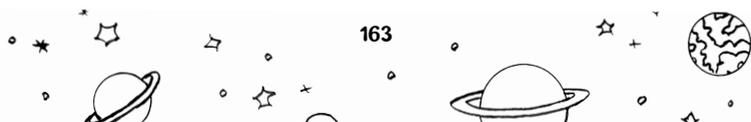
Бедняга Бертран выглядел старой развалиной, я с трудом его узнал. Анализатор, в который я поместил волосок с головы трупа, подтвердил личность покойного. У Бертрана действительно не было ни одного зуба, и я понял, для чего в хижине была бутылочка. Гильда кормила из неё не ребенка, а мужа. Волосы, редкая борода и поросль по телу были седыми, словно присыпанные пеплом, они действительно напоминали шерсть.

Тощее тело, словно согнутое тяжёлой ношей, не хотело распрямляться даже после смерти. На впалой груди, плечах и ногах я увидел трупные пятна. Кожа на лице и по всему телу была обвисшей и морщинистой, ногти потемнели. У меня в голове появилась метафора, и я понял, откуда она. Когда я мельком просматривал дневники Бертрана, я запомнил стихотворение: «Словно за один день промелькнула моя жизнь. Мотыльком-однодневкой я умру на закате». Я заглянул в рюкзак в поисках листка, но увидел, что рюкзак расстегнут, а самодельная тетрадь исчезла. Я расхохотался. Меня водили за нос по-детски, хотя и упорно!

«Что же, приступим к анализу!» – подумал я, рассматривая рану на голове НоЛа. Её края были оскольчатými, части черепной кости провалились внутрь. Но на волосах Бертрана спекшейся крови не было. Взяв лупу и скальпель, я заглянул внутрь раны. Признаков кровоизлияния в мозговое вещество или твёрдые мозговые оболочки я не увидел. Я помнил, что в жилище Бертрана не было крови. Всё говорило о том, что удар по голове не был прижизненным. Я подумал о том, что кто-то, водивший меня за нос, охотился за чипом Бертрана и потому разбил ему голову после смерти. Мои предположения оказались неверны: я обнаружил чип в открытой ране и вытащил его пинцетом. Чип внешне выглядел целым, поэтому я вставил его в анализатор. Анализатор сообщил, что чип неактивен с 13 марта 2020 года, считать информацию не представляется возможным в виду попадания внутрь жидкости.

У меня возникла новая версия, которую следовало проверить, поэтому я вскрыл грудную клетку Бертрана и осмотрел его сердце. Вот оно, синеватое с белыми прожилками, небольшое вместилище жизни! Совсем не похожее на романтический смайлик. Аккуратно взрезанная мной аорта была в желтоватых пятнах и белесоватых бляшках, но самый крупный сгусток был в самом её начале, загородив собой всё пространство. Умерший от банального тромбоза в своей хижине НоЛ всё ещё был опа-

сен ИЛам. Кому понадобилось инсценировать его убийство, размозжив голову трупа?

Я закончил с описанием тела и передал ставшие мне известными факты в Информационный Центр, а чип упаковал и сунул в рюкзак.

– Так вы не заберёте труп? – спросил меня коронер, который за время моего часового отсутствия явно хлебнул спиртного.

– Не заберу, – жёстко сказал я и легонько втокнул коронера обратно в кабинет из коридора. – Запомните следующее. Во-первых, НоЛы – не киборги, а чипированные люди. Чип действительно управляет нашим здоровьем и отчасти поведением. Во-вторых, до прибытия сюда я, как следователь, перепрошлся. На меня не действует излучение по подавлению агрессии.

Тот факт, что я блефовал, коронеру было знать не обязательно. У толстяка отлила кровь от багрового носа и щёк. Лоб коронера покрылся испариной, а на рубашке выступило жирное тёмное пятно пота.

– От вас мне нужен подробный рассказ о том, кто доставил тело девятого июля и кто приходил в ледник к покойнику, – для убедительности я взял с письменного стола гранитное пресс-папье в виде головы лошади и раскрошил его ладонями. Коронер ахнул и плюхнулся в кресло, залепетав что-то невнятное.

– По порядку, – предупредил я негодяя.

– Значит так, значит так, дай Бог памяти! Отец Лазарь и смотритель маяка Филипп привезли тело киборга... Не-не-не, – замахал толстыми ручками коронер, – господина Бертрана. Приехали они на электрокаре, тело было завернуто в простыню.

– Где простыня? – живо спросил я.

– В леднике. На трупе сверху и лежала.

– Кровь на трупе была? – продолжал быстрый допрос я, заранее зная ответ.

– Нет, – замотал головой коронер.

– А теперь увидим, насколько вы честны со мной, – начал я вопрос, сведя сурово брови. – Кто приходил в ледник к покойному?

Коронер в страхе мотал головой и молчал.

– Ну!

– Меня от церкви отлучат, – жалобно пропищал служака.

– Отец Лазарь приходил?

В ответ коронер закрыл лицо руками и поджал в кресле ноги. Я наклонился над ним, жалея, что не могу встряхнуть его как следует.

– Ответьте только «да» или «нет»! – потребовал я.

– Нет, – провыл мне в ответ коронер.

Следующим пунктом моего плана была Гильда, но мой путь в больничные покои преградила строгая монахиня – высокая женщина в белом чепце, словно сошедшая со страниц дешёвого иллюстрированного христианского журнала. Эту даму было трудно напугать обликом киборга, уверениями в перепрошивке моей программы или даже применением силы.

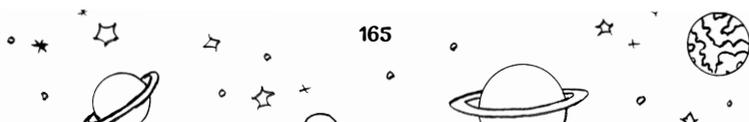
– Пока Отец Лазарь не разрешит, я вас не пропущу, – строго сообщила она.

Я ретировался, но интуиция мне подсказала, что сразу уходить не стоит. Люди меня обманывали, и я с ними также действовал хитростью, противной моему существу. Я зашёл в тень пристройки и спрятался за углом. Этот детский трюк сработал. Я увидел, как с порожка больницы на улицу выглянула монахиня, потом что-то тихо сказала, и сразу же из здания выбежал невысокий мужчина в клетчатом пиджаке. На моё удивление это был не Отец Лазарь. Я догнал посетителя и положил ему руку на плечо. От этого простого жеста ноги мужчины подкосились, видимо, я не рассчитал силу. Мне пришлось поднять с земли нервного посетителя больницы и развернуть лицом к себе. Я где-то его раньше встречал.

– Что вам нужно? – взвизгнул незнакомец.

– Уделите мне несколько минут, – попросил я, но незнакомец стал брыкаться, и я настойчиво сжал его плечо.

– Вы же не можете проявлять агрессию! – снова взвизгнул незнакомец.

– Меня перепрошили, – ответил я, чувствуя нарастающую боль в позвоночнике и поэтому отпуская плечо собеседника.

– Так-то лучше, – пробормотал незнакомец, ощутив себя на свободе и отряхиваясь.

– Зачем вы приходили в ледник? – спросил я наугад.

Незнакомец угрюмо молчал.

– Зачем вы ходили к Гильде? – продолжил я допрос.

Мне навстречу быстрыми шагами шёл Отец Лазарь. Я с удовлетворением наблюдал за его перекошенным лицом. Мне нравилось утвердиться в мысли о том, что Истинные Люди полны ненависти, и она движет их поступками наряду со страхом, жадной выживанием и другими недостойными людей чувствами. ИЛы их не только не контролировали, но и не скрывали. Я хотел, чтобы НоЛы в очередной раз убедились, что наш эволюционный выбор был верным: потом моими глазами в Информационном Центре смотрели бы на ход расследования.

– Познакомьте меня со своим сообщником, Отец Лазарь, – сказал я с улыбкой.

– Вы переходите всякие границы человеческого общения! – заявил запыхавшийся старик. – Ваше поведение возмутительно! Я буду жаловаться!

Мужчина в клетчатом пиджаке крутил головой по сторонам, явно выискивая возможность удрать, но я держал его за руку.

– Обстоятельства дела таковы, – начал я менторским тоном, – неизвестный мне человек, а может быть и группа лиц, удалили чип из головы Бертрана 5477891IMGL. Я не знаю, какие аргументы привели Бертрону в пользу операции, чем ему затуманили голову. Вероятнее всего они с Гильдой хотели детей, но чип продолжал контролировать функцию размножения. Я установил, что операция прошла успешно. Признаюсь, меня это удивило, я был убежден в том, что с удалением чипа наступает биологическая смерть НоЛа. Учитывая ваш уровень медицины, Бертран чудом остался жив. В Информационный Центр

поступил сигнал об отключении чипа, и потому по представлениям НоЛов Бертран был мёртв. Видимо, Отец Лазарь, удаление чипа прошло от вас в тайне.

Приводя свои аргументы, я наслаждался превосходством над Илами:

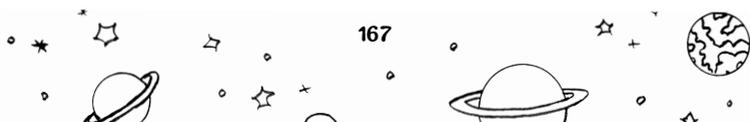
– И если бы вы, Отец Лазарь, были бы более осведомлены о ситуации, то не сообщили бы о смерти Бертрана повторно, и мы бы не познакомились с вами. Однако после 13 марта Бертрану было не суждено стать ИЛом, подарить счастье материнства Гильде. Бедняга стал медленно угасать, стариться не по дням, а по часам. Он протянул до 8 июля, а затем изношенное старостью сердце остановил тромб. Гильда не убивала Бертрана, но кто-то размозжил его старческий череп, чтобы скрыть шрам от операции и вставить на прежнее место чип. Полагаю, вам, Отец Лазарь, и пришла в голову эта ужасная идея, когда вы получили известие о моем прибытии на Архипелаг. Ничего умнее придумать вы просто не успели.

Отец Лазарь грозил мне пальцем, пытаясь перебить. Но я продолжал:

– Вы всё время были рядом со мной, Отец Лазарь, вы уведили меня от тела ненавистного вам киборга, чтобы дать возможность плану реализоваться. Вы и есть врач Константин? – повернулся я к ИЛу, которого уже не держал за руку. – Вы и размозжили голову трупа?

– Да, я врач с посёлка Куриный Бог, – сказал Константин, втянув голову, словно ожидая удара. – Но я не убийца. Мной двигали самые лучшие побуждения. Когда Гильда и Бертран обратились ко мне, они хотели детей. Никто не знал, что так всё закончится. Думаете, мне было легко решиться на операцию? Думаете, я себя не укоряю, что Бертран умер из-за удаления чипа?

Константин медленно подошёл к Отцу Лазарю, опустил на одно колено и поцеловал его руку. Священник стоял с каменным лицом. Его только что предал тот, кого он исповедовал

в день моего прибытия на архипелаг, кого он так хотел защитить, подставив под удар обезумевшую Гильду.

– Бертран умер из-за того, что после удаления чипа начались необратимые изменения старения в его организме. Вы только подтолкнули его к краю, а на путь, ведущий в бездну, он встал сам.

Я развернулся и пошёл к больнице. Меня догнал Отец Лазарь.

– Что будет с Константином?

– Я лишь следователь, – повернулся я, чтобы посмотреть в глаза святого отца, – насколько я знаю, законы НоЛов не преследуют тех, кто решил избавиться от чипа или тех, кто способствует этому. Так что НоЛы вряд ли потребуют наказания для Константина. До приезда на архипелаг я и вовсе был уверен, что удаление чипа равносильно смерти, впрочем, так оно и есть. Эта информация будет НоЛам интересна. Парадокс в том, что вы защищали врача, всячески отводя от него мои подозрения, но подставляли под удар невинную женщину. Это с точки зрения морали Церкви Второго Пришествия допустимо?

В глазах Отца Лазаря я не увидел раскаяния, он обнимал рыдающего Константина.

– На Архипелаге всего пять врачей! Пятеро на сто тысяч населения! И один психиатр, и три ветеринара! – неожиданно повысил на меня голос Отец Лазарь, словно считал меня виновным в бедственном положении ИЛов. – Я не мог рисковать хотя бы одним из них, пусть и оступившимся. Ваши законы сложны и запутаны, а хитрость киборгов не знает предела! Спасение врача для меня оправдывало ту маленькую ложь...

Я не стал слушать мнимого святошу и двинулся в сторону больницы.

– Куда вы идёте? – закричал мне вслед Отец Лазарь.

– Я должен познакомиться и попрощаться с Гильдой. Моё расследование закончено.

Евгений (Саул) Соловьёв,

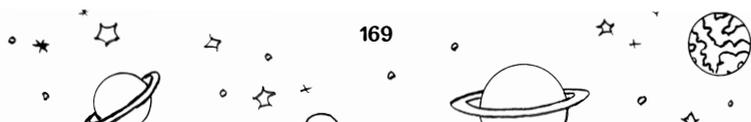
Евгения Соловьёва

ТУДА, ОБРАТНО И ВСЁ СНАЧАЛА

– Лезут и лезут... – Гимли обтёр лезвие секиры пучком жухлой мордорской травы, больше напоминавшей ржавую проволоку, нежели «бархатистые пряди», многократно воспетые эльфами, и оглянулся. Леголас всё ещё бродил по месту недавнего короткого боя – небольшому ровному пятаку среди завалов разноразмерных каменных обломков, регулярно выплёвываемых Ородруином. Два десятка живописно разбросанных орочьих трупов несколько оживляли унылый пейзаж у подножия Роковой горы, но до полноценного натюрморта картинка явно не дотягивала. Время от времени принц Лихолесья наклонялся, выдёргивал из тушек бывших слуг бывшего Чёрного Властелина свои стрелы и совал их обратно в колчан.

– И чего лезут? В этот-то раз хоть понятно – серебро, много... А в прошлый? Картонки с картинками! Сам Дворкин делал! Ни тебе тиснения, ни позолоты...тьфу!

Все остальные сотрудники бригады «отнеси-выбрось» кроме хозяйствующего эльфа, бывшие бойцы-Хранители, сидели на тех самых, любезно предоставленных вулканом, камнях вокруг некоего довольно массивного предмета, упакованного в грубую дерюгу и перетянутого длинными верёвками. Кроме нескольких прожжённых дыр и сильно потрёпанных краев, на ткани имелась надпись «Destroyers of Evil Artifacts» и логотип с контурами Ородруина. Из-под нижнего края «упаковки» виднелись небольшие, неряшливо вытесанные из дерева колёсики.

– А они не за серебром лезут. По привычке. Из принципа. Или из любви к искусству. Больше-то они же ничего не умеют, – Арагорн сделал длинный глоток из фляжки. Поглядел, прищурившись, на солнце. – Ладно. Хватит расслаживаться. У нас контракт, сроки горят.

– Сроки, контракты, жезлы, медальоны... – эльф, как обычно, подошёл практически бесшумно, даже шлак не хрустнул. – И этот неэстетичный вулкан. Я опять весь в саже и в пыли. О Эру, когда всё это закончится? Я хочу к морю. С лютней. И чтобы прекрасная дева бежала по кромке прибоя... И так весь день.

– Гм... но ведь, – замялся Пиппин, подбирая слова. – Она же за день вон куда убежать может. Её и видно не будет.

– Мой юный мохноногий друг, вы недооцениваете великую силу любви, – Леголас мечтательно вздохнул.

– Ага, или силу жёлтеньких таких кружочков! Если их дать достаточное количество, так красotka целый день туда-сюда мимо тебя бегать будет! – заржал Гимли.

– Помолчи, гном, – ничто, даже хамоватые комментарии сына Глоина, не могли сбить эльфа с романтического настроения. – Всё, Арагорн! Я окончательно и бесповоротно хочу к морю! Хотя бы на две недели, в отпуск.

Четверо хоббитов тут же нестройно загомонили, перебивая друг друга: «А нам домой пора... у меня жена беременная... садик без меня засохнет, вон сушь какая стоит... родня на выселение подала, мол, длительно не проживает, а может и помер вовсе. Я то есть помер... А я, кажется, чайник на плите оставил».

– Домой, домой... Эгоисты! – Арагорн поднялся с камня. – А слова «катастрофическое падение ВВП», «дефолт» и «глубокий экономический кризис» вам известны? Ворота в городе сломаны! Башни порушены! Стража городская третий месяц без жалованья сидит! Прокурорская проверка на чёрном рынке выявила форменные доспехи гвардии! На Пеленнорских полях ещё лет пять ничего расти не будет! Мумаки эти, которых

не доби́ли, – твари прожорливые. Разбежались по окрестностям. Посевы жрут, а что не жрут, то вытаптывают! Мы с вами сейчас единственный реальный доход казны. Так что марш-марш! Труба зовёт!

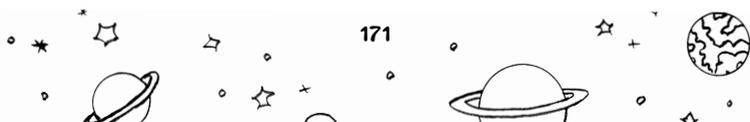
Владыка Гондора перекинул через плечо конец одной из верёвок, коими был обвязан дерюжный куль на колесиках, вдохновляя остальных личным примером. Соратники, кряхтя и вяло матерясь, потянулись занимать свои места в импровизированной упряжке. Леголас и Гимли присоединились к Арагорну, разобрав два оставшихся верёвочных «хвоста» – тянуть. Хоббиты привычно сгрудились позади перемещаемого в гору объекта – толкать. Гэндальф, в силу возраста и авторитета, из упряжки был освобождён. Он был штурманом – шёл впереди, определяя наименее трудоёмкий маршрут.

– Барлоги за́бери совсем эту Нарнию с её колдуньей, – вздохнул Гимли, налегая на своё «тягло». Король и принц налегли на свои. Колеса со скрипом провернулись, и укутанная дерюгой хреновина сдвинулась с места. – Вот к чему такой пафос? Нет, чтобы как у нас – кольцо сковать волшебное. Или вот медальон, как у Слизерина. Ну, посох рунный. Карты, как у Дворкина. Так нет же! Все беды в мире от баб! Во всех мирах! Вот если мужик злодей – всё ровно, всё адекватно. У Саурана – колечко, у Волдеморта – книжка, медальон, диадема... у Кощея русского – вообще иголка! Распихал по карманам и топай себе, ландшафтами любуйся! Как только баба в злодеях – то зеркало неподъёмное, да ещё и говорящее...

– Х-х-хех! – тройка «бурлаков» напряглась, сдергивая зацепившийся за валун куль. Куль отозвался металлическим «бум-м-м-м!»

– Помните, какими словами оно нас всю дорогу крыло? «Мерин мохнорылый»... «шлем с ушами»...обидно!

– Ага! А мы – обмылки! – пожаловались сзади.

– ...то вот трон цельнолитой! Ей самолюбие почесать, а нам теперь пупки надрывавай! Дуры бабы! Дуры! – продолжил гном.

Четыре часа спустя злые, потные и запыхлённые Хранители стояли на уже знаменитом скальном выступе во чреве Роковой Горы вокруг того самого рогожного куля. Точнее, стояли трое – Арагорн, Леголас и Гимли. Гэндальф, как обычно, с многозначительно-удручённым видом куда-то удалился, а хоббиты использовали конечную точку маршрута (впрочем, как и любой другой привал) как отличный повод перекусить. Они уселись возле скальной стены на четырёх небольших плоских камнях, расположенных вокруг ещё одного, побольше. Центральный камень исполнял роль стола. Прямо на нем была разложена жареная крольчатина. Место явно было уже обжитое и насиженное. Метрах в трёх от обедающих, на противоположной стене, сияла огненными рунами мемориальная доска: «Здесь в конце Третьей Эпохи отважным и морально нестигаемым хоббитом Фродо Бэггинсом было уничтожено то самое Кольцо Всевластья».

Поверхность скалы вокруг мемориала пестрела коряво выполненными эпистолами: «Саурон жив», «Хелкор в сердце новсегда», «Маргот – помнем, любим, ждем». Выше всех было глубоко врезано в камень вечное «Барук вас всех казад!»

– Завершим благое дело, помоги нам Эру, – Леголас упёрся ногой в тяжким трудом приволоченный в гору предмет, собираясь спихнуть его в kloкочущую вниз всеуничтожающую лаву Ородруина.

– Эй, погоди! – засуетился гном, выдёргивая откуда-то из-под доспеха немаленьких размеров ножовку. – Погоди, я ему подлокотники отпилю! Одни подлокотники-то ничего ж не натворят!

– Гимли! У нас контракт! – Арагорн устало скривился. – А в нём сказано – «...целиком, полностью и навсегда». Повторяю медленно. Це-ли-ком. Пол-нос-тью. Твоя моя понимать?

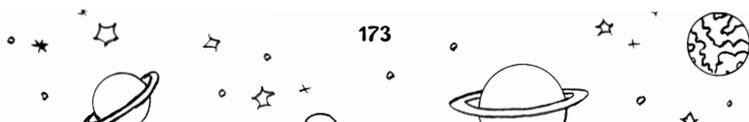
– Понимать, понимать... столько драгметалла зазря... вандалы! – сын Глоина в сердцах сплюнул, но ножовку убрал.

– Не сердись, друг мой! – Леголас мягко улыбнулся. – Мы же серьёзная фирма. У нас репутация. Мне ли тебе это пояснять... – перед полуприкрытыми глазами перворождённого принца уже плескалось тёплое море, и нагая красавица в третий раз пробежала мимо, зазывно покачивая соблазнительно-загорелой попкой. – Пошёл!

Эльф толкнул куль. Тот сдвинулся, на мгновение замер в неустойчивом положении на самом краю и стремительно ухнул вниз. Через пару секунд внизу чавкнуло, по стенам Роковой Горы пробежала уже привычная Хранителям дрожь и Серебряное Кресло Белой Колдуньи перестало существовать. Целиком и навсегда.

В это самое время в Королевской Башне Гондора настойчиво запиликал палантир. Тонкая девичья рука легко коснулась поверхности шара, активируя соединение, – и серебряными колокольцами зазвенел голос:

– Добрый день! Вы дозвонились в офис компании «Destroyers of Evil Artifacts». Мы поможем вам избавиться от любого зловредного артефакта, амулета и иного порождения чёрной магии. Удобно, надёжно, навсегда. Если вы хотите сделать заказ – нажмите «один». Если хотите ознакомиться с прайсом – нажмите «два». Прослушать отзывы клиентов нашей фирмы – нажмите «три». Если вы звоните в секс по телефону и перепутали номер – просто положите трубку! Надоели! – она помолчала, успокаиваясь, и уже совсем другим тоном продолжила – О! Вы хотите сделать заказ? Старший менеджер Арвен, слушаю вас... Да, уничтожаем навсегда, с гарантией. Артефакты, амулеты, жезлы, посохи, стулья... Существ? Каких именно?.. Живых, гуманоидного типоразмера... М-м-м... Откровенно говоря, пока подобных заказов у нас не было, но, я думаю, Хранители справятся. Да, конечно, те самые Хранители, даже не со-

мневайтесь! Записываю: объект – Корифей, тевинтерский магистр, масса около центнера... Спасибо, что выбрали нашу компанию, леди Тревелиан. Уточните, пожалуйста, координаты нахождения объекта... Мир Тедас, идти по дороге, вымощенной красным лириумом... Понятно, благодарю вас. Уничтожение целиком и навсегда в течение двух недель с момента оплаты. Всего наилучшего, леди Тревелиан!

Королева Гондора отключила палантир и потеряла виски:

– Корифей... магистр. И хоть бы карту какую дали! Ладно, Гэндальф справится. И будем надеяться, что этот Корифей – хотя бы злодей.

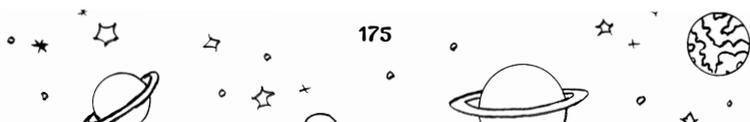

СКАЗКИ О БЕССМЕРТНОМ**Начало**

Он не помнил, когда появился на свет – сорок ли, сто или сорок по сто лет назад. Казалось, что такого никогда не было, чтоб не было его, казалось, что он был всегда, хотя знал, что это не так. Ведь он помнил руки матери, теплые, пахнувшие кизяком, дымом и свежим хлебом, как помнил и запах отца – крепкий, грубоватый букет горькой степной полыни, козьего сыра и овечьей шерсти. Но лиц их не помнил совсем, хотя прожил с ними до пятнадцати лет, до той самой осенней ночи, когда проснулся от шума дождя за стеной и почему-то понял – ему пора. И он не задавал себе лишних вопросов, без промедления собрался и тихо выскользнул из дома, перед этим, однако, нацарапав на вощёной дощечке, на которой отец записывал свои долги и расходы, несколько строк на прощанье: «Не ищите меня. Со мной ничего не случится. Я никогда не умру. Гильгамеш».

Он не знал, куда уходит и для чего, но знал, что так надо, что нельзя больше оставаться с людьми, давшими ему жизнь, – бессмертное не должно иметь начала. А он и впрямь был бессмертен – об этом он догадывался, наверное, с самого раннего детства, хотя окончательно всё стало ясно позже, после того случая.

Ему было тогда двенадцать. Они возвращались с отцом с ярмарки на арбе и, не успев добраться до стойбища засветло, остановились ночевать в степи. Гильгамеш лежал на вонявшей шерстью овчине рядом с быстро захрапевшим отцом и смотрел на звёзды. Вовсю стрекотали цикады, фыркала во сне Байма, их гнедая упряжная, ворочался отец, но он смотрел лишь в бескрайнюю Небесную Степь, где ушедшие предки зажигали для

них вышние костры. Смотрел и любовался своей звёздочкой: отец как-то показывал её, звезду, под которой он был рождён, – серебристую звёздочку в созвездии Сайги. Она казалась одинокой даже среди своих сестёр.

А потом произошло страшное: звезда его вдруг сорвалась с места и начала стремительно падать. Прочертив в небе короткую дугу, она сгорела и исчезла в ночной бездне навсегда. Это было как в кошмарном сне: внутри словно что-то оборвалось, он закричал, забился в припадке, разбудив и до смерти испугав отца. Гильгамеш понял, что умирает.

Холодного, как ледышку, одревеневшего так, что не могли разжать судорожно вцепившихся в овчину пальцев, привезли его на стойбище к деду Мергену, знахарю и колдуну. И отец отдал тому сразу трёх ягнят и пообещал ещё трижды по столько же, если спасёт Гильгамеша, единственного его наследника, надежду и продолжателя рода.

Два дня и две ночи, запершись и никого не пуская, просидел, не отходя от бездвижного мальчика, дед Мерген. Жёг в горшочках травы, снадобья, пытаясь заклинать каких-то духов, известных только ему, впадая временами в оцепенение и мало чем отличаясь в такие мгновения от Гильгамеша. А на третий день вышел к отцу с матерью, которые никуда не уезжали с его стойбища, и хмуро покачал головой: «Ничего больше не могу. Не встанет сегодня до захода – не встанет никогда, а встанет – будет жить и никогда не умрёт».

И Гильгамеш встал. В три часа пополудни мать услышала, как зовёт он её слабым голосом из дома Мергена и просит пить. Он очнулся, а к вечеру уже начал ходить и мог есть, хотя был и очень слаб. Он сильно изменился с той поры. Шумный и неугомонный прежде, любящий поозорничать, он замкнулся в себе, стал тих и рассеян, словно постоянно прислушиваясь к чему-то, чего-то ожидая, может, даже знака.

Он никому не рассказывал, но помнил, хоть и смутно, где был в те дни и ночи, что бездвижно лежал в доме Мергена.

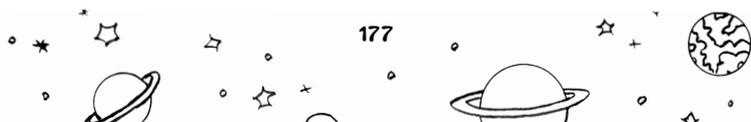
Он помнил, что куда-то падал, проваливался в какую-то бездну, бесконечную пропасть, охваченный ужасом, который и сковал его тело. И лишь когда вдруг услышал чей-то тихий голос – Мергена ли? – шепнувший: «Не бойся, дна не будет», – всё исчезло – страх прошёл. И он очнулся и понял: смерти нет и быть не может, если её не бояться. И он уже не боялся, потому что знал – пропасть Времени без дна, а значит, он бессмертен, ибо падать в неё можно вечно. Он помнил всё это и поэтому ничуть не удивился, когда проснулся той дождливой осенней ночью, а это было три года спустя, и понял – пора уходить, так надо. И он ушёл в ту ночь, в тот дождь, оставив отчий дом и отца с матерью навсегда, и никогда больше их не видел.

Так началось странствие Гильгамеша, имевшее начало, но не имевшее конца, странствие длиною в жизнь.

Перевал

Однажды Гильгамеш отправился к Морю. Он мечтал увидеть его ещё с детства, с рассказов отца. Тот, привыкший видеть воду лишь в колодце, как-то ездил с караваном в прибрежные селенья продавать шерсть и вернулся оттуда потрясённый зрелищем бесконечной водной глади.

Гильгамеш хотел видеть Море, но путь ему преградил Темэр-Тау, горный перевал. Ощетинясь неприступными, почти отвесными скалами и вековыми ледниками, он разверз под ногами непреодолимые пропасти и расщелины и не пускал Гильгамеша. Конечно, Гильгамешу говорили, что Темэр-Тау неприступен, что ещё никому не удалось преодолеть его. К тому же в этом не было и нужды: двадцатью милями северней проходила Царская Тропа, проход к Морю, которой и шли многочисленные караваны, туда и обратно, в богатые приморские города. Но Гильгамеш был человеком упрямым и не хотел сворачивать к Тропе, так как твёрдо решил для себя, что пройдёт к Морю здесь и только здесь – напрямую через Темэр-Тау.

Недели две он не отступал и всё пытался пробиться через перевал, найти хоть какую-нибудь тропку, но горы были неприступны и лишь смеялись над ним. Это вконец разозлило Гильгамеша, и он дал тогда клятву на крови и хлебе, самую страшную клятву его рода, что будет проклят и землей, и небом, ежели пройдет к Морю иным путём, чем через Темэр-Тау.

И он остался жить у его подножья: построил хижину, что укрывала его от непогоды, охотился и собирал орехи в лесах предгорий, ловил форель в близлежащем озере. А по ночам, сидя у костра, смотрел на звёзды, среди которых уже не было его звезды, смотрел и о чём-то, казалось, думал, но это только казалось – он просто с детства любил звёздное небо. Гильгамеш знал, что ему не преодолеть перевала – у него ведь нет орлиных крыльев, но он знал и другое: ничто не вечно, даже горы. И он просто ждал – вечность оставалась в запасе у него, а значит, он всё равно выйдет к Морю – когда-нибудь.

Так проходили годы и века, может, даже тысячелетия, Гильгамеш не вёл счета дням своим – зачем ему это? – он просто ждал. Два раза в год вдоль Темэр-Тау, на север и обратно, проходил большой караван из Аль-Каблы, далёкого южного города, о богатстве и могуществе которого ходили легенды, и тогда он узнавал, что творится в мире. А в мире творились удивительные вещи. Караванщики шепотом рассказывали, что где-то далеко на севере люди научились создавать чудесные машины, которые могут работать сами, без людей, и заменят лошадей и верблюдов, что эти люди научились летать и скоро полетят к звёздам. Гильгамеш вначале лишь смеялся над их рассказами, но в один год караван не пришёл. Вместо него появились неведомые ему люди, светловолосые, голубоглазые, вместе со страшными машинами, о которых ему рассказывали. Машины стали рыть канавы и насыпать землю – они прокладывали дорогу. И вскоре вдоль Темэр-Тау серой лентой протянулась широкая бетонная полоса, по которой засновали, туда и обратно вначале редкие, а потом всё чаще, урчащие, фырчащие автомобили.

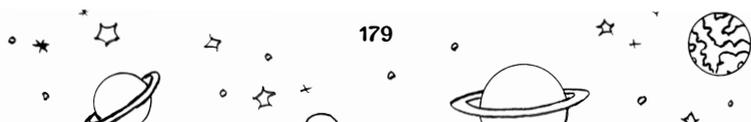

В первое время Гильгамеш удивлялся происходящему, но потом привык: за свой долгий век ему пришлось видеть немало перемен, да и интересовал его, в конце концов, только перевал. Так продолжалось много лет, пока в один прекрасный день машин не стало: шоссе опустело, и рёв двигателей перестал оглушать окрестности Темэр-Тау.

А через несколько лет – или столетий? – когда Гильгамеш уже стал забывать о них и о людях вообще, когда дорога стала зарастать травой и размываться дождями, на ней появился пеший человек. Исхудалый, заросший, в обветшавшей одежде, он рассказал Гильгамешу, что был Великий Потоп – и все города и селенья смыло Море, и что оставшиеся в живых вернулись в пещеры и леса. Человек ушёл дальше, и потом долгие-долгие годы Гильгамеш не видел ни одной живой души. Но он ничему не удивлялся. Он знал: всё течёт, но ничего не меняется и всё возвращается на круги своя. И оказался прав: через несколько столетий у перевала вновь появился караван с юга, и копыта лошадей и верблюдов глухо цокали по разбитым, заросшим травой, плитам – остаткам шоссе.

Гильгамеш ничему не удивлялся, он только ждал – и дождался своего. В одну дождливую осеннюю ночь, в такую же, какой ушёл из родительского дома, Гильгамеш проснулся от толчков. Под ним дрожала и ходила ходуном земля – началось землетрясение. Он выскочил из хижины и услышал в темноте, как нарастает гул, а потом раздался страшный грохот, казалось, рушатся сами небеса. И он упал на землю в великом страхе, зажав уши, спрятав голову под камни, – так страшен был грохот. И пролежал до рассвета, а когда встало солнце – встал с земли Гильгамеш и увидел, что в прежде неприступной стене скал зияет широкая расщелина, и он понял – свершилось. Он быстро собрался и двинулся по дну расщелины, и к вечеру вышел к Морю.

За спиной его расстилались песчаные дюны – застывшее море песков, а перед ним шумело море живое, и катило беско-

нечные гряды волн. И Гильгамеш вдохнул морского, напитанного солью и ветром, воздуха и тихо рассмеялся. Он с детства мечтал увидеть Море, и оно было перед ним. Он поклялся, что пройдёт через Темэр-Тау, и он прошёл. Разве он не добился своего? Гильгамеш рассмеялся и побрёл вдоль берега. Это была его первая встреча с Морем.

И всё-таки она бесконечна...

Однажды Гильгамеш был в Аль-Кабле и слушал беседы Ис-Аль-Талима, величайшего мудреца и философа во всем Южноземье, с его учениками. И услышал удивительнейшую вещь: по его словам, Земля была шаром, а не бескрайней равниной, как всегда представлялось Гильгамешу.

Удивлённый услышанным, он подошёл после беседы к мудрецу и обратился с вопросом: «Скажи, о мудрейший, правильно ли я понял: если пойду я в одну сторону и никуда не сверну, то приду туда же, откуда вышел?» Ис-Аль-Талим улыбнулся и закивал, поглаживая бороду: «Воистину так, сын мой, ты всё правильно понял». Ещё более поражённый, чем прежде, Гильгамеш воскликнул: «Но как это может быть?! Я исходил множество стран и земель, но никогда не удавалось мне вернуться туда же, откуда выходил!» И когда развеселившийся мудрец в шутку предложил проверить его слова, Гильгамеш рассердился, и не на шутку. Он сверкнул глазами: «Вы зря смеетесь, учитель! Я докажу, что это не так. Прощайте!» С этими словами он вышел из городского сада, где наставлял учеников сей великий мудрец. И в тот же день покинул Аль-Каблу и двинулся на запад, вслед за солнцем. Если она не круглая, он просто никогда не вернется сюда.

Но дорога его всё-таки привела в Аль-Каблу, хотя путешествие длилось не один год. Он шёл только на запад, днём ориентируясь по солнцу, ночью – по звёздам. Просторы водные он пересекал с торговыми судами, с торговцами же переходил горные перевалы и пустыни Новых Земель, и в конце пути, к ве-

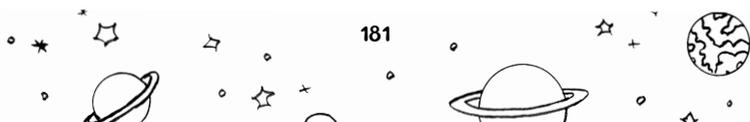

ликому удивлению, стал узнавать холмистые равнины Южно-земья, а затем и вовсе уперся в белокаменные стены Аль-Каблы.

Несказанно огорчённый, что Земля оказалась круглой, что оказался неправ, Гильгамеш вошёл в город и нехотя направился в городской сад к Ис-Аль-Талиму. Гильгамеш был упрям, но честен, и решил, что следует извиниться перед ним за своё самонадеянное невежество. Но когда, придя в сад, он увидел мудреца – его охватило удивление. Перед ним вместо мужа зрелых лет, каким его запомнил, стоял старик, поседевший, слегка сгорбленный, но ещё и не утративший окончательно благородной осанки. И Гильгамеш вдруг понял: это не тот Ис-Аль-Талим!

Гильгамеш выскочил из сада и побежал по городу, и всюду находил перемены: новые дома, улицы, площади. Чинара у караван-сарая, что помнил он маленькой и хилой, раскинула мощные ветви теперь широко и привольно. И Гильгамеш понял: это не та Аль-Кабла! Та Аль-Кабла, из которой он вышел много лет назад, чтобы проверить слова мудреца, тот Ис-Аль-Талим, чьи беседы он слушал в саду, остались в прошлом. Он пришёл не в тот город, не в то место, откуда вышел. В ту Аль-Каблу вернуться уже было нельзя – её унесло потоком Времени.

Как возрадовался Гильгамеш! Значит, она всё-таки не круглая, раз нельзя вернуться туда же, откуда вышел! Она только кажется такой мудрецам, забывшим о времени. О Времени, не делающем петель, которое нельзя обойти по кругу и вернуться к началу. О Времени, что разрывает круг земной, стремящийся замкнуться в шар. Разрывает в бесконечную дорогу, где возврата к былому нет, даже если всё возвращается, где все тропы – неведомы и нехожены, даже если по ним когда-то ходил. А значит, его путь, Путь Бессмертного, никогда не прервётся и не замкнётся. И, успокоенный этой мыслью, Гильгамеш отправился в чайхану – день был жаркий, а Земля – бесконечной...

Времена

Однажды Гильгамеш сидел ночью в степи у костра, любуясь звёздами и ночным небом, и увидел удивительное, можно сказать, почти что чудесное. Он увидел, как вспыхнула в созвездии Сайги, или, как его ещё называли, Козерога, серебристая звёздочка – это была его звезда, некогда погасшая, но теперь засиявшая вновь.

Это была его звезда. Гильгамеш, несмотря на волнение, что охватило его, был уверен в этом. Ведь он хорошо помнил её расположение среди звёзд, её цвет, яркость и мерцающий блеск, ошибки быть не могло, и могло это означать лишь одно: он вновь родился – где-то. Безумие? Но Гильгамеш всегда верил, что рано или поздно это когда-нибудь произойдёт. Ведь в бесконечности времён, непредставимой и неохватываемой, в бесконечном круговращении вещей и судеб возможно любое сочетание. А значит, всё когда-либо рождавшееся и исчезнувшее имело шанс появиться вновь, хотя бы в силу случая, игры природы – шанс почти ничтожный при ограниченности сроков, но реальный в масштабах вечности. Хотя и ждать его можно было тоже целую вечность, а могло оказаться, что недостаточно и её, – случай он ведь и есть случай. Но Гильгамеш верил – и это случилось: звезда его вновь горела на небосводе, означая, что где-то вновь родился он. Он, Бессмертный.

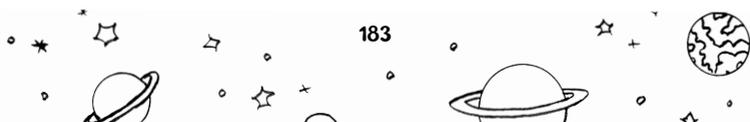
Его не смущало, как так могло быть, что он где-то ещё, – мало ли что может произойти в этом удивительнейшем из миров? За века и тысячелетия ему встречалось и не такое. Да и помнил он к тому же поучения несравненного Фао-Шиня, великого мудреца Восточной Окраины (он в свое время вёл с ним долгие беседы, когда случай привёл его в Лиань, где Фао-Шинь держал школу): «Посмотри, Гильгамеш, на этот камень и эту смоковницу. Что делает камень – камнем, а смоковницу – смоковницей? Свойства ли их или формы? – и Фао-Шинь вопросительно поворачивал к нему голову, но сам же и отвечал. – Нет, свойства и формы текучи, изменчивы, и каждому они зрят-

ся разными, ибо зависят от наших чувств, а не от их сути. Делает же их тем, что они есть, мысль – мысль камня, что он – камень, застывшая и не позволяющая ему потечь водой или стать ветром; и мысль смоковницы, что она – смоковница, а не птица, сидящая в её ветвях. Посмотри на меня и себя, Гильгамеш. Что делает тебя – Гильгамешем, а меня – Фао-Шинем? Только мысль, что ты – Гильгамеш, а я – Фао-Шинь. Только мысль, вне которой всё едино и всё есть всё. Убери эту мысль, и ты сможешь стать всем: хоть камнем, лежащим у дороги, хоть птицей, летящей в небесах».

И Гильгамеш знал, что родившийся в эту ночь, под этой звездой, есть он же сам, ещё одно его воплощение. А мысль, нащёптывающая, что это безумие и не может одно быть вместе с тем и другим – всего лишь мысль, которую можно убрать, и всё станет возможным, даже самое невозможное. Разве возможно бессмертие для рождённого смертной, для имевшего начало? Вся мудрость веков, вся новая наука в один голос твердили, что нет. Однако он жил и знал, что будет жить и никогда не умрёт. Да, его судьба была лишь случайностью и игрой природы в этом мире закона и необходимости, лишь случайным всплеском, прорывом какого-то иного мира, где возможно и иное, лишь невероятным поворотом колеса сансары, удачным броском костей, шанс которого – один на бесконечность, но если есть она, эта бесконечность, должен ведь быть тогда и один. И он был, он – Бессмертный, и он мог быть только один. И быть рождённым в эту ночь мог тоже только он один, ведь это была его звезда – Гильгамеш не мог ошибиться.

И запала ему с той ночи мысль – найти того, другого себя, где-то родившегося на этом белом свете. И увидеть мать свою и отца, ибо родиться он мог только от них, иначе это был бы не он. Но где искать себя, в каком таком краю, в какой земле, он не знал – земля была большая. Но помог случай: повстречал он как-то в Великой Жёлтой Степи большой караван, что шёл откуда-то с востока к Срединному Морю, в богатые приморские

города, и шли с ним три волхва старых. И рассказали они, что идут поклониться Царю-Младенцу, Сыну Девы, родившемуся под новой звездой, и указали на ту самую звёздочку в созвездии Сайги. И понял Гильгамеш, что говорят они о том, кого хотел бы увидеть и он – и немедля отправился с ними.

Путь их был неблизким. Пересекли они Великую Степь и Центральное Нагорье, Край Четырёх Рек и Мёртвые Равнины, и каждую ночь волхвы сверяли по звезде Гильгамеша свой путь, ибо только по ней могли вычислить место, где родился Младенец. Но по мере приближения к цели, уже отделившись от каравана, помощь им в этом стал оказывать и сам Гильгамеш. К удивлению, стал он узнавать родные места, степь своего детства, казалось бы давно исчезнувшую, растворившуюся в пространствах времён. А ведь искал он её не раз, поддаваясь внезапно случавшимся с ним порой приступам странной, непонятной тоски. Но не находил, приходя к горькой мысли, что земля детства его, земля обетованная, сокрыта от него навсегда. Но теперь, озираясь по сторонам и окрестностям дороги, которой они шли, всё более уверялся он, что не ошибся, что и вправду он сам родился вновь, а не кто-то другой.

И уже не удивился ничуть, только сильнее забилося сердце и хотелось бежать туда, вниз, когда увидел со знакомого холма, на склоне которого любил играть в детстве, родное стойбище и дымок от готовящегося ужина, когда услышал лай Джульбарса, Бека, Актая и бляенье овец в загоне. И волхвы, понявшие, что пришли, в благоговении опустили на землю и вознесли хвалу небесам.

А потом они шли к его дому, торжественно и величаво, неся дары свои – золото, ладан и смирну. И Гильгамеш шёл с ними, с бьющимся сердцем, боясь поднять глаза, потому что кто-то в светлом стоял уже на крыльце, а когда поднял, увидел, как идёт гостям навстречу молодая темноволосая женщина с тихим и приветливым взглядом. То была его мать, он не помнил её лица, но знал, что это могла быть только она, он всегда

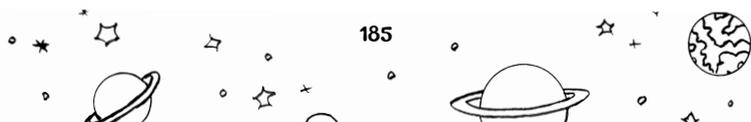

представлял её именно такой. И он пожирал её взглядом, пытаясь запомнить на всю оставшуюся вечность эти родные до боли черты, зная, что такое может быть только раз, чтобы что-то возвращалось оттуда, откуда нет возврата, и уже никогда не повторится. И хотелось коснуться её рук, рук матери его, пахнущих дымом и свежим хлебом, прикоснуться, припасть, прижаться губами и смотреть в эти глаза, тихие и ласковые, но он только стискивал пальцы и шёл за волхвами в дом.

Отца дома не было – повёз он показать деду Мергену за немогшую Байму и вернуться должен был только на следующий день, – и объяснять причину прихода им пришлось матери. Та, впрочем, ничуть не удивилась словам волхвов о предназначённости её первенца к Великому Царствованию, словно знала уже об этом. И когда вынесла она младенца своего, Гильгамеш вздрогнул – это был он!

Да, это был он, Гильгамеш узнавал себя в нём, словно смотрел в зеркало времени, и, пока преподносили волхвы дары свои и звучали пророчества их о великой судьбе младенца, в голове у Гильгамеша всё начало двоиться. То ощущал он себя младенцем этим и чувствовал руки матери, державшие его, то вновь стоял за спинами волхвов – простой степной странник. И так его это стало разрывать, что не знал уж, где он и кто он, что испугался даже за рассудок свой и понял, что нельзя ему более оставаться здесь. Но и уйти просто так, без подарка, не мог он, не хотел обижать мать свою. И поэтому достал из котомки чашу для вина, хоть и не новую, и, смущаясь этим, преподнёс её младенцу и сказал: «Прими в дар от странника, ведь и тебя ждёт путь – и путь, и жизнь, и истина. Не проноси её мимо, и смерть не коснется тебя». Гильгамеш знал, что тот никогда не умрёт, хоть и судьба его сложится иначе – ничто ведь не повторяется дважды, даже если что-то возвращается. В тот же вечер он ушёл с родного стойбища, так и не увидев отца.

Проходили годы, и, окидывая взглядом ночное небо и по-прежнему находя там свою звёздочку, Гильгамеш упокоенно

вздыхал и улыбался, вновь убеждаясь, что всё случившееся тогда – не сон, что есть он где-то ещё.

Но однажды, когда с той ночи, ночи его второго рождения, минуло более трёх десятков лет, увидел он, как затуманилась и замерцала кровавым отблеском его звезда, его звёздочка. И Гильгамеш понял – беда: что-то стряслось, что-то грозит ему, другому. Оседлал он тогда лучшего скакуна из табуна, что пас той весной на Хиорданских Равнинах, нанявшись к одному богатому шейху, и, не жалея ни себя, ни коня, в ту же ночь отправился на запад. Он гнал, сам не зная куда, доверившись сердцу, веря, что оно не ошибётся и приведёт к нему же, но другому, попавшему в беду.

Он скакал без отдыха и сна две ночи и два дня, и даже страшное знамение, что случилось в первый же день пути, не остановило его: с шестого часа по девятый померкло солнце и тьма, казалось, воцарилась по всей земле. Стали видны звёзды, и даже его звёздочка, совсем почти затянувшаяся зловещей, словно кровавой дымкой. А потом вдруг вздрогнула земля и сотряслась, и звезда его в тот же миг вспыхнула ярким светом, вспыхнула и погасла. Но Гильгамеш, нахлёстывая коня и крепче прижимаясь к его холке, упрямо твердил себе, что это лишь навяжание, что не мог он умереть – ведь он Бессмертный! И даже наступившая затем ночь, обычная ночь, когда вновь зажглись звёзды, но только уже без его звёздочки, не убедила Гильгамеша. И он лишь подгонял коня, а к вечеру следующего дня, завидев впереди стены большого города, понял, что достиг цели.

Оставив коня в придорожной харчевне, он поспешил в город и у его врат столкнулся... со своей матерью! Гильгамеш взглянул на её поседевшие волосы, на скорбно сжатые губы и опустил голову – он всё понял, он не успел. Но разве мог он умереть? Гильгамеш коснулся её руки и тихо спросил: где он? И она, словно ждавшая такого вопроса, молча взяла его за руку, повела через весь город и, приведя к небольшой пещере, зава-

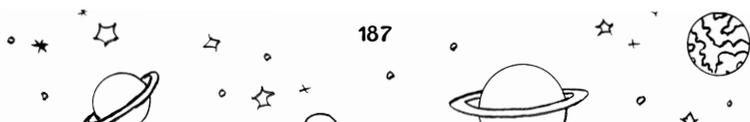

ленной камнем, кивнула – здесь. И Гильгамеш горестно опустился на землю – ведь это он умер! Но как такое могло случиться?! Ведь он не мог умереть, ведь он – Бессмертный! Гильгамеш не мог понять этого.

Он долго сидел у пещеры, ставшей ему, другому, гробом, наедине со своими горькими думами. Может, и он сам, не только другой, не бессмертен? И только когда вновь зажглись звёзды в небе, но уже без одной, он тяжело поднялся и пошёл бродить по городу, потерянный и опечаленный.

К концу ночи вновь вышел он к той пещере, вышел и удивлённо замер – было ещё темно, но видел он, что камень, закрывавший вход, отвален. С бьющимся сердцем Гильгамеш вошёл туда и потрясённо остановился – гроб был пуст! Белели в темноте пелены, небрежно отброшенная плащаница, но тела не было! Внезапно озарённый, Гильгамеш выскочил из пещеры и задрал голову. Так и было! И он засмеялся, засмеялся тихо и радостно: в созвездии Сайги сияла чистым и ровным светом серебристая звёздочка, его звезда, звезда Бессмертного, что погасла третьего дня, но превозмогла тьму и воссияла вновь.

И когда вскоре послышались шаги, и увидел, как испуганно остановились перед развернувшейся пещерой две женщины, окликнул он их, сидя на камне: «Что вы ищете живого среди мертвых? Его здесь нет». И увидев, что испугались они ещё больше, Гильгамеш вновь рассмеялся – маловеры! Ведь не мог он умереть, он всегда знал это, ведь сияла в небе Звезда Бессмертия, что будет светить теперь вечно, светить и во тьме, и тьма её не обьет...

В ПУСТОТЕ

Ник был слишком рационален даже для Искусственного Интеллекта космического корабля и понятия не имел, что значит быть человеком. Поэтому вместо того, чтобы оставить капитана в покое, впрыснул ему под кожу несколько миллилитров пробуждающего вещества. Капитан открыл глаза, поднял руки и медленными, поступательными движениями вытащил из глотки питательный шланг. В то же мгновение на лбу и под мышками удерживающие ремни отошли в стороны, скользнули в щели на задней стенке капсулы гибернации.

Прозрачная крышка со свистом отстегнулась и упала на палубу. Вслед за ней, словно кусок замороженного мяса, повалился капитан. Он ударился о металлический решётчатый пол и застонал, повернулся на бок, подтянул ноги к подбородку – и тут же изо рта полилась вязкая желтоватая жижа.

Когда тошнота прошла, капитан попробовал подняться, но ничего не вышло. Тогда он повернул голову, чтобы посмотреть, как обстоят дела с пробуждением у экипажа и пассажиров. Но на палубе лежал он один. Остальные капсулы были всё так же запаяны и мерцали бледными голубоватыми огнями. Это могло означать только одно, капитан напряг связи:

– Ник, у нас ЧП?

– Да.

Медлить было нельзя. Капитан перевернулся на живот и пополз к душевым кабинам, находившимся за ближайшей переборкой.

В отсеке стоял полумрак, и капсулы со спящими людьми возвышались словно яйца гигантской муравьиной королевы, а сам капитан был бесцветной жалкой букашкой, вылупившейся

раньше времени. Он дополз до душевой кабинки, схватился за дверцу и потянул её на себя.

– Плохая идея, нужно экономить каждую каплю воды, – сказал Ник.

– Это поможет быстрее прийти в себя.

– Знаю. Но нельзя. Оботритесь влажным полотенцем.

– Неужели всё так плохо?

– Да.

Капитан стоял напротив капсулы, в которой находилась Мария. Крупные капли конденсата скатывались с другой стороны прозрачной крышки, и от этого бледное, словно восковое, лицо девушки казалось искажённым гримасой.

Капитан постучал костяшками пальцев по стеклу – несколько капель сорвались и заскользили вниз. Трубки, торчащие из рук, и полумаска с питательным шлангом делали Марию похожей на веземлянина, а удерживающие ремни опутывали паутиной.

– Ослабь ремни, Ник, – сказал капитан.

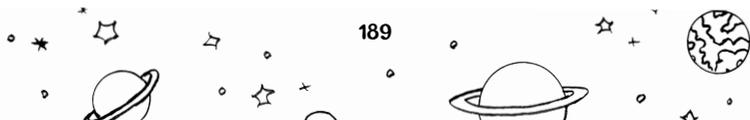
ИИ подчинился, и девушка повисла словно марионетка, голова упала на грудь, а руки – вдоль тела.

Смотреть, как она умирает, не было сил. Капитан отвернулся, а внутри него словно переворачивались огромные земляные пласты: всё лучшее, что в нём было, пропадало под их тяжестью.

Капитан опустошил уже пять капсул гибернации, теперь очередь дошла до Марии, и два часа, за которые он управился с другими людьми, теперь рисковали растянуться в вечность. Ник старался понять капитана, но у него не получалось. Выждав несколько минут, он сказал:

– Время.

Требовались силы, чтобы собраться. Капитан вырвался из туманного забытья, и, словно во вспышках слепящего стробоскопического света, увидел, как его рука поднялась и ударила

кулаком по кнопке экстренного пробуждения. Крышка капсулы звякнула замками, отскочила в сторону, а бездыханное тело Марии повалилось вперед. Капитан подхватил его и, выдернув трубки и сняв полумаску, понёс в геологический отсек. Там положил на широкий металлический стол.

От стоящих на газовых горелках баков поднимался липкий пар. Он не утекал сквозь вентиляционные решетки, поскольку вытяжка была отключена, а скучивался под потолком, оседая на стенах скользкой, жирной слизью.

Капитан взял в руку сделанный из заточенного куска переборки тесак и замахнулся над телом девушки.

– Что я делаю, господи, – только и смог проговорить он. В сознании всколыхнулось воспоминание, как однажды в детстве он спрятался в шкафу с одеждой, чтобы избежать порки за разбитый аквариум, как ему было стыдно. Будь этот шкаф поблизости, он забрался бы в него не раздумывая, укутался с головой в мамины платья и папины растянутые свитеры. Но шкафа не было.

Капитан отбросил тесак в сторону и сел на пол. Не так он представлял свою следующую встречу с Марией.

– Что я делаю?..

ИИ прогнозировал, что капитан не сможет держать себя в руках, но думал, что это случится много позже, а не теперь, когда ему нужно будет переработать очередного члена экипажа – ничем не примечательную девушку.

– Ник, как я мог поверить тебе, что у меня получится? Как я мог думать, что не стану чудовищем? Я убил уже столько людей.

– Это я отключал жизнеобеспечение.

– Тебе нужно было следовать инструкции и усыпить экипаж и пассажиров, а один-единственный шанс принять за погрешность. Но ты ухватился за неё, и я стал чудовищем.

Капитан поднялся с места и прошёл к раковине, включил воду.

– Нельзя! Воды совсем мало.

– Иди к чёрту! Дай хотя бы умыться!

Капитан окатил лицо несколькими горстями ледяной воды, но легче не стало. Легче и не могло стать, боль не была физической.

В геологическом отсеке, наспех переделанном в кухню, стояли несколько баков, и один был подготовлен для Марии. Для той самой, что сидела в рубке управления по левую руку и от которой всегда исходил лёгкий, едва уловимый запах корицы. Той самой, что часто подшучивала над ним, но всегда отстаивала его мнение перед другими. Той самой, что однажды проснулась рядом, и уткнулась носом в его предплечье. Капитан был уверен, что это лишь первое подобное утро, поэтому тогда просто встал с постели и молча начал собираться на вахту. Чёртов сухарь, неужели сложно было сказать хотя бы пару добрых слов?

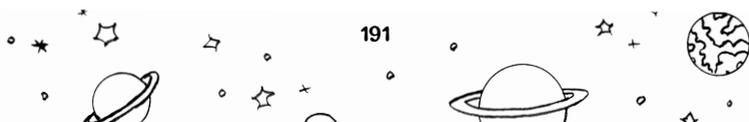
Капитан посмотрел на лопнувшие мозоли на ладонях, на запёкшуюся кровь под ногтями. Пустое тело гудело, словно раскачиваемый ветром колокол.

Ник устал ждать:

– Время уходит.

– Заткнись ты уже, скотина электрическая! – капитан поднял с пола тяжеленный тесак.

Геолого-разведывательный корабль «Орион» совершил прыжок от Эпсилон Эридана к пересадочному узлу на Плутоне в Солнечной системе. Но в момент выныривания из подпространства навигационный компьютер дал сбой, ушёл на перезагрузку и замолчал. Ник тут же попытался его реанимировать и устранить появившуюся погрешность в точке выхода, но это оказалось невозможным – компьютер был мертвее мёртвого. Подключение резервного навигатора не помогло, драгоценные секунды были упущены.

Ник задумался, как поступить, нашёл единственное решение и вывел из гиперсна капитана. Тот, не имея возможности принять душ, кое-как обтёрся влажным полотенцем, выдавил в рот полтюбика зубной пасты, чтобы избавиться от привкуса рвоты и, придерживаясь рукой за стену, прошёл в рубку управления. Сел в привычное, продавленное кресло и сказал:

– Докладывай.

ИИ только этого и ждал:

– Я разбудил вас, поскольку навигационный компьютер сломался и «Орион» вынырнул из подпространства не у Плутона, а на самом дальнем краю облака Оорта. Сейчас мы дрейфуем к границам обитаемой зоны.

– Покажи координаты точки выхода и направление движения «Ориона».

Ник вывел данные на экран. Капитан скользнул по ним взглядом и помрачнел. Промаяхнуться в прыжке означало только одно – никогда не добраться до планеты, населённой людьми, и пополнить отряд мертвецов, для которых их корабли стали склепами.

– Если маневровыми двигателями подталкивать «Орион», сколько времени пройдёт, прежде чем мы окажемся на границах обитаемой зоны, чтобы передача сигнала бедствия имела смысл?

– При полной выработке «маневриков» на это понадобится полтора года. Ещё несколько недель пройдёт, прежде чем пограничные станции услышат зов о помощи и придёт спасательная команда.

Капитан откинулся на спинку кресла. Голод и слабость мучили его с самого пробуждения, теперь к ним добавилось предчувствие гибели. Люди на «Орионе» не смогут протянуть столько времени.

Если бы на корабле были запасные баллоны гибернационной жидкости, можно было бы проспать лишние месяцы. Но оснащение всегда было минимальным: жидкости было

столько, сколько нужно для планового полёта. Ни каплей больше. Можно было бы не переживать, если бы имелось достаточно еды, но её тоже было мало. Ни одной лишней крошки хлеба. Ни одного лишнего глотка воды.

Через трое суток члены экипажа и двое пассажиров очнутся. Они начнут собирать свои крохотные походные рюкзаки и готовиться к высадке, но только полёт продлится ещё полтора года!

Капитан закрыл глаза и надавил на них пальцами – в серой темноте поплыли радужные звёзды. Все путешественники знали, чем может обернуться сбой в навигации. Это означало лишние месяцы или даже десятки, сотни лет, потраченные на преодоление пути. Корабль словно превращался из орла в черепаху. Просто невозможно запастись гибберационной жидкостью и едой на столь долгий срок. При такой безвыходной ситуации ИИ должен был усыпить людей.

В последний раз, около пятидесяти лет назад, туристическая яхта «Атлантика» сбилась с пути и не смогла вернуться на прежний курс, тогда бортовой ИИ усыпил экипаж и пассажиров и послал к пограничным станциям сообщение о случившемся. Теперь гробница «Атлантика» дрейфует к центру галактики и достигнет его в самом конце времён. И вот сейчас – очередь «Ориона»...

В любой подобной ситуации Ник был обязан отключить у всех системы жизнеобеспечения, но вместо этого разбудил капитана.

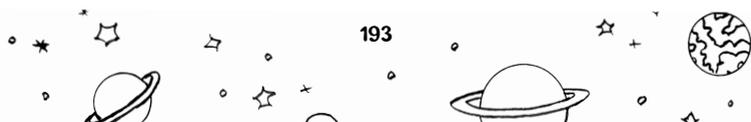
– Ник, ты придумал, как спасти людей?

– Не всех. Только одного.

– Меня?

– Нет. Мы можем помочь лишь маленькой Чарли.

Едва зародившаяся надежда тут же рассыпалась в прах. Капитан был равнодушен к детям, но Чарли вызывала у него особое раздражение. Некрасивая, неуклюжая, с веснушками по всему лицу и рыжими, словно медная проволока, волосами,

она была дочерью геологов Ивановых и одним из двух пассажиров. Родилась Чарли уже в экспедиции и никогда не видела Земли. Ей было пять лет, она была неразговорчивой, никогда ни о чём не спрашивала, но, кажется, была смышлёной. Всё время ходила по пятам, что-то высматривала и путалась под ногами. Капитан недоумевал, как родители могли назвать дочку именем Чарли? Чёртовы любители немного кино!

Спасать девчонку, когда тебя самого ждала гибель, желания не было. Хотелось хорошенько напиться, завернуться в одеяло, уснуть и не проснуться. Но спросить следовало:

– Как ты собираешься помочь ей? Даже если мы вкачаем в неё всю имеющуюся гибернационную жидкость и отдадим всю еду, этого не хватит.

– Если бы «Орион» вынырнул из подпространства в любом другом месте, я бы подчинился инструкции, но корабль оказался в облаке Оорта, и спасение ребенка стало возможным. Нельзя назвать случившееся везением, но Чарли, действительно, повезло. Она маленькая, ей нужно мало еды, а на борту кроме неё есть ещё несколько взрослых людей, которые... – Ник помолчал, – ...могут стать источником белков, углеводов и витаминов.

– Рехнулся, что ли?

– Это может избавить девочку от скорой смерти. Но капитан – вы. Выбор за вами.

– Сделать девочку людоедом – это выбор? Скормить ей родителей?

– Мы сделаем так, что ни она, ни комиссия по расследованию аварии на «Орионе» никогда не узнают правды.

– Как ты это устроишь?

– Мы взорвем заднюю часть корабля, а в бортовом журнале разбавим правду неправдой: запишем, что навигационный компьютер вышел из строя, «Орион» сбился с курса и, выныривая из подпространства, наткнулся на рой комет. Металлический осколок одной из них пробил обшивку. Все взрослые –

экипаж и один пассажир – были подняты по тревоге и бросились латать пробоину. Когда они уже поставили заплату, одна из аккумуляторных батарей взорвалась – из-за резкого перепада внутреннего давления только что наложенную и ещё не затвердевшую часть обшивки сорвало и унесло в космос, и люди провалились в эту высасывающую дыру. Я успел задраить центральную и головную части корабля, поэтому капсула с Чарли не пострадала.

Что касается еды, вы в своем личном дневнике упомянете, что прихватили деликатесы с планеты Лахеса. Комиссия по расследованию аварии обязательно прочтёт все возможные записи, в том числе – и ваши личные. Она решит, что взрослые погибли, пытаясь устранить последствия аварии, а маленькая пассажирка выжила благодаря тому, что капитан перевозил контрабанду. Я подтвержу их выводы.

Капитан угрюмо усмехнулся:

– Иными словами, я должен оговорить себя?

– Нет. Когда «Орион» отбуксируют к пересадочному узлу, я скину в мировую информационную сеть файл с правдой о случившемся, но она станет доступной спустя много лет, только после смерти Чарли. У девочки будет полная приключений жизнь, а о настоящей трагедии станет известно много позже. Может быть, вам поставят памятник, когда узнают, на что вы пошли ради ребенка.

– Памятники нужны живым. Мертвецам безразлично – помнят о них или нет.

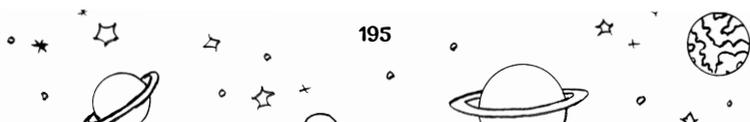
– Хорошо. Так даже безопаснее, никто не наткнется на файл раньше времени и не попытается его взломать.

– Ты монстр.

ИИ промолчал.

– Зачем тебе я? Сделай всё сам.

– На корабле нет роботов, способных выполнить столь тонкую работу.

– Неужели нет иного выхода? Покажи координаты «Ориона» ещё раз.

Капитан отнёс и положил рядом с бомбой, уже находящейся в аккумуляторном отсеке, газовые горелки и использованные баки, соорудил гору из заполненных чёрных полиэтиленовых мешков, разобрал и притащил стол. Затем попытался отмыть геологический отсек, но особо не старался, поскольку он пострадает при взрыве и жар огня сожжёт следы.

Распечатал на бумаге импровизированные этикетки, наклеил их на полулитровые резервуары из химической лаборатории. Теперь это – консервы с деликатесами. Поставил их ровными рядами под кроватью в своем кубрике, накрыл одеялом, чтобы Чарли не сразу могла их найти. Ник постарается, чтобы девочка следила за чистотой и выбрасывала в мусоросжигатель использованные банки. Ни одна из них не должна попасть в руки комиссии по расследованию аварии.

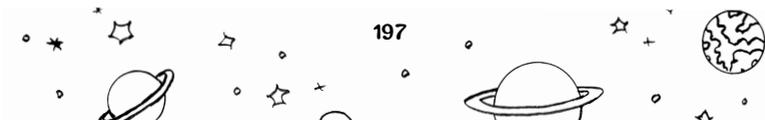
Завершив все дела, капитан взглянул на часы: до планового пробуждения единственного человека на «Орионе» осталось совсем немного. А сам он уже давно блуждал в тумане, ему слышался то голос Марии, то грезился первый учебный полет, то вдруг он понимал, что стоит на краю обрыва, держит за руку отца и они вместе смотрят, как ракеты с соседнего поля взмывают вверх одна за другой.

Кроме того, капитану стало безразлично, выживет в итоге Чарли или нет. Станет достойным человеком – учёным, актрисой, главой многодетного семейства – или покатится по наклонной, будет бродяжничать и, перебрав с выпивкой, замёрзнет зимой под забором. Главное – он свой долг выполнил. Грязный нечеловеческий долг.

Перепроверив всё по третьему разу – не осталось ли где улики, разоблачающих их с ИИ заговор, капитан лег на бок в метре от бомбы, подтянул колени к подбородку и обхватил их руками. Представил себя лежащим в том далеком уютном шкафу

из детства, в шкафу, летящем в холодной, безбрежной пустоте.
Полежал так немного и сказал:
– Давай, Ник, взрывай!
И рассмеялся. Но это не был смех сумасшедшего.

ФЕЯ И ТРОЛЛЬ

Крохотное воздушное создание, ловко огибая стволы деревьев, быстро двигалось в предрассветном сумраке старой дубравы. Две пары прозрачных крыльев, напоминавших пчелиные, мелодично посвистывали в полёте, перенося хозяйку с цветка на цветок. Элоэя – так звали эту цветочную фею – спешила домой после ночного бала. Вторую ночь домом ей служил душистый серебристо-белый мирабилис, раскрывающийся в сумерках и запечатывающий свою чашечку ранним утром.

Непонятный шум насторожил и заинтересовал летунью. Свернув с намеченного пути, она перелетела через густые кусты и оказалась на опушке небольшой поляны. Опустившись на широкий лист, фея во все глаза разглядывала происходящее. Три огромных тролля уже успели истоптать всю траву своими огромными сапожищами и заметно изломали окрестные кусты. Двое здоровяков, похоже, пытались научить уму-разуму третьего, который совершенно не желал учиться. Размахнувшись огромной дубиной, он со страшным грохотом обрушил её на могучий ствол ближайшего дуба. Противника, конечно, засыпало щепками и мелкими веточками, но серьёзного вреда тот не ощутил. Отбросив в сторону расщепленную ручку дубины, тролль бросился в рукопашную. С весёлым азартом Эло наблюдала за бурными событиями. Вот огромный кулак соприкасается с длинным и толстым носом противника: «Блямц!» Во все стороны летят зелёные брызги, нос сворачивается на сторону, а бородавка, его украшавшая, приплющивается и меняет цвет на нежно-сиреневый. «Бряк!» – жесткая подошва врежется

прямо в округлое пузо второго соперника, и тот мешком валит-ся в кусты, доламывая торчащие ветки.

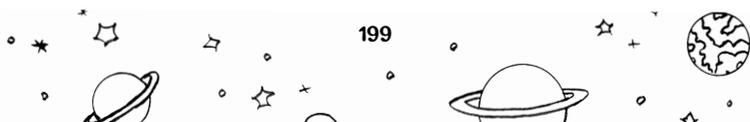
Солнечный луч упал прямо на тролля, ярко осветив редкую, но толстую и рыжую щетину, неровно покрывающую всё... лицо? Правая скула краснела от недавнего удара и, похоже, начинала опухать. От яркого света маленькие глазки ещё больше скрылись под мешковатыми и морщинистыми веками, нос, наминавший сливу, сморщился. Между толстыми мокрыми губами фея рассмотрела огромные желтоватые зубы, которых явно не доставало.

Однако луч, выявивший эту картину, ясно дал понять, что утро в самом разгаре, а до дома она ещё не добралась. Оторвавшись от увлекательного зрелища, Элоэя подпрыгнула и по прямой понеслась к своему цветку. Она едва успела проскользнуть между почти сомкнувшимися лепестками и, опустившись на цветоложе, долго переводила дыхание.

...А ночью ей внезапно приснился тролль. Он ласково улыбался и нежно покачивал фею на огромной ладони.

Элоэя забросила вечерние прогулки по цветущим лугам и катания по озеру на лепестках лотоса, забыла дорогу на бальные поляны. Каждую ночь она теперь посвящала новому увлечению и, затаившись в густых ветвях, наблюдала за жизнью тролля.

Имя у него было замечательное – Кхгрымшхорп. Его пещера, вернее землянка, находилась недалеко от её цветочного домика. Каждый вечер она поджидала предмет своего внимания, присев на ветку кедра, нависавшую над ямой-входом. Потом фея следовала за троллем и с замиранием сердца следила за его жизнью. В основном, это были охотничьи подвиги и долгий отдых после сытной трапезы. Ел он добытое мясо, слегка обжаренное в пламени костра. Еда запивалась огромным количеством пенного, дурно пахнущего напитка, который хранился в глубине тролличьей берлоги. Кроме этого, трижды она

наблюдала встречи с другими троллями, которые каждый раз почему-то заканчивались потасовками.

А во сне она снова качалась на могучей волосатой руке или сидела на плече тролля, оглядывая с высоты окружающие красоты...

Однажды Кхгримшхорп, заступив на тропе дорогу невысокому соотечественнику со странной причёской (из волос торчали палочки и тонкие косточки), повёл себя как-то непонятно. Он не издавал громких гортанных криков, не подскакивал, размахивая дубинкой, даже не пытался неожиданно достать лицо собеседника крепко сжатым кулаком. Вместо этого он заинтересовался совсем другой частью тела и с размаха звонко шлёпнул этого тролля пониже спины. Получив в ответ полновесный удар по щеке, покачнулся и внезапно ощерился, обнажив зубы и дыры между ними. Это явно была улыбка!

И тут фея поняла, что встреченный тролль – девушка! Это почему-то ужасно рассердило её. Взвившись в воздух, она полетела прочь, не разбирая дороги. Свежий влажный ветер привел её в чувство. Опустившись на лист кувшинки, Эло отдышалась и задумалась. Глядя на речные струи, неторопливо покачивающие её лист-лодочку, она размышляла о своей жизни, ставшей в последнее время какой-то странной. И эти сны, необычные и такие навязчивые, и её еженощные метания... Да и сегодняшняя злость была очень похожа на ревность: «А, может быть, я влюбилась?»

Эта неожиданная мысль сначала показалась фее смешной и нелепой, но, чем дольше она думала, тем точнее складывалась головоломка. Нельзя сказать, чтобы за свою достаточно легкомысленную жизнь, она никогда не увлекалась противоположным полом. Были у неё и длительные романы, и короткие увлечения. Но ТАКОГО не случалось никогда. Было ясно, что сегодня она готова отдать что угодно за возможность занять место той тролльчихи, с которой любезничал Кхгримшхорп.

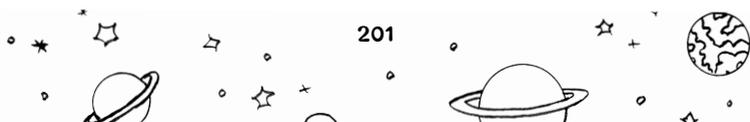
Шли дни, но Элоэя всё не могла избавиться от внезапной страсти. Днём она беспокойно ворочалась внутри закрытого цветка, то бессонно размышляя о происходящем, то проваливаясь в жаркие и бесстыдные сновидения. Ночи, по-прежнему, посвящались негодному троллю. Подглядывая за ним, фея то дрожала от страха и жалости во время жестоких и многочисленных драк, то изводилась от ревности, наблюдая, как её любимый ухаживает за другими девушками.

Наконец, понимая, что такая жизнь просто невыносима, она решила обратиться за советом к старой колдунье. Та жила за дальним лесом, поэтому Эло добиралась до неё почти три ночи. Измученная и невыспавшаяся, на третье утро она достигла цели.

Сбиваясь, краснея и смущённо отводя глаза, влюблённая фея рассказала свою странную историю. Колдунья, многое повидавшая за долгую жизнь, сумела скрыть удивление. Но долго молчала, задумавшись и перебирая многочисленные амулеты, висевшие на груди. Затем, выбрав один, показала его Эло:

– Этот камешек мне подарил один легкомысленный эльф. Нет, его просьба не была похожа на твою. Он даже не был влюблен. Но безумно мечтал летать. Это желание просто сжигало его. Ломать природу волшебного существа – значит изменить его до доньшка. Став крылатым, эльф обязан был потерять многие чувства, присущие его расе, стать Другим, совершенно чужим своему народу. Не слушая голос разума, он был согласен на всё. И я дала ему крылья. Счастьем его не было границ! Раз за разом взмывал он ввысь и стремил свой полёт в небесном просторе. Забыв о родных и близких, отвергнув любимую. Но через три месяца он принёс мне в подарок вот это.

Фея взгляделась в самоцвет, лежащий на ладони старухи. Камень казался чёрным, но внутри явственно вспыхивал красный огонёк. Он колебался, как пламя на ветру, но ничего не освещал. Колдунья, бережно спрятав амулет на груди, продолжила сухо и жестко:

– А на следующий день, поднявшись на своих прекрасных крыльях выше облаков, эльф ринулся вниз. И не раскрыл их даже у самой земли... Подумай, девочка, прежде чем просить меня.

Но Элоэя была настроена решительно и чужие истории не волновали её. У неё была своя, самая важная и самая зовущая. Поэтому она выпалила, глядя прямо в глаза колдунье:

– Я хочу, чтоб мы с Кхгрымшхорпом были одинаковые. Пусть он меня полюбит! Я знаю, ты всё можешь, ты самая сильная колдунья!

– Да, я могу многое. Но я не могу обещать, что ты после этого будешь счастлива...

– Буду-буду, это самое главное, чего я хочу, самое важное!

– Хорошо, – устало и равнодушно произнесла колдунья. – Я могу превратить тебя в тролля. Ты станешь тролльчихой.

– Н-н-нет, – пробормотала ошарашенная малышка. – Как, тролльчихой? Такой огромной, толстой и волосатой? А мои крылышки? Мои чудные золотистые волосы?

– Ну, какие крылышки у тролля? – раздражённо сказала колдунья. – А волосы станут жесткими и курчавыми. Скорее всего, рыжими.

– А иначе нельзя? – растерянно и обиженно спросила Эло.

– Можно. Я могу превратить твоего Кхгрымшхорпа. Он уменьшится во много раз и станет маленьким, как ты. Только тролля основа очень неподатлива, поэтому облик у него останется прежний.

– Да-да-да, – радостно захлопала в ладошки фея. – Это как раз то, что нужно! Хочу-хочу-хочу! Пусть он станет маленьким троллем! А крылышки у него будут?

– Точно не обещаю. К тому же даже маленький тролль будет слишком тяжел для полёта.

Колдунья сварила нужное зелье. Ещё она послала быстрюю и сильную лань, которая за один день доставила фею вместе с заказом домой. С ними прилетела ворона, давняя подружка

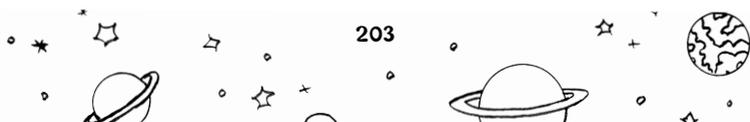

колдуньи. Именно она ловко и незаметно подлила троллю волшебный напиток. И наутро тот проснулся маленьким и с крылышками.

Конечно, фея и маленький тролль познакомились, изящная крылатая малышка очаровала могучего мужчину. Правда, покачаться на его ладошке теперь не получалось, зато они гуляли рука в руке, глядя друг другу в глаза. Забывшись, Эло порой пыталась взлетать, но тут же смущенно опускалась на землю – крылышки её друга только бессильно трепетали, не способные поднять его плотную тушку. Ах, это были сущие пустяки! Взаимное чувство захлестнуло обоих, они были искренне счастливы!

Жили они в небольшой песчаной пещерке в обрыве над рекой. И однажды, проснувшись поздно вечером, Кхгрымш-хорп тоскливо спросил:

– Элка, а пива нет?..

КРИТИКА

Стелла Странник

О ЧЁРНЫХ БАЛАМУТАХ И СТАРИЧКАХ,
ИГРАЮЩИХ В КЛАССИКИ

Взгляд на трилогию Генри Лайона Олди «Чёрный Баламут», навеянный Вторым Всемирным саммитом индусов, прошедшим на Бали.

Однажды оказался рядом с деревянными индийскими падуками русский лапоть. Еле стоит он, бедолага, на ногах, потому как лыка не вяжет, с удивлением разглядывает падуки и говорит:

– Неправильно тебя сделали! Что это за обувь из подошвы и... ик... одного колышка? Ик... Видишь, какой я? Сам сплетен из липового лыка, а подошва для прочности переплетена лозой. У тебя ноги голые, а у меня... ик... – всегда в тепле... Нехорошо, братцы, и нехорошо весьма...

– Не надо меня переплетать, – испуганно отвечают падуки, – мне и без того жарко!

– Да не спорь ты со мной, – не угомонится лапоть, – я же вижу, как почернели у тебя ноги от холода!

А рядом с лаптем маленький мальчик в аватаре старичка – в пенсне и в шляпе, прикрывающей лысину, – визжит, разряжается: «Лас, два, тли...». Это он в классики играет...

О чём я? Придётся, видимо, рассказать эту историю с самого начала.

Итак...

Пять дней на острове богов и искусств Бали шло театрализованное представление, участниками и зрителями которого стали тысячи людей, прилетевших в Денпасар на Второй Всемирный саммит индусов. Не случайно он проходил именно

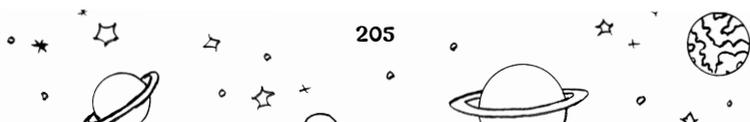

здесь – нет другого уголка на Земном шаре, где девяносто четыре процента жителей исповедовали бы индуизм, или, как они сами называют эту религию, санатана-дхарму.

Мне посчастливилось, пусть со стороны, издалека, наблюдать за поистине фантастическим зрелищем – с церемониями участников в красочных костюмах и в масках монстров для отпугивания злых духов, с волнующими танцами под удивительный и не стареющий оркестр гамелан, и, конечно же, – с игрой актёров на импровизированных театральных подмостках по сюжетам «Махабхараты» и «Рамаяны». Интересно, а если так же, со стороны, посмотреть на попытки русскоязычных писателей положить в основу сюжета своих произведений эти священные для индусов тексты?

Таких попыток было несколько, в результате чего и появились на свет «Наль и Дамаянти» Василия Жуковского, «Дваждырожденные» Дмитрия Морозова и «Чёрный Баламут» Генри Лайона Олди (псевдоним украинских писателей-фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского). Я остановила свой взгляд на последнем.

Согласитесь, далеко не каждому писателю под силу переписать, перелицевать «Махабхарату», крупнейшую жемчужину народного эпоса. Её даже адепт «вечной религии» не сразу осилит, потому как составляет она восемнадцать книг, что в итоге намного длиннее, чем «Илиада» и «Одиссея», вместе взятые. Повествование в этом священном тексте переплетено с поэмами и мифами, с легендами о зарождении жизни на земле, с притчами и баснями. И этот эпический коктейль имеет общее название – «Сказание о великой битве потомков Бхараты», то есть «Махабхарата». В ней идёт рассказ о распре между двоюродными братьями Пандавами и Кауравами (в последних воплотились демоны данавы), с финалом этого конфликта – битвой на священном поле Курукшетре. Именно с этой битвой завершается эра Двапары-юги и начинается четвертая, самая

тяжелая, эра истории человечества – Кали-юга, та, в которой мы сейчас живем.

«А где же Чёрный Баламут? – спросит читатель. – Если сэра Олди решил на художественное переложение древнеиндийского эпоса, то наверняка существует и прототип главного героя?» Непременно! Это и есть Кришна Джанардана, имя которого дословно переводится с санскрита как «чёрный баламут». Ну, а подвиги Кришны известны если не всем, то многим: он поддержал Пандавов, так что пятеро братьев победили сотню своих противников. Может такое произойти? Конечно, если биться не только силой, но и умом, если обхитрить, а может, и обмануть. Или даже... совершить несправедливый поступок: например, убить деда Бхишму, наставника Дрону, да и некоторых других друзей и родичей тоже. Однако у самого Кришны всё в порядке с совестью – именно из его уст звучит знаменитая проповедь «Бхагавад-гиты»...

Кто он есть на самом деле, Кришна? Это земная ипостась одного из богов верховной триады – Вишну, играющего роль Поддержателя мира, или Опекуна. Вместе с Творцом Брахмой и Разрушителем Шивой (понятно, что вместе с разрушающим началом идёт трансформация, созидание Вселенной) он и составляет эту «троицу», а также входит в свастику – пантеон и восьми главных богов индуизма.

Первоначальный расклад «карт», лежавших перед Олди до создания романа, а точнее – романа-эпопеи «Чёрный Баламут», и был основан на «Махабхарате». Но со временем от этого «расклада» почти ничего и не осталось: трёхъярусный корабль (а в него вошли три книги – «Гроза в Безначалье», «Сеть для миродержцев» и «Иди куда хочешь»), не желая подчиняться традициям навигации, ушёл далеко от берега – эпического оригинала.

Различия поразительны! Великий текст «Бхагавад-гиты», который в «Махабхарате» был вложен в уста Кришны как образец любви и доброты, в романе принимает черты страшной

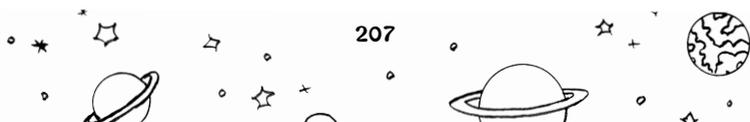

Песни Господа для создания полчищ воинов, готовых сразиться на поле боя не за жизнь, а за смерть. А Опекун Мира становится предметом всеобщей любви, а значит, и любви противоборствующих сторон. И вот как мудро использует он это: сводит кшатриев (воинов) на поле боя. Не в лучшем свете оказались и положительные герои «Махабхараты» – братья Пандавы, и, конечно же, – ученики Рамы-с-Топором. Почему я говорю «конечно»? Ведь и образ самого учителя вызывает не лучшие чувства: он начал с того, что зарубил топором свою маму, а потом и на отца замахнулся. Уже после этого топор был вложен ему в руки самим Шивой.

Неслучайно в «Чёрном Баламуте» идёт повествование от имени Индры-Громовержца, Истинного Миродержца, а потом – и от лица трёх учеников Рамы-с-Топором – Гангеи-Бхишмы, Наставника Дроны и Карны-Секача – все они в самой «Махабхарате» играют антагонистичные роли, а значит, смогут удержать тот «корабль», о котором я сказала выше, на плаву.

Способов искать и находить оригинальные идеи и забивать ими фундамент произведений множество. Более распространённый – пустить стрелу на три лаптя от солнца (или, как у Олди, – на «три жезла левее») и ждать-поджидать, куда же она попадёт. Бывает – в «яблочко», как, например, в «Сказке о царевне-лягушке». Но это редко. Другой способ – открыть сундук с жемчужинами древней мифологии и цеплять то, что под руку попадёт. Здесь уж никто не ошибётся – в любой жемчужине будет скрыта одна из философских концепций: пространства и времени, понимания общества, или же – этика справедливости. Так что обсуждение извечных вопросов о первичности сознания или материи, о познаваемости мира или о том, что такое истина, обеспечено.

В «Махабхарату» можно попасть из любого оружия, в том числе – из рогатки, и с любого расстояния – из Москвы, из Харькова и даже из деревни Оболдуево. В ней (не в деревне, а в «Махабхарате») жемчужин хватит на сотни и даже тысячи

опусов. И вот кто-то взялся за сей великий эпос. Разве откажется он от желания перелицевать священные тексты и совершенно по-новому изложить старые идеи, например, о том, что человек не может изменить предначертание судьбы, избежать смерти или поражения в битве? Непросто отказаться от навязчивой мысли создать образы героев, которые проходят жизненные испытания и потому должны сделать свой выбор: отречься от корыстных целей и встать на службу всеобщего долга, вечной дхармы, или... Или – или. А вопрос о моральной ответственности человека? Это же кладёшь, из которой можно ведрами черпать!

Вот и Олди так подумали. И решили в корне изменить и фабулу, и образы героев. Первое, что сделали, – насытили свою версию художественного изложения «Махабхараты» словесной шелухой вроде «короче, меня», «вот то-то и оно», «уверен – не уверен», «дурацкое сравнение», «гоните в три шеи», «он знал, и я знал, и все знали – чего уж там», «лучше не бывает», «нехорошо, братцы, и нехорошо весьма», «хорошо, и хорошо весьма». И это в то время, как сама «Махабхарата» написана очень благозвучным, лёгким метафоричным языком! Современные авторы нашинковали язык героев индийской мифологии русскими словечками и вывернутыми наизнанку русскими же пословицами, присказками и поговорками: «рожей не вышел», «чуть погодя», «знамо дело», «уж больно распрей пахнет... кровушкой», «мясной блин, что вышел комом», «в Золотом Яйце, с думой на лице».

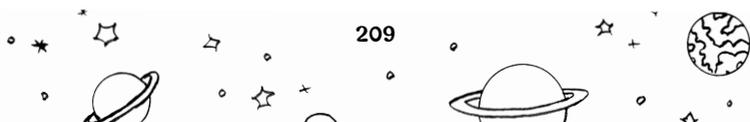
Удивительно, но словесная «шелуха», ко всему прочему, оказалась ещё и заразной. Почитайте рецензии на «Чёрного Баламута», и вы убедитесь в том, что изрядно посыпаны ею сочинения и Михаила Зислиса, и некоего Helix, и даже профессора В.И. Солунского. Последний, правда, и сам признает: «...а то, что стиль (как бы это сказать?) слегка митьковатый, дык это... с кем поведёшься».

Есть в «Чёрном Баламуте» и другие вольности: один из ракшасов (демонов) назван именем Вошкаманда, другие герои выкрикивают фразы: «Братан! Люди, эта сука братана зарезала! Получи!» – звучат утверждения о том, что «харе крышка», что «милость Шивы – это вам не лингам собачий!», и прочие «бхуты-бхараты»... А есть и стишки: «Раз лежит помёту грудиа – значит, прилетал Гаруда». Напомню, что Гаруда – божественное существо с головой, клювом, крыльями и когтями орла, однако с телом человека, и это – ездовая птица (вахана) бога Вишну. Гаруда изображён на гербах Таиланда и Индонезии, а в последней его именем ещё и названы национальные авиалинии. А вот ещё один стишок: «На горе стоит ашрам, из него торчит лингам».

Пожалуй, оставлю поэзию «на десерт». А пока продолжу разговор о прозе.

Есть в русском языке выражение «лить воду». Поясню (скорее всего, для иностранцев), что эта фраза – тоже выразительное средство русского языка, а значит, имеет не прямой, а переносный смысл. «Лить воду» – всё равно что «чесать языком». Тоже непонятно? Тогда «лить воду» – значит пустословить или вести «пустой разговор». И возникло у меня желание сравнить шелуху, коей так много в романе, что она засыпала самое ценное – зерна, с водой. Но вот незадача – в романе почти не оказалось чистой, прохладной, создающей ассоциации очищения не только от пыли и грязи, но и от скверны, от любого негатива, воды. И тогда поняла я, почему так много в «Баламуте» всего «пыльного и шершавого»: здесь – и «мочальный жгут» (длинная коса аскета), и шёлковая одежда в пятнах жира и грязи, и замызганная телега... А вода стала всего лишь компонентом, одной из составляющих таких жидкостей, как сома – священный слабоалкогольный напиток из горной эфедры, сура – крепкий алкогольный напиток, гауда – хмельной напиток из патоки, и вайтарани – адская река из крови и нечистот. Правда, несколько раз боги, как и положено, пили амриту – бо-

жественный напиток, получаемый после пахтания океана, но его было так мало по сравнению с вышеперечисленными жидкостями...

Несколько раз встретилась всё-таки и река – ведь нужно же было куда-то отправить корзинки с младенцами? Но это не та река, которую можно назвать первоосновой всего сущего, символом обновления и очищения. В реке, протекающей через «Баламутов», плавают не только «груднички», но и... раздувшиеся трупы! Кстати, о трупах. Они есть не только «раздувшиеся», но и «мёртвые», и даже – «ожившие». Так что не только внутренний мир героев зашлакован грязными братоубийственными идеями, далекими от благородных. Гармония внешнего и внутреннего не нарушена: таким же постыдным и грязным описан и внешний мир. Ощущение такое, будто герои наглотались коктейля из гауды, вайтарани и суры, да так, что отправились совсем в другую от «Махабхараты» сторону. Впрочем, сэр Олди так и сказал им: «Иди куда хочешь».

И тут вспомнила я старый-старый фильм, где бабушки и дедушки играли в классики. Называется он «Сказка о потерянном времени». Помните, там четыре злых волшебника решили вернуть себе молодость, а для этого они должны были найти детей, растрачивающих время понапрасну? Там и дети, и волшебники – все играли в классики. Те, кто пишут, как Олди, на русском языке, и те, кто читают на нём, смогут отличить эти два слова: «классика» и «классики». Ну, а для иностранцев я всё же разьясню. Классика – это «кладезь», то есть, то, что не устаревает. Есть понятия «классическая литература», «классическое искусство». А вот классики – это старинная детская игра, причём поначалу в неё играли только мальчишки, когда на асфальте (или – земле) чертят мелом квадраты и бросают в них биты, а потом и прыгают. Но есть там маленькая площадка, до которой нельзя дотрагиваться ни ногой, ни битой. И называется она «огонь» или «вода». То есть в каждой игре, и даже такой про-

стой, существует зона, похожая на личное пространство человека – в неё не заходят даже близкие члены семьи.

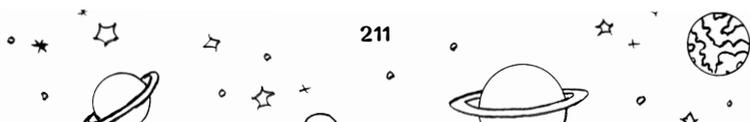
Я пыталась найти такую зону в «Баламутах», а в это время продолжали прыгать, играя в классики, дети в аватарах старичков и старушек. Странные чувства возникают, когда видишь людей не в своем «теле». Среди них были писатели, издатели и просто учёные мужи, заразившиеся «митьковатой» болезнью. «Идёмте к нам! – кричали они прохожим. – У нас тут – вольный перевод древних легенд...». И они зазывали народ с некоторой долей лихачества («А мы тут замахнулись на богов, хотим сделать ревизию, глядишь, кого-то и разжаловать можно! »), с некоторой долей пренебрежения к легендам («Насочиняли тут, а нам приходится раскладывать по полочкам!»), с некоторой долей заигрывания перед читателями («Ребята, мы – свои, слышите, как выражаемся? »).

И пошёл хлестать стёб направо и налево, да так, что рядом с индийскими деревянными падуками появился русский лапоть.

На кого рассчитан «Чёрный Баламут»? Если действительно на «лапотников», то им и дела нет до «Махабхараты». Это слово для них ничего не значит, разве что перекликается с часто употребляемым выражением. Вот сидит на скамейке одна из любительниц так выражаться и плюет на асфальт шелуху от семечек. Она плевала бы и на богов с такими именами, как Кришна и Вишну, если бы знала о них, на Индру-Громовержца и Раму-с-Топором (кажись, дома такой есть!) и на прочую «бхавату». А может, «Баламут» – для тонких интеллектуалов? Увы, не думаю: они не смогут «переварить» сей стёб! С первых же строк романа-эпопеи содержимое их желудка начнет бить фонтаном, как после доброй попойки.

Прав профессор Солунский, поставив вопрос о завтрашнем дне: «Олди добились его, текста, живости для сегодняшнего читателя. А что будет завтра?»

Кто-то помнит музыкальный диск «По волне моей памяти»? Концептуальный альбом Давида Тухманова, выпущенный

фирмой «Мелодия» в 1976 году? В него вошла музыка на стихи поэтов разных эпох и стран. А потом был выпущен ещё один диск, и назывался он «По волне моей памяти 30 лет». Вы поняли, о чём я? Предполагалось, что эти песни будет слушать элитарная публика, а получилось, что их полюбил весь народ, и надолго. Если сравнить подход к «стилизации», о которой так много говорят рецензенты романа Олди, то в случае с диском я бы назвала её «высокой», а в случае с трилогией «Чёрный Баламут» – «низкой». Это – как две ноты «До», стоящие на первой и последней ступенях октавы. Однако... И в том, и в другом случае слушатели и читатели безропотно «проглотили» наживку и даже остались довольны. Поистине широк диапазон сенсорного восприятия у русского человека!

Огромная жемчужина, названная «Махабхаратой», принадлежит не только индийскому народу, но и представителям других стран, исповедующих индуизм: Непала, Бангладеш, Шри-Ланки, Пакистана, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Маврикия, Фиджи, Тобаго, Великобритании, Канады, США. В этих странах не просто поклоняются героям «Махабхараты» и «Рамаяны», но и используют сюжеты древнего эпоса в театральных постановках, в картинах художников, в музыкальных произведениях. И навряд ли истинный адепт индуизма был бы в восторге от «поэтических» изысков сэра Олди, напоминающих частушки в стельку пьяного лаптя.

Ну, и обещанный десерт. Правы Олди, рифмуя слова «ашрам» и «лингам». Первое – это обитель мудрецов и отшельников, место, куда можно прийти для медитации и молитвы. Второе – это основная, важная форма (образ) Шивы. Так что естественно быть ему именно в ашраме. Ну, а если уж идти дальше – к соединению лингама и йони – то это уже образ Лингайони-мурти, символизирующего неделимое единство мужского (Шива, пассивное) и женского (Девы, активное) начал. Соединения, из которого и исходит жизнь.

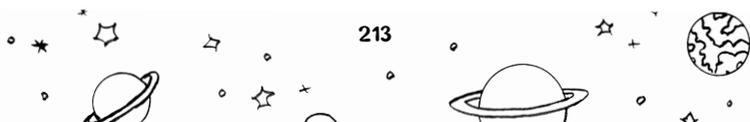

Пытаясь понять силу притяжения трилогии «Чёрный Баламут», я рассматривала её с разных сторон. Согласитесь, сколько бы недостатков в ней мы ни находили, а читатели-то у неё есть! Правда, среди них – и те, кто от этого произведения в поросычем восторге, и те, кто так и не понял, где собака зарыта, и потому плюётся на всех подряд: и кшатриев, и «бхаргав». Один автор напишет десять романов, да так и останется непрочитанным, а тут...

И тогда меня осенило! Надо же, всё гениальное – просто! Трилогия «Чёрный Баламут» – как три лингама Шивы в балийском храме Гоа Гаджа! Этот храм всемирно известен как древнейший ашрам, ставший убежищем для индуистских отшельников в XI веке, его ещё называют и Пещерой Слона (именно так и переводится с индонезийского Goa Gajah). Для истинного адепта индуизма эти лингамы – не отдельный орган тела, а образ, символ божества, которому поклоняются. Индус будет приходить к ним и оказывать знаки внимания, оставляя приношения, а также будет мысленно общаться с Шивой и обмениваться энергией с другими людьми. Пусть это будет даже не тот жартопас, что накапливается в результате страданий или же осознанной аскезы, и о котором говорится в «Баламуте» (на дворе – XXI век!), а лёгкий выплеск положительных эмоций. Другой же, очень далекий от веры в индуистских богов, придёт к лингамам ради интереса, любопытства, как турист. Но он тоже оставит свою корзиночку – чананг, свой цветок.

Ежегодно на Бали прилетает порядка пяти миллионов туристов, и Россия, кстати, входит в топ десять стран. Бесспорно, что многие, если не все туристы, посетят популярный храм Гоа Гаджа и увидят эти самые три лингама Шивы.

К финалу «Чёрный Баламут» немного уgomонился: стало гораздо меньше стёба, правда, пафос и напыщенность сохранились. Потекли даже «молочные реки в кисельных берегах под небом в алмазах». Правда, только в словах героев, не в самом мире... Мир так и остался неумытым.

А трилогия «Чёрный Баламут», как три лингама Шивы, стоит твёрдо в той же самой позиции, как и двадцать лет назад, ни на йоту не отклоняясь от центральной оси. И главное – собирает читателей – почитателей и непочитателей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Вероника Владимировна, 19 лет.

Проживает в п. Пригородный Саратовской области. Стихи и прозу пишет с 13 лет. Имеет несколько конкурсных публикаций.

Контакты:

baranowaveronika@yandex.ru

Горягина Ольга Михайловна, 29 лет.

Проживает в г. Волгоград. Увлекается литературным творчеством около 15 лет. Публиковала свои произведения в сети и межавторских сборниках.

Контакты:

olivia713@rambler.ru

Дёмин Данила Фёдорович, 17 лет.

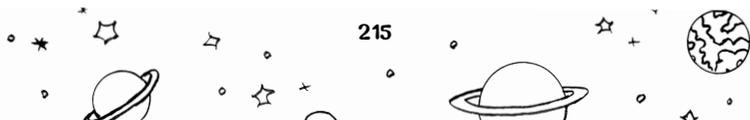
Проживает в г. Всевожск Ленинградской области. Увлекается литературным творчеством более 4 лет. Печатных публикаций не имеет.

Контакты:

danila.traah@gmail.com

Зайцев Владимир Владимирович, 36 лет.

Проживает в г. Кострома. Увлекается литературным творчеством более 10 лет. Посещал литературные студии под руководством поэтов Олега Губанова и Ивана Волкова. В 2011 и 2013 годах помогал в организации фестивалей современной

поэзии «Костромские каникулы». В 2014–2015 годах провел цикл литературных вечеров «Другая оптика». Несколько раз участвовал в форумах молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, организованных фондом СЭИП. Публиковался в сборниках «Новые писатели-2011», «Новые писатели-2019», «Новые имена в поэзии-2019». В 2020 году его подборка стихотворений прошла в полуфинал литературной премии имени Александра Пушкина «Лицей». В этом же году рассказ «На ферме» попал в шорт-лист литературного конкурса «Петроглиф» (Петрозаводск) в номинации «Фантастический рассказ».

Контакты:

vvz84@mail.ru

Казаков Антон Петрович, 35 лет.

Проживает в г. Мюнхен (Германия). Литературным творчеством увлекается в течение 3 лет, работает в жанрах научной фантастики и альтернативной истории. Опубликовал один роман. Вторым романом, написанным в соавторстве, готовится к публикации.

Контакты:

anton.kazakov@gmail.com

Котовский Лев, 28 лет.

Проживает в г. Москва. Литературным творчеством увлекается 10 лет. Является автором ряда научных публикаций в области кибернетики.

Контакты:

infect3D@mail.ru

Ломшина Мария Александровна, 28 лет.

Проживает в г. Волгоград. Увлекается литературным творчеством около 20 лет. Печатных публикаций пока не имеет. Работает в жанре, который сама определяет как «психологическая фантастика». Почти все её рассказы – фантазия о недалеком будущем, которое является лишь фоном для личной драмы героя.

Контакты:

sova.ne.nova@gmail.com

Нурушев Руслан Уразбаевич, 46 лет.

Проживает в г. Волгоград. Литературным творчеством занимается более 25 лет. В основном, размещает свои произведения на сетевых ресурсах, неоднократно публиковал рассказы в межавторских сборниках и журналах «Автограф» и «P.S.». Участвовал в литературных семинарах Петербургской фантастической ассамблеи (повестной семинар 2012 г. в группе А. Кубатиева, романый семинар 2015 г. в группе С. Логинова и Е. Лукина) и Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» (романный семинар 2015 г. в группе Г. Гусакова и Д. Скирюка, повестной семинар 2016 г. в группе Д. Казакова).

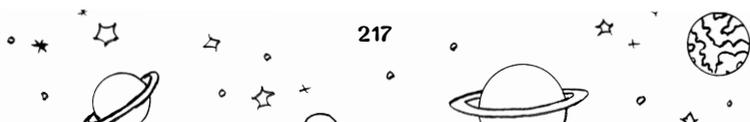
Контакты:

rusnur73@gmail.com

rus-73@inbox.ru

Пальванова Елена Михайловна, 23 года.

Проживает в г. Москва. Первое произведение опубликовала в шестнадцать лет. Имеет более 20 публикаций в межавторских сборниках, альманахах и журналах. Является лауреатом и призёром различных международных и всероссийских литературных конкурсов («Зелёный листок», «Большой финал», «Русский

Гофман», «Витебский листопад», «Будь человеком», «Золотая роза», «Хрустальный родник», «Иллюзии Орфея», «Я тебя никогда не забуду», «Без границ», «Зелёное Яблоко», «Рядом», «Северная звезда», «Графит»), а также конкурсов художественного перевода («Литтера Скрипта», «Читающий Петербург», «Пастернак и Западный мир» и др.). Принимала участие в поэтических фестивалях: «Дементьев-фест», «Зелёное яблоко», «Витебский листопад», «Русский Гофман». Регулярно выступает со своими стихами в Театре живого слова, в ММКЦ на Ярославском шоссе, на ВДНХ и Арбате, в «Библио-Глобусе» и других площадках.

Контакты:

palvanova.elena@mail.ru

Погонина Ирина Константиновна, 60 лет.

Проживает в д. Добрянка Рязанской области. Увлекается литературным творчеством 6 лет. Имеет две публикации в межавторских сборниках. Принимает активное участие в семинарах писателей-фантастов «Малеевка-Интерпресскон».

Контакты:

ipogonina@yandex.ru

Соловьёв Евгений Юрьевич (Саул), 54 года.

Проживает в г. Волгоград. Состоял в клубах любителей фантастики «Ветер Времени» и «Зазеркалье». Литературным творчеством увлекается почти 40 лет, пишет в жанрах юмористического фэнтези и литературной сказки. Неоднократно публиковался в фэнзине «Шалтай Болтай».

Контакты:

saul66@bk.ru

Соляная Ирина Владимировна, 44 года.

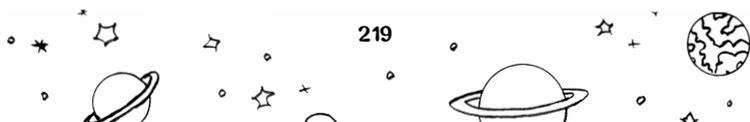
Проживает в г. Калач Воронежской области. Неоднократно публиковала рассказы и стихотворения в журналах и межавторских сборниках, автор книг «Стихи» (М.: Интернациональный союз писателей, 2014) и «Покатилось жизни колесо» (М.: Вече, 2020). В 2019 году стала лауреатом открытого поэтического конкурса-фестиваля «Шиповник», посвященного 130-летию со дня рождения Анны Ахматовой, 2019 г., победителем международного конкурса «Антоновка сорок плюс», 2020 г. в номинации «Проза», победителем Первого международного конкурса «Поэзия "Ангелов Мира"». Является призером конкурса короткой прозы «Новая реальность», 2020 г., организованного Союзом Писателей России, конкурса «Южанин», 2020 г. в номинации «Детектив». Её произведения входили в шорт-листы конкурсов на соискание литературной премии VII Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», 2019 г. и «Новый старт», 2019 г.; в лонг-листы премий «Русский Детектив», 2020 г. и «Русский Гофман-V», 2020 г.

Контакты:

sivbox@yandex.ru

Стелла Странник.

Проживает в г. Горячий Ключ Краснодарского края. По образованию – журналист. Печаталась в российских и зарубежных газетах и журналах. С 2012 года пишет художественную прозу, которую публикует на сайте «Самиздат». Неоднократно принимала участие в различных литературных конкурсах, является лауреатом международного литературного конкурса малой прозы «Белая скрижаль-2012», победителем конкурсов «Legens-Кон» (Рецензия на лучшую читательскую находку 2014 года),

«Моя планета» (2014, 2017, 2018, 2020) и др., занимала первое и второе места в Международном литературном конкурсе крупной прозы «Триммера-2012» в номинации «Обзоры независимых критиков», за рецензии произведений, вышедших в финал конкурса крупной прозы «Связь времен-2017», получила специальный приз «Лучшему рецензенту».

Контакты:

stella.strannik@mail.ru

stella.strannik@gmail.com

Сторожакова Анна Станиславовна, 18 лет.

Проживает в г. Волгоград. Увлекается литературным творчеством несколько лет. Пишет рецензии на книги для журнала «Мир Фантастики». Является членом Евразийской творческой гильдии (Лондон).

Контакты:

anna.storozhakova@mail.ru

Хорунжий Александр Евгеньевич, 26 лет.

Проживает в г. Кемерово. Литературным творчеством увлекается с 15 лет. С 2016 года по 2019 год был членом кемеровской литературной студии «Белый квадрат». С сентября 2018 года состоит в кемеровских клубах любителей фантастики «Тёплый звездолёт», «Странник» и «Адаптация». Имеет ряд публикаций в журнале «Rhythms&Rhymes», в фэнзине «Фантастика-42», в межавторских сборниках и альманахах.

Контакты:

bboy-ezh@mail.ru

Литературно-художественное издание

#Волгакон-2020

сборник фантастических рассказов

Подписано 22.12.2020. Усл. п. л. 12,85.

Формат 148x210. Гарнитура Lora.

Заказ № 2020/71.

Издательство ООО «Перископ-Волга»,
400007, г. Волгоград, ул. Вершинина, 22.

